
Russkaya Starina

Has been issued since 2010.
E-ISSN 2409-2118
2021. 12(1). Issued 2 times a year

EDITORIAL STAFF

Krinko Evgeny – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Editor in Chief)

Larionova Marina – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Deputy Editor-in-Chief)

Grevtsova Tatyana – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Grom Oleg – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Dobrovolskaya Varvara – V.D. Polenov State Russian House of Folk Arts, Moscow, Russian Federation

Shadrina Alla – Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Borkovski Andrzej – University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland

Degtyarev Sergey – Sumy State University, Sumy, Ukraine

Dimitrov Lyudmil – Sofia University St. Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria

Dzhandzhugazova Elena – Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Goretity József – University of Debrecen, Debrecen, Hungary

Zubarev Vera – University of Pennsylvania, Philadelphia, United States of America

Menkovsky Vyacheslav – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Pushkareva Natalia – Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Redkina Olga – Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Salnikova Alla – Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Tyumentsev Igor – Volgograd Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation

Journal is indexed by: **Cite Factor** (Canada), **CrossRef** (USA), **Electronic Scientific Library** (Russia), **ERIH PLUS** (Norway), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Spain), **Journal Index** (USA), **Open Academic Journals Index** (USA), **ResearchBib** (Japan), **Scientific Indexing Services** (USA), **Sherpa Romeo** (Spain).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava – Nove Mesto, Slovakia, 831 04
Release date 22.06.2021
Format 21 × 29,7.

Website: <http://ejournal15.com/>
E-mail: krinko@mail.ru
Typeface Georgia.

Founder and Editor: Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Order № 29

© Russkaya Starina, 2021

Russkaya Starina

2021

Is. 1

Русская старина

Издается с 2010 г.
 E-ISSN 2409-2118
 2021. 12(1). Выходит 2 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (главный редактор)
Ларионова Марина – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (заместитель главного редактора)
Гревцова Татьяна – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Гром Олег – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Добровольская Варвара – Государственный Российский Дом народного творчества имени В.Д. Поленова, Москва, Российская Федерация
Шадрина Алла – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Борковски Анджей – Университет естественных и гуманитарных наук, Седльце, Польша
Горетить Йожеф – Дебреценский университет, Дебрецен, Венгрия
Дегтярев Сергей – Сумский государственный университет, Сумы, Украина
Димитров Людмил – Софийский университет имени святого Климента Охридского, София, Болгария
Джанжугазова Елена – Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация
Зубарева Вера – Пенсильванский университет, Филадельфия, Соединенные Штаты Америки
Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
Пушкарева Наталья – Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Российская Федерация
Редькина Ольга – Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация
Сальникова Алла – Казанский федеральный университет, Казань, Российская Федерация
Тюменцев Игорь – Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Российская Федерация, Волгоград

Журнал индексируется в **Cite Factor** (Canada), **CrossRef** (США), **ERIH PLUS** (Норвегия), **Information Matrix for the Analysis of Journals** (Испания), **Journal Index** (США), **Open Academic Journals Index** (США), **ResearchBib** (Япония), **Scientific Indexing Services** (США), **Sherpa Romeo** (Испания), **РИНЦ** (Россия).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 1367/4, ул. Стара Вайнорска, г. Братислава – Нове Место, Словакия, 831 04

Дата выпуска 22.06.2021
 Формат 21 × 29,7

Сайт журнала: <http://ejournal15.com/>
 E-mail: krinko@mail.ru

Гарнитура Georgia.

Учредитель и издатель: Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Заказ № 29

CONTENTS

Articles

Don General Grigory Dyachkin A.V. Venkov	4
The Forgotten Poet of the Pushkin Era. Part 1 M.Ch. Larionova	13
The Genesis of the Russian National Idea in Russian Literature A.S. Tishchenko	20
National Movements of the People of Russia in Early 20 th Century Through the Eyes of the Ukrainian Publicists (Based on the Materials of the Newspaper “Rada”) O.A. Grom	29
Social Consequences of the September 1927 Earthquake in Crimea D.D. Chelpanova	39
The Fleet of the “Udmurtles” Churovsky Logging Enterprise N.W. Mitiukov, S.L. Bautina	47
Three Years in a Cossack Khutor during the “Stagnation” Period: Ethnographer’s Notes in the Fields of Memoirs of a Rural Teacher. Part 1. Life Support Practices and Authorities M.A. Ryblova	54
The Images of the Red Army and the Wehrmacht in the Great Patriotic War in Computer Games N.S. Shubin	66

Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2021. 12(1): 4-12

DOI: 10.13187/rs.2021.1.4
www.ejournal15.com

Articles

Don General Grigory Dyachkin

Andrey V. Venkov^{a, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

In 2013, students and teachers of the Shakhty Ya.P. Baklanov Cossack Cadet Corps have found in the Tarasovsky district of the Rostov region the graves of three heroes of the Patriotic War of 1812, the Don Cossack generals – Lieutenant General A.A. Karpov, Major General P.M. Grekov and Major General G.A. Dyachkin. During the revolution of 1917, their former graves were destroyed and looted. At the site of their former burials, students found randomly lying bodies mixed with construction debris. Currently, the process of identifying the discovered remains is underway. When this process is completed, the Don generals will be buried according to their status and merits. This article gives a brief biography of one of these undeservedly forgotten heroes. Exploring his life path, we found a number of problems related to the life of the Don Cossack elite.

Keywords: Cossacks, service, Cossack elite, wars, inheritance.

1. Введение

В 2013 г. в слободе Дячкино Тарасовского района Ростовской области учащимися и преподавателями Шахтинского Я.П. Бакланова казачьего кадетского корпуса были обнаружены захоронения сразу трех героев Отечественной войны 1812 г., донских казачьих генералов – генерал-лейтенанта А.А. Карпова, генерал-майора П.М. Грекова и генерал-майора Г.А. Дячкина. Известно, что имя генерал-майора П.М. Грекова было присвоено одному из Донских казачьих полков, наряду с именами таких военных деятелей, как А.В. Суворов, М.И. Кутузов, Ермак Тимофеевич, М.И. Платов и др. Прежние захоронения этих трех казачьих генералов были разграблены и разрушены во время революции. Обнаруженный учащимися и преподавателями склеп был полностью заполнен битым кирпичом и другими остатками снесенного храма, около которого они были захоронены. Найденные тела лежали хаотично вперемешку с кусками надгробной плиты и другим строительным мусором. Уже несколько лет идет процесс идентификации останков. Когда этот процесс завершится, донские генералы будут преданы земле согласно их статусу и заслугам. Данная статья содержит краткую биографию одного из этих незаслуженно

* Corresponding author

E-mail addresses: andrey_venk@rambler.ru (A.V. Venkov)

забытых героев, который не был так известен, как П.М. Греков, но чей род входил, тем не менее, в элиту Войска Донского в XVIII в.

2. Материалы и методы

Признанным специалистом по истории донской казачьей элиты, получившей статус российского дворянства, был Н.С. Коршиков, написавший ряд работ по дворянской земельной собственности на Дону (Коршиков, 1999). О боевом пути донских генералов есть интересное исследование В.М. Безотосного (Безотосный, 1999) и фундаментальный труд А.И. Сапожникова (Сапожников, 2012). Непосредственным источником исследования основных этапов жизни донской служилой верхушки являются их послужные списки, хранящиеся в Государственном архиве Ростовской области и Российском государственном военно-историческом архиве.

Опираясь на принцип историзма, работая в рамках антропологического подхода, поскольку исследуется жизнь представителя особого сообщества, и используя приемы просопографического анализа, автор прослеживает процесс жизни и службы одного из донских генералов со второй половины XVIII в. до первой половины XIX в.

3. Обсуждение и результаты

Григорий Андреевич Дячкин происходил из старшинского рода, входившего в донскую войсковую элиту. Его отец, Андрей Степанович Дячкин, старшина, в 1749 г. был походным атаманом в Низовом корпусе. По донским меркам он был достаточно богатым человеком. По переписи 1763 г. за ним в хуторе Дячкине-Глубокинском числилось 75 малороссов и в хуторе Терновом – 95 душ. К 1782 г. он уже упокоился, но за его вдовой, Евдокией Федоровной, по переписи 1782 г. в хуторе Дячкине числилось 202 малоросса и за сыном Григорием там же – 50 (Коршиков, 1999: 241). Следует объяснить, что малороссами на Дону в тот период называли украинских реестровых казаков, которые бежали на Дон от закрепощения, но здесь становились подневольным податным населением. Часть их селилась в донских станицах, но вынуждена была платить казакам «пожилое» и наниматься к ним в работники, большинство же было перехвачено донской верхушкой, поселено на старшинских землях и превращено в своего рода крепостных, которых, однако, нельзя было продавать.

У Андрея Дячкина было три сына и дочь. Два старших сына носили имя Иван и отличались прозвищами Большой и Меньшой (такая же ситуация была впоследствии в семье М.И. Платова), один из них, старший (1752 г.р.), дослужился до генерал-майора и умер в 1799 г., второй (1753 г.р.) дослужился до полковника и умер в 1798 г. (Корягин, 2005: 144). Наш герой, Григорий Андреевич, был младшим сыном, 1756 г.р. Это следует из того, что в послужном списке за 1818 г. он указал, что ему 62 года (ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 270. Л. 1 об.). По традиционному для Дона принципу минората Григорий Андреевич унаследовал (после смерти матери, которую он, видимо, «досматривал») имение умершего отца – хутор Дячкин. Два старших брата по традиции были отделены и оставили своим вдовам тоже немалое состояние – 273 души в слободе Терновой (Иван Большой) и 205 душ в хуторе Колодезянском (Иван Меньшой) (Корягин, 2005: 144). Григорий Андреевич в послужном списке за 1799 г. отметил: «...крестьян и подданных имеет 200 душ» (ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 208. Л. 77 об.). Родная сестра Григория Андреевича, Анна Андреевна, была женой донского атамана Алексея Ивановича Иловайского (Корягин, 2005: 145).

Что касается образования, то во всех послужных списках с завидным постоянством проходит: «Российской грамоте читать и писать знает» (ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 208. Л. 78).

Свою карьеру Г.А. Дячкин начал, как и подавляющее большинство старшинских детей. С 1 января 1773 г. шестнадцатилетним он был записан на службу казаком (ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 208. Л. 77 об.). Его брат Иван Меньшой тоже начал службу в 16 лет, а Иван Большой (если в использованный документ не вкралась ошибка) – в 2 года (Коршиков, 1999: 241).

Службу Григорий начал в полку родного брата, Ивана Меньшого (Дячкина 2-го), который был произведен в старшины 24 февраля 1771 г. в возрасте 17–18 лет и получил право командовать полком (Корягин, 2005: 144).

Весной 1771 г., во время русско-турецкой войны, на Дунай с Дона подошел полк Ивана Дячкина Меньшого (Венков, 2019: 215). В составе 1-й армии полк Дячкина Меньшого находился с 15 марта 1771 г. по 1774 г., до окончания войны (Венков, 2019: 358).

В послужном списке Григория Андреевича значится: «В полку полковника Дячкина 2-го с 774 Есаулом 774 января 1» (ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 208. Л. 77 об.). То есть, за год службы Григорий Дячкин был произведен в есаулы и в этом чине прибыл в полк родного брата.

Для детей донской старшины в этом не было ничего необыкновенного. Вспомним, как в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина Петруша Гринев был записан в полк еще до своего рождения. Контролируя формирование полков и назначение в них командного состава, донская верхушка ставила командирами своих зачастую несовершеннолетних детей, подбирая к ним в помощники, есаулы и сотники «рабочих лошадок» из отличившихся храбростью и организаторскими способностями казачьих детей.

В послужном списке Григория Дячкина сказано, что в 1774 г. он был на турецкой войне («774 в турецкую войну») (ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 208. Л. 78). Война с турками закончилась, как мы помним, 10 (21) июля 1774 г.

С 10 января 1776 г. Г.А. Дячкин служит в сотном полку на Задонской стороне, прикрывает южную границу Войска. Сотным полком назывался личный полк войскового атамана, и сам Г.А. Дячкин в послужном списке за 1818 г. уточнит: «776-го в Атаманском полку на задонской стороне» (ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 270. Л. 12). 1 января 1777 г. Войско утверждает его в есаульском чине, и он несет службу «при Войске в разных должностях» (ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 208. Л. 78). Через год такой службы он производится в войсковые старшины (с 1 января 1778 г.) и получает право командовать полком. В 1779 г., в возрасте 23 лет «со вверенным полком» Г.А. Дячкин несет службу «в Польше и на Бугу» (ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 208. Л. 78). Отбыв какое-то время дома, 10 мая 1781 г. в составе сотного полка он опять направляется на границу Войска, на Задонскую сторону. Так проходят 1781 и 1782 гг. Полком он не командует, но служит в элитной части – личном полку атамана. Наконец, 1 мая 1783 г. ему вновь доверяют полк и отправляют в Таврию (Крым).

В Таврии Дячкин служит до начала очередной русско-турецкой войны. Примерно в это же время началась война со Швецией. После начала войны Григория Дячкина направили в формируемый ямской казачий полк. Создать такой полк было идеей Г.А. Потемкина. В марте 1788 г. формирование этого полка было поручено командирам донских полков Степану Леонову и Андрею Поздееву. Но казацкие полковники взялись за это дело неохотно, о чем Екатерина II в сентябре 1788 г. жаловалась Потемкину (Хрещатицкий, 1913: 54-55). Дело формирования полка перепоручили генералу И.П. Салтыкову. 7 октября 1788 г. он сформировал из ямщиков Московской, Тверской, Новгородской, Псковской, Смоленской, Ярославской, Вологодской и Костромской губерний Ямской казачий полк для участия в Шведской войне (Галушко, 1993: 16). В 1789 г. в полк набрали 1000 человек (Хрещатицкий, 1913: 67). Командный состав, тем не менее, состоял из донских казачьих офицеров. Вместе с Г. Дячкиным в полку служили и обучали ямщиков есаул Андрей Филиппович Слюсарев, сотник Алексей Алексеевич Протопопов, есаул Аврам Алексеевич Лоцилин, сотник Пантелей Иванович Пантелеев, сотник Семен Иванович Пантелеев и др.

После войны со Швецией полк участвовал в кампании 1794 г. в Польше. В послужном списке Г. Дячкин отметил: «788 с сформированным ямщицким полком казачьим во время шведской войны и польской революции, где за оказанную против польских мятежников при Баруне и Ольшанах храбрость, из коих при первом разбил и прогнал неприятеля, высочайше удостоен в 27 день февраля, кавалером орденом святого Владимира 4-й степени» (ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 270. Л. 12). Эти бои происходили на территории современной Белоруссии в 1794 г.

Ямщицкий полк был упразднен 19 декабря 1797 г. (Галушко, 1993: 16). И Григорий Дячкин записал в свой послужной список: «С 798-го на Дону при Войске в разных употреблениях» (ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 270. Л. 12). За время службы в ямщицком полку он был произведен в премьер-майоры (15 июля 1789 г.) и подполковники (18 ноября 1794 г.). Вернувшись в Войско, он получил чин полковника (15 июля 1798 г.) (ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 208. Л. 77 об.).

Возможно, ко времени пребывания «при Войске» относится женитьба Григория Дячкина. В послужном списке за 1799 год сказано: «Женат на штаб-офицерской дочери Катерине Екимовой, детей не имеет... При войске с 798 года» (ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 208. Л. 78). Ту же информацию содержит послужной список 1800 года (ГАРО. Ф. 341. Д. 231.

Л. 93 об.-94). Послужной список за 1804 год свидетельствует, что Григорию Дячкину 49 лет, крестьян у него 218 душ, детей не имеет (ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 99. Л. 33 об.-34).

«Катерина Екимова» – это Екатерина Акимовна Карпова, сестра платовского сподвижника Акима Акимовича Карпова, в будущем генерал-лейтенанта. Родилась она в 1780 г. (Корягин, 2005: 145). То есть, жену себе Григорий Дячкин подобрал по своему статусу и гораздо моложе себя.

При Войске без определенной должности Г.А. Дячкин пребывал более 10 лет. Видимо, командирские дарования Григория Дячкина не впечатляли донскую верхушку и русское военное командование. Он пропустил 7 войн, и лишь в 1811 г., когда страна вела одновременно две войны, против Турции и Ирана, и стало очевидным грядущее нашествие Наполеона, ему дали под командование казачий полк. «Со вверенным казачьим полком 1811 октября 9», – отметил он в послужном списке (ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 270. Л. 1 об.). Полк Дячкин принял на турецкой границе.

Полк ему достался блестящий. Он был сформирован в 1806 г. и 30 ноября направлен на внешнюю службу под командованием генерал-майора П.Д. Иловайского 2-го. В 1807 г. полк участвовал в 9 сражениях с французами и 6 июля после подписания Тильзитского мира выступил в Молдавскую армию на войну против турок. Здесь полк участвовал еще в 14 боях. 26 августа 1810 г. под Батином погиб командир полка генерал-майор П.Д. Иловайский 2-й. Командующим полком был назначен есаул (с 20 апреля 1811 г. – войсковой старшина) О.В. Поздеев. Под его командованием полк принял участие в четырех штурмах турецких крепостей – Плевны, Сельви и 2 раза штурмовал Ловчу. В марте 1811 г. полк был переведен из Молдавской армии в Подольскую (с марта 1812 г. – 2-я Западная армия). Командовал ею генерал от инфантерии князь П.И. Багратион. В Подольской армии полк нес кордонную службу на участке от м. Жванец вниз по Днестру до впадения в него р. Ягорлык на границе с Турцией и Австрией. В это время в командование полком вступил Г.Я. Дячкин.

В мае 1812 г. его полк включили в состав 3-й Резервной Обсервационной армии генерала от кавалерии А.П. Торماسова. Отраженный в послужном списке Г.А. Дячкина боевой путь полка прекрасно иллюстрирует ситуацию на правом фланге, а затем и в тылу наполеоновской армии в 1812 г. Пока главные силы французской армии шли на Москву, со стороны Дуная в тыл им двинулись русские войска, ранее сражавшиеся с турками.

В армии Торماسова было пять казачьих полков: майора Ф.А. Барабанщикова 2-го, войскового старшины В.А. Власова 2-го, полковника Г.А. Дячкина, войскового старшины М.Д. Платова 5-го и войскового старшины А.Ф. Чикилёва 1-го. Дячкин, как мы видим, по чину был выше всех этих казачьих командиров.

Судя по послужному списку Г.А. Дячкина, с 10 по 27 июля 1812 г. полки шли от границы и достигли г. Луцка, центра Волынской губернии. От Луцка русские войска двинулись еще дальше в северо-западном направлении и вышли чуть ли не к современной польской границе, где 14 августа полк Дячкина вел бой при местечке Любомль Владимир-Волынского уезда Волынской губернии, на полдороге между Луцком и Брестом. Русским здесь противостояли союзные французам австрийцы и поляки.

Первое наступление на Брест было неудачным. С 15 по 18 августа «при отступлении наших войск обратно к Луцку находился в авангарде с полками и удерживал неприятеля», – пометил Дячкин в послужном списке (ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 270. Л. 1 об., 12).

Приведя себя в порядок в Луцке, русские войска вновь активизировались. Г.А. Дячкин записал, что «по нахождении при означенном городе, посланы были партии в тыл, за реку Стырь, где ими разбиты были неприятельские команды и взяты в плен 26 августа 2 неприятельских офицера и 16 рядовых, вторично рядовых 32» (ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 270. Л. 1 об., 12). То есть, в день Бородинской битвы русские войска вели операции в глубоком тылу французов.

В послужном списке нашего героя дальнейшие бои в тылу неприятеля отразились следующим образом: он участвовал в сражениях и походах «7-го сентября при удержании и отражении неприятеля, приходившего в превосходном количестве к нашей переправе, сделанной на реке Стырь, с 12-го по 20-е в следовании к границе на Бугу против местечка Владава, а оттоль чрез Пружаны октября 7-го к местечку Слониму» (ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 270. Л. 1 об., 12).

Далее упоминается самый интересный факт из биографии Г.А. Дячкина: «Того же числа совершенно разбит полк гвардии неприятельской и взят в плен командир того полка генерал Конопка и весь полк» (ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 270. Л. 1 об., 12).

Ситуация была следующей. Великая армия Наполеона располагала большим количеством кавалерии, но, как считал Ф. Энгельс, «как нация, французы являются безусловно самыми плохими наездниками в Европе» (Энгельс, 1959: 309). На фоне французской кавалерии в лучшую сторону выделялась польская кавалерия и ее полки, как считавшиеся на французской службе, так и полки Герцогства Варшавского, союзные Франции. Особой популярностью пользовался 1-й уланский полк Вислинского легиона (1er Regiment de Vistule Lanciers), который с 15 июля 1807 г. возглавил полковник Ян Конопка. Под его командованием в Испании уланский полк проявил себя во всем блеске и был прозван испанцами «адскими пикинерами» – “Los infernos picadors”. В 1808 г. полк участвовал в осаде Сарагосы, в сражении при Осера (28 июля 1808 г.) и Туделе (23 ноября 1808 г.), где прорвал атакой центр испанской позиции. Позже под Талаверой 390 поляков столкнулись с английским 23-м легким драгунским полком (450 драгун). Англичане потеряли 207 человек, еще 105 сдались в плен.

16 мая 1811 г. под Альбуэрой уланы сбили 3 английских пехотных полка, потери которых составили 65–80 % личного состава (Венков, 2013: 250).

6 августа 1811 г. Ян Конопка был произведен в бригадные генералы и 27 января 1812 г. назначен первым майором (colonel-major) 1-го польского уланского полка Императорской гвардии (1er Regiment des chevau-legers polonais de la Garde Imperiale). Польские шевалежеры гвардии считались «храбрейшими из храбрых». В ноябре 1808 г. эскадрон этого полка на глазах Наполеона конной атакой взял неприступную испанскую позицию в ущелье Сомы-Сьерра, последовательно захватив 4 батареи, построенные в ущелье одна за другой.

В июле 1812 г., проходя по территории Литвы, Наполеон «подписывает декрет о немедленном создании 3-го шевалежерского полка гвардии из пяти эскадронов двухротного состава. Новая воинская часть будет сформирована из “польских помещиков или сыновей помещиков”, способных экипироваться за собственный счет и приобрести себе, лошадей ростом от 1,37 до 1,45 м в холке. Полк будет иметь тот же статус, что у 2-го полка (сформированного из голландцев. – А.В.), и иметь такую же форму, как 1-й полк, но его приборные отличия будут желтыми или золотыми вместо белых или серебряных. Генерал Конопка, назначенный полковником-майором, должен заняться организацией этой воинской части» (Лашук, 2004: 290).

Вступив, как было отмечено, в Пружаны, командир русского авангарда барон Ф. Остен-Сакен отправил отряд генерал-майора Е.И. Чаплица в Слоним с предписанием захватить формирующийся там из поляков и литовцев гвардейский полк под командованием Конопки.

В Слониме располагались 1-й и 2-й эскадроны указанного полка (500 гвардейских кавалеристов). Кроме того, в Слониме, родном городе командира полка, бригадного генерала барона Яна Конопки, находились его жена, итальянка Доминика Флоринда (урожденная Пьердилукка), и супруга польского дивизионного генерала Я.Х. Домбровского Барбара (Лашук, 2004: 760).

Генерал-майор Чаплиц выступил с отрядом, состоявшим из Павлоградского гусарского полка, Донского казачьего Дячкина полка, 3 эскадронов Тверского драгунского, 28-го и 32-го егерских полков и конной артиллерийской роты № 13. Отряд шел «чрезвычайно скоро». Последний переход в 70 верст был сделан за сутки. Естественно, пехота отстала, и 7 (19) октября в пятом часу пополудни генерал-майор Чаплиц приблизился к Слониму лишь с гусарами Павлоградского гусарского полка, казачьим полком и 4 орудиями конной артиллерии. По пути часть неприятельских пикетов была схвачена, часть бежала в город (Донское казачество, 2012: 228).

Конопка узнал о приближении русских заранее, в три часа ночи, и приказал трубить тревогу. Обе генеральши вместе с частью 3-го гвардейского уланского полка (4 офицера и 250 солдат) и полковой кассой направились в Голынку, к паромной переправе через реку Щару. Сам Конопка собрал остатки полка и пошел на Дзенциолы.

Согласно польским источникам, поляки долго сопротивлялись, трижды выбивали русских гусар из города, но не смогли противостоять всему отряду Чаплица (Лашук, 2004: 760-761). Согласно рапорту Чаплица, «генерал Конопка с новоформированной польской конной гвардией выбежал из города, и после был преследован нашими войсками верст до 30» (Донское казачество, 2012: 228).

Отряд Чаплица разделился. Отряд конно-артиллерийского капитана И.К. Арнольди (100 гусар и 50 казаков) погнался за генеральскими женами и их конвоем. «С большим трудом генеральским женам удалось переправиться на пароме за реку (22 октября они благополучно добрались через Деречин до Вильно), однако из их эскорта, пытавшегося остановить русских в восьми километрах от Голынки, мало кто спасся. Во время погони отряд Арнольди взял 202 пленных (включая двух офицеров) и захватил под Голынкой полковую кассу, в которой было 34 662 франка (5062 злотых)» (Лашук, 2004: 760). Чаплиц догнал самого Конопку и рассеял его отряд. «Те, кто сумел уйти от погони, проскакали до самого Вильно, сея по пути панику. Всего в плен к русским попали 247 человек: сам генерал Ян Конопка (легко раненный пикой, он был сбит с лошади и пленен казачьим полковником Г.А. Дячкиным), 13 офицеров (среди них майор Юзеф Хлусович, начальники эскадрона Адам Бержинский и Адам Солтан), 42 унтер-офицера, 5 трубачей, 170 рядовых и 16 нестроевых. В бою 19 октября погибло не более 14 литовских кавалеристов, тогда как русские потеряли лишь 7 человек (одного убитым и шесть ранеными). Следует иметь в виду, что недоформированный кавалерийский полк, разбитый при Слониме, имел молодой и совершенно необстрелянный рядовой состав, хотя его командные кадры, взятые из 1-го полка шеволежеров-улан Императорской гвардии, обладали немалым боевым опытом» (Лашук, 2004: 761). «Лишившись своего начальника, весь волонтерный полк разбежался, что имело важные последствия и на остальные формирования в Литве, – отмечал А.И. Михайловский-Данилевский. – Они приведены были в тем больший страх, что полк Конопки почитался ядром сих скопищ, состоя из офицеров лучших фамилий и таких, которые в Испанской войне, особенно при осаде Сарагосы, приобрели себе известность и поляками почитались за неодолимых витязей» (Михайловский-Данилевский, 2008: 375-376).

Что касается Дячкина, то он с полком продолжал бои в тылу противника, а затем с войсками адмирала Чичагова вышел на Березину, где русские войска, подошедшие с Дуная, встретили французов, возвращавшихся из Москвы: «с 9-го по 22-е при местечке Режанах того же числа вторично к Слониму, а оттоль к местечку Борисову, близ которого у селения был ноябрь 14-го и 16-го в сражении с неприятелем, а оттоль в следовании оного командовал 3-мя казачьими полками, бывшими всегда впереди» (ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 270. Л. 1 об., 12). За эти бои на реке Березине Григорий Дячкин был произведен в генерал-майоры (с 14 ноября 1812 г.) (ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 270. Л. 1 об.).

В ноябре и декабре 1812 г. продолжалось преследование и добивание уходящих из России французов и их союзников. Дячкин описал это время так: «27-го, когда неприятель был сильно преследован, который оставил множество орудий и ящиков и при оном забрано в плен более 500 человек, а оттоль проследовал декабря 3 числа за границу в Варшавское княжество к местечку Туроню и 23-го в сражении при оном находился» (ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 270. Л. 1 об., 12). Однако в январе 1813 г. Дячкин был уволен в отпуск на Дон «для излечения болезни» (Безотосный, 1999: 159).

Командующим полком опять был назначен войсковой старшина О.В. Поздеев. Полк участвовал в блокаде крепостей Торна, Кюстрина и Магдебурга, сражался при городах Ютербоке и Лейпциге. В 1814 г. на территории Франции он участвовал в сражениях при Суассоне, Петивье, Этувеле, при взятии города Реймс. 8 сентября 1813 года полку за отличие в деле при г. Слониме было пожаловано Георгиевское знамя зеленого цвета (Сапожников, 2012: 783) с надписью: «Храбром у Донскому казачьему Дячкина полку».

Вызывает вопрос, почему не был награжден за пленение Я. Конопки сам Г. Дячкин. В послужных списках упорно указывается на награждение орденом Св. Владимира 4-й степени за бои 1794 г., другие ордена не называются. Генеральский чин присвоен за бои на Березине. Обычно старшинство чина совпадает со временем подвига. А бои на Березине шли с 14 по 17 ноября. Генеральский чин Г. Дячкину присвоен с 14 ноября, но приказ отдан 16 июня 1813 г. (Корягин, 2005: 145).

Сохранившийся послужной список за 1818 год указывает, что Г.А. Дячкину 62 года, крестьян и подданных имеет 246 душ (ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 270. Л. 1 об.), «сына имеет 12-летнего. При Войске с 1813 г.» (ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 270. Л. 12). Это был последний послужной список Г.А. Дячкина. 8 февраля 1819 г. он умер.

Перед нами история яркого представителя донской казачьей старшины, который оказался на переломе эпох. Его, практически не служившего, поставили командиром полка. В послужном списке он называет два боя за весь XVIII в. За эти бои он награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. В 1812 г. его хватает на полгода боев, и он отбывает из армии по болезни. Но за это время он участвует в «деле», которое отмечается почти во всех работах по истории Отечественной войны 1812 г.

Характерно, что род Дячкиных пресекался. Его сын Иван умер, время смерти нуждается в уточнении. Имущество отошло к вдове Григория Андреевича, Екатерине Акимовне, которая ушла в монастырь. В 1838 г. она стала настоятельницей Старочеркасского Ефремовского женского монастыря и умерла в 1850 г. (Корягин, 2005: 145). Населенные пункты и крепостные, которыми она владела, отошли ее брату генерал-лейтенанту Акиму Акимовичу Карпову. Два старших брата Григория Андреевича умерли бездетными, не дожив до 50 лет. В 1826 г. племянники вдовы Ивана Андреевича (Большого), Феодосии Абрамовны (урожденной Миллер), Иван и Авраам Миллеры начали тяжбу за наследство Дячкиных (Корягин, 2005: 144). Они тем самым претендовали на статус ближайших родственников.

4. Заключение

Во время исследования биографии одного из донских генералов перед нами неожиданно возникает проблема вырождения одного из элитных донских родов. Кроме того, мы видим изменение отношения к донской верхушке с приходом к власти Павла I и Александра I, когда шурина Донского атамана, за 5 лет прошедший, благодаря родственникам, путь от рядового до командира полка, 15 лет ждет производства из полковников в генералы. Перспективной темой остается исследование донской казачьей элиты XVIII в., ее складывания и системы неформальных отношений, господствовавших в ее среде.

5. Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда № 17-18-01411 «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология».

Литература

- Безотосный, 1999** – *Безотосный В.М.* Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году. Малоизвестные и неизвестные факты на фоне знаменитых событий. М.: РОССПЭН, 1999. 192 с.
- Венков, 2013** – *Венков А.В.* Казаки против Наполеона. От Дона до Парижа. М.: Вече, 2013. 368 с.
- Венков, 2019** – *Венков А.В.* Казаки в Первой русско-турецкой войне. 1768–1774 гг. М.: Вече, 2019. 384 с.
- Галушко, 1993** – *Галушко Ю.А.* Казачьи войска России. М.: Русский мир, 1993. 236 с.
- ГАРО** – Государственный архив Ростовской области.
- Донское казачество, 2012** – *Донское казачество в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг.: сборник документов.* Ростов-на-Дону: Российский гос. военно-ист. архив [и др.]. 2012. 736 с.
- Коршиков, 1999.** – *Коршиков Н.С.* Из истории донского дворянства // Проблемы источниковедения и отечественной истории (Памяти А.П. Пронштейна). Ростов-на-Дону: Логос, 1999. С. 226-243.
- Корягин, 2005** – *Корягин С.В.* Кавказская и Восточная войны. Генеалогия и семейная история донского казачества. Вып. 56. М.: Русаки, 2005. 256 с.
- Лашук, 2004** – *Лашук А.* Гвардия Наполеона. М.: Изографус; Эксмо, 2004. 798 с.
- Михайловский-Данилевский, 2008** – *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны в 1812 году. М.: Яуза-Эксмо, 2008. 576 с.

Сапожников, 2012 – Сапожников А.И. Войско Донское в Отечественной войне 1812 г. М.: Альянс-Архео, 2012. 848 с.

Хрещатицкий, 1913 – История лейб-гвардии казачьего его величества полка. 1775–1813–1875–1913. Часть первая. Составил Б.Р. Хрещатицкий. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1913. 408 с.

Энгельс, 1959 – Энгельс Ф. Кавалерия // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 14. М.: Политиздат, 1959. С. 296-325.

References

Bezotosnyj, 1999 – Bezotosnyj, V.M. (1999). Donskoj generalitet i ataman Platov v 1812 godu. Maloizvestnye i neizvestnye fakty na fone znamenityh sobytij [Don generals and ataman Platov in 1812. Little-known and unknown facts against the background of famous events]. М.: ROSSPJeN, 192 p. [in Russian]

Galushko, 1993 – Galushko, Ju.A. (1993). Kazach'i vojska Rossii [Cossack troops of Russia]. М.: Russkij mir, 236 p. [in Russian]

GARO – Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti [State archive of Rostov region].

Donskoe kazachestvo, 2012 – Donskoe kazachestvo v Otechestvennoj vojne 1812 g. i zagranichnyh pohodah russkoj armii 1813–1814 gg.: sbornik dokumentov [Don Cossacks in the Patriotic War of 1812 and the foreign campaigns of the Russian army of 1813–1814: collection of documents]. Rostov-na-Donu: Rossijskij gos. voenno-ist. arhiv [i dr.], 2012. 736 p. [in Russian]

Hreshhatickij, 1913 – Istorija lejб-гвардии казачьего его величества полка. 1775–1813–1875–1913. Част' первая. Sostavil B.R. Hreshhatickij [History of the Life Guards of His Majesty's Cossack Regiment. 1775–1813–1875–1913. Part one. Compiled by B.R. Khreschatytsky]. SPb.: T-vo R. Golike i A. Vil'borg, 1913. 408 p. [in Russian]

Jengel's, 1959 – Jengel's, F. (1959) Kavalerija [Cavalry]. Marks, K., Jengel's, F. Sochinenija [Works]. Vol. 14. М.: Politizdat, pp. 296-325. [in Russian]

Korjagin, 2005 – Korjagin, S.V. (2005). Kavkazskaja i Vostochnaja vojny. Genealogija i semejnaja istorija donskogo kazachestva. Vyp. 56 [The Caucasian and Eastern Wars. Genealogy and family history of the Don Cossacks. Issue 56]. М.: Rusaki, 256 p. [in Russian]

Korshikov, 1999 – Korshikov, N.S. (1999). Iz istorii donskogo dvorjanstva [From the history of the Don nobility]. Problemy istochnikovedenija i otechestvennoj istorii (Pamjati A.P. Pronstejna) [Problems of Source Studies and National History (In memory of A.P. Pronstein)]. Rostov-na-Donu: Logos, pp. 226-243. [in Russian]

Lashuk, 2004 – Lashuk, A. (2004). Gvardija Napoleona [Napoleon's Guard]. М.: Izografus; Jeksmo, 798 p. [in Russian]

Mihajlovskij-Danilevskij, 2008 – Mihajlovskij-Danilevskij, A.I. (2008). Opisanie Otechestvennoj vojny v 1812 godu [Description of the Patriotic War in 1812]. М.: Jauza-Jeksmo, 576 p. [in Russian]

Sapozhnikov, 2012 – Sapozhnikov, A.I. (2012). Vojsko Donskoe v Otechestvennoj vojne 1812 g. [The Don Army in the Patriotic War of 1812]. М.: Al'jans-Arheo, 848 p. [in Russian]

Venkov, 2013 – Venkov, A.V. (2013). Kazaki protiv Napoleona. Ot Dona do Parizha [The Cossacks against Napoleon. From the Don to Paris]. М.: Veche, 368 p. [in Russian]

Venkov, 2019 – Venkov, A.V. (2019). Kazaki v Pervoj russko-tureckoj vojne. 1768–1774 gg. [The Cossacks in the First Russian-Turkish War. 1768–1774]. М.: Veche, 384 p. [in Russian]

Донской генерал Григорий Дячкин

Андрей Вадимович Венков ^{a, *}

^a Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: andrey_venk@rambler.ru (А.В. Венков)

Аннотация. В 2013 г. учащиеся и преподаватели Шахтинского Я.П. Бакланова казачьего кадетского корпуса обнаружили в Тарасовском районе Ростовской области захоронения трех героев войны 1812 г., донских казачьих генералов – генерал-лейтенанта А.А. Карпова, генерал-майора П.М. Грекова и генерал-майора Г.А. Дячкина. Во время революции 1917 г. их прежние захоронения были разрушены и разграблены. На их месте учащиеся обнаружили хаотично лежащие тела вперемешку со строительным мусором. В настоящее время идет процесс идентификации обнаруженных останков. Когда этот процесс завершится, донские генералы будут похоронены согласно их статусу и заслугам. Данная статья представляет краткую биографию одного из этих незаслуженно забытых героев. Исследуя его жизненный путь, мы обнаружили ряд проблем, связанных с жизнью донской казачьей элиты.

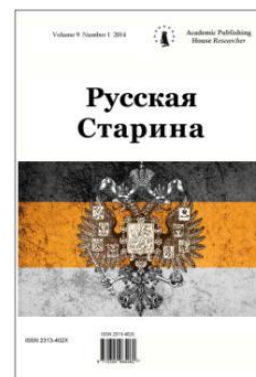
Ключевые слова: казаки, служба, казачья элита, войны, наследство.

Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2021. 12(1): 13-19

DOI: 10.13187/rs.2021.1.13
www.ejournal15.com

The Forgotten Poet of the Pushkin Era. Part 1

Marina Ch. Larionova^{a, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The name of Vasily Ivanovich Tumansky, a popular poet of the 20-30s of the 20th century, a friend of Pushkin, Kukhelbeker, Ryleev, Baratynsky, was forgotten, and his works were not published for more than a hundred years. However, he deserves research attention. His first poem, “The Field of the Battle of Borodino”, was published in the journal “Syn Otechestva” (“Son of the Fatherland”), known for its proximity to future Decembrists. An important place in the poem took the topic of enlightenment and the idea of general welfare. Tumansky borrowed a combination of educational didactics with sensitivity from German philosophy and German sentimentalism. However, the problems that the novice poet solves suggest that he felt the spirit of free thought that most of the Russian noble youth were imbued with. When Tumansky was going to go to France, the capital of European liberalism of the time, Baratynsky wrote a poem addressed to him, “T-mu (In the album)”, which was an evidence of the friendship of the two poets and the support of the Tumansky by the Free Society of Lovers of Literature, Science, and the Arts.

Keywords: Tumansky, Baratynsky, “Syn Otechestva”, poems.

1. Введение

Тема и герой настоящей статьи как нельзя лучше подходят для нашего журнала. Старина – это не просто давно прошедшее, но часто забытое, баснословное, «преданья старины глубокой». Мало кто даже из филологов в наши дни помнит имя поэта начала XIX в. Василия Ивановича Туманского, а ведь в свое время он был очень популярен. Это о нем сказал А.С. Пушкин в «Евгении Онегине» – «наш друг Туманский», ему посвящали стихи В. Кюхельбекер, Е. Баратынский, писали дружеские письма К. Рылеев и А. Бестужев. Не стоит, однако, преувеличивать значение Туманского для русской литературы. Как в свое время заметил В. Саводник, «стихотворения его имеют лишь относительное эстетическое достоинство, мотивы его не отличаются новизной или яркой окраской индивидуальности; но зато они являются весьма характерными для настроения 20-х годов, и, познакомившись с Туманским, мы вместе с тем знакомимся с целым поколением поэтов, духовным вождем которых был Пушкин» (Саводник, 1902: 546). Именно типичность личной и творческой судьбы В.И. Туманского, отражение в его поэзии эстетических ценностей и идеалов эпохи, названной «золотым веком» русской литературы, заставляет извлечь его имя из забвения.

* Corresponding author
 E-mail addresses: larionova@ssc-ras.ru (M.Ch. Larionova)

2. Материалы и методы

Стихи В.И. Туманского, часто печатаемые в современных ему литературных журналах, позже почти не издавались. Назовем только три неполных сборника его стихотворений и писем (Туманский, 1881; Туманский, 1891; Туманский, 1912). Исследователи почти не обращались к творчеству этого поэта. Его имя упоминается обычно в связи с А.С. Пушкиным или декабристами. Поэтому представляется логичным писать о В.И. Туманском с позиций биографического и культурно-исторического методов, что позволит определить его место и роль в литературном движении 20-х годов XIX столетия.

3. Обсуждение и результаты

Основные вехи жизни и творчества В.И. Туманского были обозначены его биографом С.Н. Браиловским (Браиловский, 1912). Мы же обратимся к его ранним стихам. В 1817 г. в журнале «Сын Отечества» была напечатана элегия «Поле Бородинского сражения» с подзаголовком «Первый опыт семнадцатилетнего поэта». С этим журналом сотрудничали Пушкин, Грибоедов, Рылеев, А. Бестужев, Кюхельбекер – общественно-политическая и литературная направленность его в это время очевидна.

Элегия Туманского была, как указано самим автором, подражанием немецкому поэту Тидге, известному философской, в духе Канта, поэмой «Урания», песней «Ехал казак за Дунай» и дружбой со многими русскими путешественниками, посещавшими Германию, особенно с В.А. Жуковским. В «Поле Бородинского сражения» заявили о себе основные черты Туманского-поэта: философичность, медитативность, чувствительность в сочетании с гражданским пафосом:

Покой бежит меня, лишь ужас предо мною;

О человечестве здесь буду горевать (Туманский, 1912: 45).

Характерно, что поэт пишет о Бородинском сражении не в хвалебно-одической державинской манере («Князь Кутузов-Смоленский», «Багратион»), не в духе военно-патриотических песен Ф. Глинки («Военная песнь», «Песнь русского воина при виде горящей Москвы» и др.), а в элегическом жанре. Это открывает большие возможности для размышлений на темы жизни и смерти, суетности земных страстей на пороге вечности («Лишь в жизни ненависть, / Смерть всех нас примиряет!»), на тему героизма, патриотизма всего русского народа:

Спеша умножить строй отечества сынов,

Там дева юношу сама вооружает

И, горестна в душе, веселый кажет вид (Туманский, 1912: 46).

С особым воодушевлением изображает Туманский Багратиона, чью гибель оплакивает все отечество:

Багратион, сии ль питали мы надежды?

Отечества краса, врагов строптивых страх,

Арея грозный сын! Твои сомкнулись вежды!

Но сладостен твой сон – отечество в слезах (Туманский, 1912: 48).

В восприятии и изображении Багратиона Туманский следует, в частности, за Жуковским:

И ты... и ты, Багратион?

Вотще друзей молитвы,

Вотще их плач... во гробе он,

Добыча лютой битвы (Жуковский, 1999: 235).

Элегия «Поле Бородинского сражения» формально содержит приметы этого жанра: наступающий вечер, пробуждающий воображение поэта, дева, приходящая на могилу павшего в сражении юноши, традиционное словоупотребление («Во мрачность дикую закутались леса / И ветерок ночной в кустарниках резвился») и т.д. Однако задачу своей элегии Туманский понимал шире, чем просто напоминание о прошлом, пусть и героическом. Наставление, просвещение царя на уроках славного, но горького прошлого – вот конечная цель размышлений поэта, скорее, дань просветительской традиции, а не свидетельство сформировавшихся убеждений. Всеобщее благоденствие – вот желаемый результат такого просвещения:

Какое зрелище! О юный повелитель!

Взгляни на груди тел и на гряде костей:
 Клянись быть своему народу покровитель,
 И богом мира быть, и счастьем жизни сей.
 Взгляни и сосчитай, когда бежишь за славой,
 Черепьев тысячи, которы здесь лежат...
 Ужель приятно столь – бичом, войной кровавой
 Обломками свой век в Историю вписать? (Туманский, 1912: 48-49).

Любопытно, что «Поле Бородинского сражения» своим антивоенным и просветительским пафосом близко перекликается со стихотворением Пушкина «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году»:

Ты наш, о русский царь! Оставь же шлем стальной
 И грозный меч войны, и щит – ограду нашу;
 Излей пред Янусом священну мира чашу,
 И брани сокрушив могущею рукой,
 Вселенну осени желанной тишиной (Пушкин, 1937: 147).

Но если Пушкин далее рисует благодатные перспективы мирной жизни, то Туманский, проводя исторические аналогии с «Цезарем» и «грозным Карлом», чье «величие» кончилось «в единый черный день» их смертью, продолжает свою главную мысль: «Без доблестей души военна слава – тень!..».

Сочетание просветительской дидактики с чувствительностью Туманский заимствовал у немецкой философии, немецкого сентиментализма, у взятого за образец Тидге. Это будет заметно в более поздних стихотворениях и особенно в письмах. В 1822 г. поэт скажет о себе:

Усердно познакомясь с Кантом
 И просветить желая Русь,
 Я позабыл вертеться франтом,
 Украся шею пышным бантом,
 И горожанам я кажусь
 В пыли зарывшимся педантом (Туманский, 1912: 92).

Но проблемы, которые решает начинающий поэт, позволяют предположить, что он ощущал тот дух свободомыслия, которым была проникнута большая часть русской дворянской молодежи.

Элегия «Поле Бородинского сражения» обратила на себя внимание петербургских литературных кругов. Кюхельбекер так отозвался о ней в своем дневнике: «Для 17-летнего поэта она истинно хороша и лучше в некоторых отношениях тех, которые написал я 20-ти лет. В ней даже есть стих, который не относительно, а положительно прекрасен. Жаль, что он неразлучно соединен с предшествующим ему дурным стихом:

Муж почитаемый в сердцах не умирает,
 Из самой вечности бросает тень свою» (Кюхельбекер, 1929: 125).

В 1818 г. Туманский сблизился с кругом писателей, которые группировались вокруг журнала «Благонамеренный», издаваемого А.Е. Измайловым. Измайлов стоял во главе Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Туманский вступил в общество, когда в нем уже существовали две основные группировки, между которыми шла неявная пока борьба. Вокруг председателя Общества А.Е. Измайлова объединялись литературные и политические консерваторы. Левую часть составляли принятые в 1817–1818 гг. Ф. Глинка, который уже тогда был членом «Союза спасения», Дельвиг, Кюхельбекер, А.Ф. Раевский и др. Будущие декабристы и их сторонники издавали журналы «Сын отечества» и «Соревнователь просвещения и благотворения». Журнал «Сын Отечества» возглавил Н. Греч, поскольку на издательство от имени Общества не было дано разрешения.

Однако в 1818–1819 гг. Туманский по своей художественной ориентации ближе к кругу «Благонамеренного». Он пробует силы в жанре дружеского послания («К друзьям детства»), пишет мадригалы, шарады. Его элегии, пока несколько тяжеловесные («Монастырь», «Воспоминание»), носят следы влияния Жуковского. Общественная позиция Туманского лучше всего выражена в стихотворении 1819 г. «Моя мысль»:

В отчизне драгоценной – с милой
 Я счастлив в жизни сей унылой:
 Любовь родных, любовь друзей

Дороже славы и честей (Туманский, 1912: 64).

Тем не менее в избирательности художественных интересов молодого поэта ощущается направляющее действие левой части Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Он переводит с греческого («Надгробная песня»), и с французского («Вертер к Шарлоте»), увлечен Гете и Парни. Интерес к Парни становится тем более понятным, что Парни, поэт, романтическая личность, пользовался большой симпатией многих поэтов декабристского направления, особенно после того, как подвергся политическим преследованиям за поддержку бостонских инсургентов, грозившую ему Бастилией, о чем в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения», № 5 за 1821 год, была помещена статья под авторством «Н.Ф.».

В статье «О романтической поэзии» О. Сомов так определил причину популярности Парни: «И у французов, между множеством поэтов, подчинившихся правилам так называемой классической поэзии, выказываются иногда такие, которые сбросили с себя иго условий неотступных. Одним из сих смелых почитаю я пылкого Парни. В поэме своей “Иснель и Аслега” он проложил себе дорогу совершенно новую и рассыпал свежие, блестящие цветы на угрюмые скалы снежной Скандинавии» (Сомов, 1823: 15). Туманский перевел два романа из этой поэмы. Кроме того, он в «Благонамеренном» были напечатаны его «Две Мадагаскарские песни (Из Парни)», не включенные ни в одно собрание его сочинений. А между тем именно во второй песне проявилась идеологическая близость Туманского кругу Ф. Глинки, В. Кюхельбекера, А. Бестужева. Поэт выступает здесь противником рабства. По поводу проданной в рабство собственной матерью мадагаскарской девушки он восклицает: «Бесплодные мольбы! Ее продали: обремененную оковами посадили на корабль; и она навеки оставила любезное и дорогое отечество!» (Туманский, 1818: 46).

Еще в 1818 г. Туманский начал строить планы отъезда за границу. В стихотворении «К друзьям детства» он писал:

Я покидаю вас, о Лары красных дней!
О кров родительской, прелестной,
Где я в тиши расцвел, где я вкушал покой!
О други с доброю душой!
Я покидаю вас для дали неизвестной:
Так долг святой велит! (Туманский, 1912: 58).

Неизвестно, что понимал Туманский под «святым долгом»: только ли необходимость изучения европейской культуры, что уже само по себе говорит о многом, или нечто большее. По справедливому замечанию А. Веселовского, «притягательная сила французского национального элемента заключалась в верности политическим традициям, устоявшим во французском народе под гнетом Бонапарта и Бурбонов, в сочувствии политическому возрождению. Париж был в их (молодых писателей. – М.Л.) глазах центром образованности, гуманности и либерализма» (Веселовский, 1916: 147). В 1820 г. в Европу с целью продемонстрировать европейским либералам передовые идеи русской молодежи отправился Кюхельбекер. Неизвестно, имел ли Туманский осознанную цель, но его близость к «левой» партии Вольного общества любителей словесности, наук и художеств подтверждается еще и тем, что этот отъезд не прошел незамеченным.

В «Сыне Отечества» за 1819 г., № 49, было напечатано стихотворение Е. Баратынского «Т-му (В альбом)». Адресатом этого стихотворения традиционно считался Ш. Шляхтинский, смоленский приятель Баратынского. Указание на него принадлежит С.А. Рачинскому и с тех пор повторялось издателями стихотворений поэта, в том числе такими авторитетными, как «Библиотека поэта» и «Литературные памятники». Причем комментаторов несколько не смущало, что в первой публикации, а в журнале «Сын Отечества» была первая публикация этого стихотворения, оно названо именно «Т-му». Как оно может относиться к Шляхтинскому – непонятно, если только не предположить опечатку или анаграмму (Т – перевернутое Ш). Весь комментарий Рачинского заключается в карандашной помете к этому стихотворению в одном из сборников сочинений Баратынского, который хранится в Татевском архиве. Повторение этого утверждения может объясняться тем, что исследователи и комментаторы имели дело с более поздней редакцией стихотворения, где снято название и конкретные приметы адресата и обстановки, в которой оно было написано. Любопытно, что это не единственный случай биографии Туманского, которому так не повезло с местом в литературной жизни начала

1820-х гг. Чуть позже Кюхельбекер заменит название стихотворения «К Туманскому» на «К Ахатесу», что тоже введет в заблуждение исследователей. А еще позже Пушкин черновик письма адресует одному лицу, а само письмо в окончательном варианте – Туманскому. Но можно с уверенностью первым адресатом стихотворения Баратынского назвать Туманского.

Достаточно веские аргументы обнаруживаются в самом стихотворении. Его содержание – предчувствие тяжелой судьбы, разлуки с «кровом родимым», забвение друзей, печать «судьбы враждебной с юных лет». Поводом для печальных размышлений служит расставание с другом. Туманский в это время уже уехал или готовился к отъезду:

Пускай измаранный листок
Тебе напомнит о Поэте!
Кто знает, друг, какую в свете
Ему тропу назначил рок?
Увы! с растерзанной душою
Не раз я милых покидал
И руку друга пожимал
В прощанье трепетной рукою! (Баратынский, 1819: 126)

Баратынский определенно указывает, куда отправляется его адресат (этих строк нет в других редакциях):

А ты к отеческим полям
С полей победы возвращенный... (Баратынский, 1819: 126)

«Поля победы» – это Франция, конечная цель путешествия Туманского. Стихотворение содержит и намек на творческую близость поэтов:

Когда ж стихи его найдешь,
Залог простой, но дружбе милой,
Прочтешь с улыбкою унылой
И тихо лист перевернешь (Баратынский, 1819: 126).

Туманский, как и Баратынский, был уже признанным автором многих унылых элегий. В послании Баратынского угадываются сразу несколько стихотворений Туманского, в первую очередь, его прощальное «К друзьям детства». Само детство, «родительский кров» (Туманский) оба поэта понимают шире, чем место, где они провели первые годы жизни. Это некий этап духовного созревания, который заканчивается сейчас, с расставанием с друзьями, с «кровом родимым» (Баратынский). Один уехал в Париж, другой вскоре – в Финляндию. А в изображение родимого крова Баратынский включает образы из стихотворения Туманского «Тоска по родине».

Туманский:
Родина милая! скоро ль с надеждою
Щастья к тебе возвращуся?..
...Чистый ручей меж цветов извивается
С тихим журчанием..
...Холм, где невинным младенцем с веселостью
Часто гонялся за пестрою бабочкой... (Туманский, 1912: 58)

Баратынский:
Ты помнишь милую страну,
Где жизнь и радость мы узнали
Где зрели первую весну,
Где первой страстию пылали?
Ручей покинул я родной,
Побрел пустынною тропою... (Баратынский, 1819: 126)

Мотив одиночества, оторванности от родины, от дружеского круга присутствует у обоих поэтов. Но у Туманского надежда на лучшие времена, на память и любовь друзей лишь сводит драматизм к меланхолии?

Но если прежнюю любовью
Вы будете певца смиренного любить,
И Гений мой, склоняся к изголовью,
Шепнет, что верны мне друзья:
Тогда веселости струя

Во грудь унылую прольется,
И голос радости в отчизне отзовется,
И буду счастлив я (Туманский, 1912: 58).

Одиночество у Баратынского безнадежно – ощущение, свойственное всей его поэзии. Оно воспринимается как проявление враждебности судьбы, изгнанничество. Одиночество у Туманского в целом понимается как уединение, покой:

Вот жизни нашей, мой Поэт,
Удачное изображение;
Ах! в свете только шум живет;
Спокойствие – в уединеньи («Стансы к другу». Туманский, 1912: 61-62).

Это ясно понимает Баратынский, противопоставляя судьбу адресата и свою: один возвратится к «отеческим полям», «хваля покой уединенный», другой совершит завет «непримиримой» судьбы.

4. Заключение

Таким образом, стихотворение «Т-му (В альбом)» становится доказательством близости поэтов в 1818-1819 гг. и фактом поэтической биографии не только Баратынского, но и Туманского. Кроме того, оно демонстрирует отношение к Туманскому всей «левой» части Вольного общества тем, что не осталось в альбоме, как сказано в заглавии, а было опубликовано в журнале «Сын Отечества» и приурочено к его отъезду. Так складывалась литературная репутация молодого поэта.

5. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А19-119011190182-8

Литература

- Баратынский, 1819 – Баратынский Е.А. Т-му (В альбом) // *Сын Отечества*. 1819. № 49. С. 126.
- Браиловский, 1912 – Браиловский С. В.И. Туманский (Биографический очерк) // Туманский В.И. Стихотворения и письма / Ред., биогр. очерк и примеч. Браиловского С.Н. СПб.: А.С. Суворин, 1912. 434 с.
- Веселовский, 1916 – Веселовский А.Н. Западное влияние в новой русской литературе. М.: Типо-лит. И.Н. Кушнерев и К°, 1916. 259 с.
- Жуковский, 1999 – Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1999. 759 с.
- Кюхельбекер, 1929 – Кюхельбекер В.К. Дневник: Материалы к истории русской литературы и общественной жизни 10–40-х годов XIX века. [Л.]: Прибой, 1929. 377 с.
- Пушкин, 1937 – Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 1. М.: АН СССР, 1937. 531 с.
- Саводник, 1902 – Саводник В. Забытый поэт Пушкинской плеяды. Василий Иванович Туманский // *Русский Вестник*. 1902. № 2. С. 544-563.
- Сомов, 1823 – Сомов О. О романтической поэзии: Опыт в трех статьях. СПб.: Тип. Императорского воспитательного дома, 1823. 126 с.
- Туманский, 1818 – Туманский В.И. Две Мадагаскарские песни (Из Парни)// *Благонамеренный*. 1818. № 4. С. 44-46.
- Туманский, 1881 – Туманский В.И. Стихотворения (1817–1839) / Биогр. очерк Милорадовича Г.А. Пб.: Тип. И.Е. Габермана, 1881. 176 с.
- Туманский, 1891 – Туманский В.И. Письма и неизданные его стихотворения. Чернигов: гр. Г.А. Милорадович, 1891. 152 с.
- Туманский, 1912 – Туманский В.И. Стихотворения и письма / Ред., биогр. очерк и примеч. Браиловского С.Н. СПб.: А.С. Суворин, 1912. 434 с.

References

- Baratynskij, 1819 – Baratynskij, E.A. (1819). T-mu (V al'bom) [T-mu (To the album)]. *Syn Otechestva*. 49: 126. [in Russian]

Brailovskij, 1912 – *Brailovskij, S.* (1912). V.I. Tumanskij (Biograficheskiy ocherk) [V.I. Tumanskij (Biographical essay)]. Tumanskij V.I. Stihotvorenija i pis'ma. Red., biogr. ocherk i primech. Brailovskogo S.N. [Tumansky V.I. Poems and letters. Ed., biogr. sketch and notes by S.N. Brailovsky]. SPb.: A.S. Suvorin, 434 p. [in Russian]

Kjuhel'beker, 1929 – *Kjuhel'beker, V.K.* (1929). Dnevnik: Materialy k istorii russkoj literatury i obshhestvennoj zhizni 10–40-h godov XIX veka [Diary: Materials for the History of Russian Literature and Public Life of the 10-40s of the XIX century]. [L.]: Priboj, 377 p. [in Russian]

Pushkin, 1937 – *Pushkin, A.S.* (1937). Polnoe sobranie sochinenij: V 16 t. T. 1 [Complete works: In 16 vols. Vol. 1]. M.: AN SSSR, 531 p. [in Russian]

Savodnik, 1902 – *Savodnik, V.* (1902). Zabytyj pojet Pushkinskoj plejady. Vasilij Ivanovich Tumanskij [The Forgotten Poet of the Pushkin Pleiad: Vasily Ivanovich Tumansky]. *Russkij Vestnik*. 2: 544–563. [in Russian]

Somov, 1823 – *Somov, O.* (1823). O romanticheskoj poezii: Opyty v treh stat'jah [About romantic poetry: Practice in three articles]. SPb.: Tip. Imperatorskogo vospitatel'nogo doma, 126 p. [in Russian]

Tumanskij, 1818 – *Tumanskij, V.I.* (1818). Dve Madagaskarskie pesni (Iz Parni) [Two Madagascar Songs (Two Madagascar Songs (From Parny)]. *Blagonamerennyj*. 4: 44–46. [in Russian]

Tumanskij, 1881 – *Tumanskij, V.I.* (1881). Stihotvorenija (1817–1839) / Biogr. ocherk Miloradovicha G.A. [The poems (1817–1839). Biogr. essay by G.A. Miloradovich]. Pp.: Tip. I.E. Gabermana, 176 p. [in Russian]

Tumanskij, 1891 – *Tumanskij, V.I.* (1891). Pis'ma i neizdannye ego stihotvorenija [Letters and unpublished poems of his]. Chernigov: gr. G.A. Miloradovich, 152 p. [in Russian]

Tumanskij, 1912 – *Tumanskij, V.I.* (1912). Stihotvorenija i pis'ma / Red., biogr. ocherk i primech. Brailovskogo S.N. [Poems and letters. Ed., biogr. sketch and notes by Brailovsky S.N.]. SPb.: A.S. Suvorin, 434 p. [in Russian]

Veselovskij, 1916 – *Veselovskij, A.N.* (1916). Zapadnoe vlijanie v novoj russkoj literature [Western Influence in the New Russian Literature]. M.: Tipo-lit. I.N. Kushnerev i K^o, 259 p. [in Russian]

Zhukovskij, 1999 – *Zhukovskij, V.A.* (1999). Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 20 t. T. 1. [Complete works and letters: In 20 vols. Vol. 1]. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 759 p. [in Russian]

Забывтый поэт пушкинской эпохи. Часть 1

Марина Ченгаровна Ларионова ^{a, *}

^a Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Имя Василия Ивановича Туманского, популярного поэта 20–30-х гг. XIX в., приятеля Пушкина, Кюхельбекера, Рылеева, Баратынского, оказалось забытым, а его произведения не издавались более ста лет. Однако он заслуживает исследовательского внимания. Его первое стихотворение «Поле Бородинского сражения» было опубликовано в журнале «Сын Отечества», известном своей близостью к будущим декабристам. Важное место в стихотворении занимает тема просвещения и идея всеобщего благоденствия. Сочетание просветительской дидактики с чувствительностью Туманский заимствовал у немецкой философии, немецкого сентиментализма. Но проблемы, которые решает начинающий поэт, позволяют предположить, что он ощущал тот дух свободомыслия, которым была проникнута большая часть русской дворянской молодежи. Когда Туманский собирался поехать во Францию, столицу европейского либерализма в это время, Баратынский написал адресованное ему стихотворение «Т-му (В альбом)», которое свидетельствует о дружбе двух поэтов и о поддержке Туманского Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств.

Ключевые слова: Туманский, Баратынский, «Сын Отечества», стихотворения.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: larionova@ssc-ras.ru (М.Ч. Ларионова)

Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2021. 12(1): 20-28

DOI: 10.13187/rs.2021.1.20
www.ejournal15.com

The Genesis of the Russian National Idea in Russian Literature

Alexey S. Tishchenko ^{a, *}

^a Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

The concept of “national idea” appeared in the 19th century and became the subject of many discussions. The national idea itself appeared much earlier: its origins can be found in folklore and early texts of ancient Russian literature. In fiction, the national idea is expressed in the following aspects: geopolitical, religious, philosophical, historical. In this article, we analyze the genesis of this concept in ancient Russian monuments – “The Sermon of Law and Grace”, “The Tale of Bygone Years”, “The Word about Igor’s Campaign”, “The Teachings of Vladimir Monomakh”, “The Tale of the Destruction of Ryazan by Batu”. The national idea of the “Sermon of Law and Grace” is connected with the issues of the independence of Russia from Byzantium, the continuity of the Orthodox tradition in Russia, and belief in the supreme purpose of Russia and the Russian people. “The Tale of Bygone Years” reflects the national idea in connection with the construction and strengthening of the Russian state and the prophecy about the historical fate of the Fatherland. The center of the “Word about Igor’s Campaign” and “The Story of the Destruction of Ryazan by Batu” is the idea of uniting the Russian lands and the forces of the people in the fight against external enemies. The content of the “Teachings of Vladimir Monomakh” is the instructions of the prince, which highlight the spiritual and moral principles that bind the Orthodox people. Monuments of Old Russian literature in many ways lay a solid foundation for the further development and comprehension of this issue in fiction, journalistic, philosophical literature.

Keywords: national idea, genesis, folklore, Old Russian literature, Orthodoxy, state, national identity.

1. Введение

Исследования русской литературы и культуры невозможны без обращения к вопросам духовной жизни народа, национальной самобытности, особенностей менталитета, своеобразия понимания народом самого себя и своего предназначения. В связи с этим актуальными являются рассуждения о национальной идее. Несмотря на то, что осмысление этого понятия в различных гуманитарных областях начинается довольно поздно – приблизительно с середины XIX в., – русская традиционная культура и художественная литература содержат зачатки национальной идеи начиная с более ранних эпох. Мы понимаем под национальной идеей систему или комплекс духовно-нравственных, религиозно-философских, общественно-социальных и идеологических принципов, характерных для русского народа и нашедших отражение в художественных текстах. Национальная идея русской литературы связана в первую очередь с пророчеством

* Corresponding author

E-mail addresses: alex.tishenko97@mail.ru (A.S. Tishchenko)

о будущем России, верой в высшее назначение России и русского народа, рассмотрением специфических особенностей русского национального характера и картины мира.

2. Материалы и методы

Материалом для настоящей статьи служат произведения ранней древнерусской литературы: «Слово о законе и благодати митрополита Илариона» ([Слово о законе и благодати митрополита Илариона](#)), «Повесть временных лет» ([Повесть временных лет](#)), «Слово о полку Игореве» ([Слово о полку Игореве](#)), «Поучение Владимира Мономаха» ([Поучение Владимира Мономаха](#)), «Повесть о разорении Рязани Батыем» ([Повесть о разорении Рязани Батыем](#)). Среди научных трудов в основном мы обращаемся к работам Н.А. Бердяева ([Бердяев, 2016](#)), В.С. Соловьева ([Соловьев, 1999](#)), Д.С. Лихачева ([Лихачев, 1979](#)), Л.А. Дмитриева ([Дмитриев, 1980](#)), В.В. Кускова ([Кусков, 1998](#)) и др.

Исследование строится на органическом синтезе традиционных литературоведческих культурно-исторического и социологического методов. Культурно-исторический метод рассматривает художественный текст в неразрывной связи с эпохой, в которую он был написан, и представляет текст как цивилизационный код народа. Согласно социологическому методу, литературное произведение можно интерпретировать как выражение общественного сознания.

3. Обсуждение и результаты

Осмысление вопроса национальной идеи русскими писателями, философами, деятелями культуры, попытки дать толкование этому понятию впервые начинают предприниматься в XIX в. В это время вопрос о русской национальной идее впервые получает оформление в виде словосочетания «русская идея», появившегося в работе Ф.М. Достоевского, который использует его в 1861 г., объявляя о подписке на журнал «Время»: «Мы предугадываем, что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях» ([Достоевский, 1973: 526](#)).

Для В.С. Соловьева национальная идея – это миссия, которая возложена на тот или иной народ Богом: «Органическая функция, которая возложена на ту или другую нацию в этой вселенской жизни, – вот ее истинная национальная идея» ([Соловьев, 1999: 622](#)). Национальная идея России, по мнению философа, заключается в объединении христианских народов: «...всем сердцем и душой войти в общую жизнь христианского мира и положить все свои национальные силы на осуществление, в согласии с другими народами, того совершенного и вселенского единства человеческого рода, непреложное основание которого дано нам в Церкви Христовой» ([Соловьев, 1999: 631](#)). Соловьев признавал исключительную роль России в объединении и спасении христианских народов, но говорил и о мировом единстве, о том, что нельзя быть настроенными против других народов, действовать против них, а только «с ними и для них» ([Соловьев, 1999: 648](#)). Рассуждая о единстве человечества и Вселенской церкви, Соловьев выделяет три мировых силы – восток, западную цивилизацию и славянский мир. Соловьев считает, что лишь славянский мир – это сила, где Бог и человек сосуществуют гармонично, поэтому именно русский народ призван объединить другие народы в стремлении к совершенному вселенскому единству человечества. Для Соловьева национальная идея неотделима от религии.

В осмыслении Бердяева русская идея – это идея общинности, единства народов, братства: «Это русская идея, что невозможно индивидуальное спасение, что спасение коммюнитарно, что все ответственные за всех» ([Бердяев, 2016: 244](#)), «Это есть идея братства людей и народов» ([Бердяев, 2016: 302](#)). Русская идея у Бердяева предполагает сосредоточение всех, часто противоречивых, качеств и сил русского народа, которые долгое время находились в неактуализированном состоянии, для гармоничной жизни, решения всемирных проблем, а также поиска царства Божьего на земле, а в силу этого русская идея является эсхатологической, обращенной к концу. То есть русская идея в понимании Бердяева невозможна без религиозного наполнения.

В современных работах ученые также предпринимают попытки трактовать понятие «национальная идея». И.Б. Орлов считает: «...национальной идеей должно стать некое

понятие, адекватно и похожим образом воспринимаемое большинством населения страны, независимо от языка, вероисповедания, образа жизни, социального статуса, образования и культурного уровня» (Орлов, 2010: 82). Развернутое определение национальной идеи дает А.Б. Багдасарова: «Национальная идея – один из важнейших компонентов национального сознания и самосознания в современном мире. Вызревание национальной идеи в духовной культуре того или иного народа свидетельствует о глубине этносоциальных и этнополитических процессов, их стадийной зрелости, развитости. В то же время появление такого духовного образования, которое можно обозначить понятием “национальная идея” свидетельствует и о глубоких внутренних противоречиях в жизни конкретного этноса, ибо функционально национальная идея есть реакция на потребность в объединении, консолидации разобщенных слоев и структур этнической общности» (Багдасарова, 2004: 55); «Национальная идея – комплекс, включающий в себя совокупность ценностных ориентаций, социальных и идеологических установок, принципов, характерных для представителей той или иной национальности. Национальная идея в какой-то мере “продукт” национального сознания и самосознания, отражающий материальный мир» (Багдасарова, 2004: 56). Из рассуждений Багдасаровой следует, что рождение национальной идеи – следствие осмысления народом себя самого как определенной сознательной общности людей, имеющих единую духовную культуру и находящихся на зрелом, высоком уровне развития общественно-социальных отношений, интеллектуальной жизни. Ю.И. Сохряков утверждает, что национальная идея – это «сложнейший комплекс духовно-нравственных и религиозно-философских ценностей» (Сохряков, 2000: 9). Согласно исследователю, национальная идея прежде всего связана с наличием ценностных ориентиров у определенного народа. Сохряков делает акцент на том, что национальная идея связана с религиозной парадигмой, при этом не только с православием, что можно посчитать вполне справедливым, поскольку истоки национальной идеи могут быть связаны и с дохристианской Русью.

Национальная идея возникла гораздо раньше, чем оформилось это понятие. И.А. Ильин писал: «Ее возраст есть возраст самой России» (Ильин, 2000: 431). Истоки национальной идеи следует искать в глубинах народного самосознания, в культурной памяти нации, зафиксированной в произведениях словесности.

Зачатки национальной идеи обнаруживаются в фольклоре. Именно фольклор, являющийся большей частью национальной культуры, выступает как система традиционных представлений народа и содержит первоосновы народного мировоззрения: складываясь задолго до появления нормативно-правовой системы, фольклор содержит и ее зачатки – регулирует календарь, нормирует взаимоотношения между людьми. Фольклор помогает понять психологию народа и выделить его определенные ценности: семья, любовь, любовь к Родине, труд, общественный долг. Можно сказать, что фольклор сам по себе является национальной идеей, так как это то, из чего вырастает народная культура, без чего не мыслится духовное единство русского народа: «...в поэзии и в истории равным образом заключается таинственная психея народа», «такая поэзия лучше самой истории свидетельствует о внутреннем быте народа, может служить меркою его гражданственности, поверкою его человечности, зеркалом его духа» (Белинский, 1979).

Древнерусская литература закладывает основу фундамента русской литературы, кроме этого она содержит комплекс идей, касающихся в первую очередь национальных, общественно-политических вопросов, которые волновали средневекового человека: «В ее основе лежат высокие нравственные идеалы, вера в человека, в его возможности безграничного нравственного совершенствования, вера в силу слова, его способности преобразования внутреннего мира человека, патриотический пафос служения Русской земле – государству – Родине, вера в конечное торжество добра над силами зла, всесветное единение людей и его победу над ненавистной рознью» (Кусков, 1998: 5). Тексты древнерусской литературы отражают разные стороны национальной идеи и во многом предвосхищают ее осмысление в художественной словесности других, более поздних, эпох.

В «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона национальная идея перекликается с вопросами независимости Руси от Византии, преемственности Русью православной традиции, проблемой ответственности князей перед подданными и Богом. Принятие православного христианства связывается Иларионом со спасительным путем,

на который направил Русь сам Бог: «Се бо уже и мы съ всеми христианами славимъ Святую Троицу, и Иудеа молчить; Христос славимъ бываетъ, а иудеи кленоми; языци приведени, а иудеи отриновени», «Вся страны благии Богъ нашъ помилова и насъ не презрѣ, въсхотѣ и спасе ны, и въ разумъ истинныи приведе» ([Слово о законе и благодати митрополита Илариона](#)). Национальная идея этого памятника не ограничивается лишь религиозным контекстом: «Прославляя русского князя, Иларион тем самым утверждает авторитет России среди других стран, но этот авторитет, по мнению оратора, появился с крещением Руси, с приходом на Русь благодати, а не закона; благодать, дарованная всевышним – это та сила, которая делает страну великой. Историческая миссия русского народа, как считал Иларион, – принять новое учение: “Не въливають бо, по словеси Господню, вина новаго учения благодѣтна въ мѣхы вѣтхы”, “ново учение – новы мѣхы, новы языки!”, согласно митрополиту, русские являются новым народом, которые пришли на смену старым» ([Ларионова, Тищенко, 2019: 89](#)).

Национальная идея «Повести временных лет» связана с установкой летописца создать книгу, которая станет своего рода руководством для князей, будет показывать, как можно, а как нельзя поступать. Самые первые слова повести «Се повесть временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Руская земля, хто в Кieve нача пѣрвѣе княжити, и откуда Руская земля стала есть» ([Повесть временных лет](#)) указывают на тематический диапазон содержания летописи: русская земля, ее исторические судьбы, начиная с момента возникновения и формирования страны. Текст пронизан высокой патриотической идеей могущества Русской земли, ее политической самостоятельности, религиозной независимости от Византии. Вся повесть обращена к русской действительности, сквозь текст проходят мотивы надежды на будущее Русской земли, тревоги за страну. Этот памятник письменности повествует о том, как создавалось Русское государство, какие правила князя, как укреплялась страна и оборонялась от внешних врагов: «...на всем пространстве Руси от Изборска, Ладоги и Белоозера и до северных берегов Черного моря, до Корсуни, где показывали летописцу церковь, в которой крестился Владимир, и до Тмуторокани хранилась историческая память об общерусских героях, о первых русских князьях, “трудом” своим великим собиравших Русскую землю», – отмечает Д.С. Лихачев ([Лихачев, 1979: 52](#)).

В основе сюжета «Слова о полку Игореве» лежит исторический факт – поход на половцев князя Новгорода-Северского Игоря Святославича в 1185 г., который закончился поражением русского войска: большинство людей из дружины погибло, а оставшиеся в живых воины и князя были взяты в плен, но «...автор “Слова” превратил этот частный, хотя и весьма значительный эпизод полуторавековых русско-половецких войн в событие общерусского масштаба: он призывает отомстить за раны Игоря и заступиться “за землю Рускую”» ([Дмитриев, 1980: 79](#)). В «Слове о полку Игореве» описано время, когда проблема феодальной раздробленности Руси стояла на первом месте. Признанное на Любечском съезде разделение княжеств не способствовало мирному их сосуществованию, авторитет Киева падал, вся эта историческая ситуация осложнилась еще и половецкими нашествиями. Все областные центры стремились к независимости, политической самостоятельности. В условиях такой нестабильности мудрый князь Святослав понимал, что выйти из положения можно только путем общих усилий, то есть объединения. Все это положение было осложнено нашествиями половцев, которые в середине XI в. заняли степи между Волгой и Днестром, Крым и Балканский полуостров. Рассказ о походе князя Игоря стал поводом для авторского размышления о судьбе Руси, о пагубности княжеских усобиц, которые повлекли за собой раздробление и ослабление Руси, об историческом прошлом. Посвященное времени феодальной раздробленности, «Слово» подчинено четкой авторской установке: осуждение распрей князей и призыв к единению под началом Киевского престола, чтобы князья, сплотившись, совместными усилиями могли оборонять Русь. Святослав Киевский призывает к объединению ради блага Руси, чтобы справиться с внешними врагами. Для этого необходимо решить следующие задачи: прекратить междоусобицы и отказаться князьям от честолюбия и алчности. Так, со слезами на глазах он осуждает поход Игоря и Всеволода: «О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нѣ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести

закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ!» ([Слово о полку Игореве](#)). Сначала, вспоминая своих предшественников, киевский князь обращается с призывом объединиться, а поражение Игоря видится ему как повод для объединения. Д.С. Лихачев пишет: «Идея единства Русской земли слагается им [автором] из представлений, свойственных эпохе феодальной раздробленности. Автор “Слова” не отрицает, например, феодальных отношений, но в этих феодальных отношениях он постоянно настаивает на необходимости соблюдения подчиняющихся обязательств феодалов, а не на их правах самостоятельности. Он подчеркивает послушание Игоря и Всеволода по отношению к их отцу Святославу и осуждает их за это. Он призывает к феодальной верности киевскому князю Святославу, но не во имя соблюдения феодальных принципов, а во имя интересов всей Русской земли в целом» ([Лихачев, 1979: 198](#)).

«Поучение Владимира Мономаха» занимает важное место в русской литературе XI–XII вв. и содержит наставления великого князя, созвучные национальной идее. С фигурой Владимира Мономаха связано усиление Руси (князь содействовал временному прекращению междоусобиц, упрочению единства Русской земли, прославился успешными походами против половцев), а также время расцвета русской литературы, поэтому этот текст целесообразно рассмотреть сквозь призму постижения национальной идеи литературы, ведь «Поучение», по справедливому замечанию Д.С. Лихачева, имеет большое общественное значение: «“Поучение” Владимира Всеволодовича Мономаха обращено не просто к детям, а к детям – наследникам государственной власти» ([Лихачев, 1979: 149](#)). На это обращал внимание и В.В. Кусков: «Центральная идея “Поучения” состоит в призыве, обращенном к детям Мономаха и всем, кто услышит “сию граматичю”, строго соблюдать требования феодального правопорядка, руководствоваться ими, а не личными, своекорыстными семейными интересами. “Поучение” выходит за узкие рамки семейного завещания и приобретает большое общественное значение» ([Кусков, 1998: 67](#)). Наставления, которые даются великим князем, основаны на православных ценностях: «Поистинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть человеклоубецъ Богъ милостивъ и премилостивъ. Мы человекци, грѣшни суще и смертни, то оже ны зло створить, то хоцемъ и пожрети и кровь его прольяти вскорѣ; а Господь нашъ, владѣя и животомъ и смертью, согрѣшенья наша выше главы нашея терпитъ, и паки и до живота нашего. Яко отецъ, чадо свое любя, бѣя, и паки привлечь е к собѣ, тако же и Господь нашъ показал ны есть на врагы побѣду, 3-ми дѣлы добрыми избыти его и побѣдити его: покаяньемъ, слезами и милостынею» ([Поучение Владимира Мономаха](#)). Этот литературный памятник обращен в первую очередь ко внутреннему миру личности, к высоким духовным качествам, которым, по завещанию Владимира Мономаха, должен следовать каждый православный человек: «...в начальной фразе текста “Поучения” особо подчеркнута именно духовное, христианское начало в герое и его исповеди, духовной автобиографии, что и будет развернуто затем на пространстве всего последующего текста “Поучения”» ([Филипповский, 2006: 83](#)). В этом тексте национальную идею следует рассматривать под определенным углом: здесь вводится категория нравственности, выделить которую можно и в «Повести временных лет», но в этом произведении она получает развитие. Т.В. Меньшиков отмечает: «Идея необходимости духовного единства каждого человека с “братией” и с родной природой, благодаря таким выдающимся образцам художественно-философской мысли, как “Слово о полку Игореве” и “Поучение Владимира Мономаха”, на долгие годы стала неотъемлемой составляющей русского национального сознания и откликнулась в “соборности” А.С. Хомякова, во “всеединстве” В.С. Соловьева и в “философии общего дела” Н.Ф. Федорова» ([Меньшиков, 2009: 121](#)).

В «Повести о разорении Рязани Батыем» известный исторический факт взятия столицы Рязанского княжества стал основой литературного текста, подчиненного четкому идейно-художественному замыслу автора: поскольку нашествие монголо-татар воспринималось современниками как конец всему человеческому существованию, главная мысль автора – показать, как народное войско должно сражаться за Русь. Как известно, незадолго до нашествия Батыя на Рязань прекратились междоусобные войны, которые были большой бедой для всего Русского государства: «История Рязанского княжества до его разорения ордами Батыя наполнена братоубийственными раздорами рязанских князей между собой и с их северными соседями – князьями владимирскими... Нашествие Батыя застигло Рязанское княжество в тот момент, когда, казалось бы, приумолкли усобицы

рязанских князей, когда сгладились и отношения Рязани с соседним Владимирским княжеством» (Лихачев, 1979: 260). Тема защиты Родины, тема скорби по разрушенной родной земле, вопрос об объединении сил людей для борьбы с захватчиками пронизывают это произведение, пафос которого патриотический, героический.

В «Повести...» показано, что причиной поражения рязанского войска является несогласованность действий князей и отсутствие единения людей: «И услыша великий князь Юрьи Ингоревич Резанский приход безбожного царя Батыя, и вскоре посла в град Владимир к благоверному и великому князю Георгию Всеволодовичю Владимирскому, прося помощи у него на безбожного царя Батыя, или бы сам пошел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимирской сам не пошел и на помощь не послал, хотя о себе сам сотворити брань з Батыем» (Повесть о разорении Рязани Батыем). Этот эпизод может и должен восприниматься в предельно обобщающем значении: на примере нашествия армии Батыя на Рязанскую землю автор показывает, что эта беда объединяет и другие земли, ведь Батый «...пойде на град Суздаль и Владимир и желая Рускую землю поплентити, и вѣру христианскую искоренити, и церкви Божии до основания разорити» (Повесть о разорении Рязани Батыем).

Один из центральных образов «Повести...» – образ Евпатия Коловрата. Это рязанский вельможа, который находился в Чернигове вместе с князем Ингварем Ингваревичем в то время, когда полки Батыя осадили Рязань. Евпатий Коловрат напоминает былинного богатыря: «Еупатей же, исполин силою, и разсѣче Хостоврула на полы до седла. И начаша съчи силу татарскую, и многих тут нарочитых багатырей Батыевых побил, ових на полы пресекоша, а иных до седла краяше» (Повесть о разорении Рязани Батыем). Благодаря введению в текст этого образа выражается авторская мысль о силе русского народа, когда «один рязанец бился с тысячью, а два – с тьмою» (Повесть о разорении Рязани Батыем). Образ такого русского героя появляется во второй части повествования, когда Рязань уже разорена и вся земля находится в великой скорби: Федор Юрьевич убит, его жена Евпраксия покончила с собой, услышав «смертоносные слова, исполненные горести» (Повесть о разорении Рязани Батыем), она спрыгнула с терема вместе с маленьким сыном. Рязанский князь перед боем обращается к своему полку: «О господия и братиа моа! Аще от руки Господня благая прияхом, то злая ли не потерпим? Лутче нам смертию живота купити, нежели в поганой воли быти. Се бо я, брат ваш, напред вас изопью чашу смертную за святых Божиа церкви, и за вѣру христьянскую, и за отчину отца нашего, великаго князя Ингоря Святославича!» (Повесть о разорении Рязани Батыем). После этого началась битва, в которой полегло почти все рязанское войско во главе с князем, позже была взята Рязань, а ее жители подверглись поголовному уничтожению. Таким образом, с появлением Евпатия Коловрата вводится мотив отмщения за гибель Родины, и этот герой жертвует своей жизнью ради спасения земли, как и давал наставление Юрий Ингваревич. «Смысл подвига Евпатия Коловрата и его дружины следует искать в глубинах народного сознания: гибель за родную землю оказывается предпочтительней жизни», – отмечают С.Ф. Вититнев и А.В. Шмелева (Вититнев, Шмелева, 2020: 5). Национальная идея «Повести...» очевидна: прежде всего она связана с патриотизмом, народным героизмом. Несмотря на то, что в произведении показана разобщенность князей и несогласованность между ними, одной из главных мыслей «Повести...» является понимание необходимости прилагать совместные усилия, чтобы сохранить и укрепить единое государство. Концовка «Повести...» подтверждает эту мысль – новый князь восстанавливает Рязань: «Благовѣрный во святом крещении Козма сяде на столе отца своего великаго князя Ингоря Святославича. И обнови землю Резаньскую, и церкви постави, и монастыри согради, и пришельцы утѣши, и люди собра. И бысть радость христианом: их же избави Богъ рукою своею крѣпкою от безбожного царя Батыя» (Повесть о разорении Рязани Батыем).

4. Заключение

В художественной словесности национальная идея может быть выражена в следующих аспектах: геополитическом, религиозном, философском, историческом. При этом ни одному из этих направлений она не равна. Художественная словесность содержит национальную идею изначально, поскольку она создается на русском языке и отражает национальную

картину мира и систему ценностей, и эта идея растет и изменяется в процессе формирования нации, государственного строительства и социальных отношений. Истоки национальной идеи обнаруживаются в фольклоре и ранних текстах древнерусской литературы, и они во многом закладывают прочную основу для дальнейшего развития и осмысления этого вопроса в художественной, публицистической, философской литературе.

Литература

Багдасарова, 2004 – Багдасарова А.Б. Национальная идея: сущность и ее трансформация в русской социально-философской мысли // *Вестник Ставропольского государственного университета*. 2004. № 3 (36). С. 55-62.

Белинский, 1979 – Белинский В.Г. Статьи о народной поэзии // *Собрание сочинений в 9 томах*. Т. 4. Статьи, рецензии и заметки. Март 1841 – март 1842. М.: Художественная литература, 1979. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0420.shtml (дата обращения: 15.04.2021).

Бердяев, 2016 – Бердяев Н.А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. М.: Издательство «Э», 2016. 512 с.

Вититнев, Шмелева, 2020 – Вититнев С.Ф., Шмелева А.В. Евпатий Коловрат: художественное воплощение исторического образа // *Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого*. 2020. № 3 (28). С. 4-8.

Дмитриев, 1980 – Дмитриев Л.А. Слово о полку Игореве // *История русской литературы в 4 томах*. Т. 1. Л.: Наука, 1980. С. 74-86.

Достоевский, 1973 – Достоевский Ф.М. Об искусстве. Статьи и рецензии. Отрывки из «Дневника писателя». Письма. Из записных тетрадей и записных книжек. Из художественных произведений. Из воспоминаний о Ф.М. Достоевском. (Составление, вступительная статья и примечания В.А. Богданова). М.: Искусство, 1973. 632 с.

Ильин, 2000 – Ильин И.А. О русской идее // *Собрание сочинений в 10 томах*. Т. 2. Кн. 1. М.: Русская книга, 2000. С. 419-431.

Кусков, 1998 – Кусков В.В. История древнерусской литературы. М.: Высшая школа, 1998. 275 с.

Ларионова, Тищенко, 2019 – Ларионова М.Ч., Тищенко А.С. Тема «русского мира» в древнерусской литературе // *Русская старина*. 2019. № 10 (2). С. 86-94.

Лихачев, 1979 – Лихачев Д.С. Великое наследие. М.: Современник, 1979. 412 с.

Меньшиков, 2009 – Меньшиков Т.В. Русская национальная идея в произведениях отечественных писателей и мыслителей // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 2009. № 2. С. 118-124.

Орлов, 2010 – Орлов И.Б. Национальная идея России как механизм духовной мобилизации и цивилизационной идентичности // *Мир и политика*. 2010. № 7. С. 79-85.

Повесть временных лет – Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 томах. Т. 1. XI–XII века. СПб.: Наука, 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4869> (дата обращения: 30.04.2021).

Повесть о разорении Рязани Батыем – Повесть о разорении Рязани Батыем // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 томах. Т. 5. XIII век. СПб.: Наука, 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4956> (дата обращения: 28.04.2021).

Поучение Владимира Мономаха – Поучение Владимира Мономаха // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 томах. Т. 1. XI–XII века. СПб.: Наука, 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://lib2.pushkinskiydom.ru/tabid-4874> (дата обращения: 30.04.2021).

Слово о законе и благодати митрополита Илариона – Слово о законе и благодати митрополита Илариона // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 томах. Т. 1. XI–XII века. СПб.: Наука, 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4868> (дата обращения: 29.04.2021).

Слово о полку Игореве – Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 томах. Т. 4. XII век. СПб.: Наука, 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4941> (дата обращения: 29.04.2021).

Соловьев, 1999 – Соловьев В.С. Русская идея // Спор о справедливости. М.–Харьков: Эксмо-Пресс, Фолио, 1999. С. 622-648.

Сохряков, 2000 – Сохряков Ю.И. Национальная идея в отечественной публицистике XIX – начала XX вв. М.: Наследие, 2000. 254 с.

Филипповский, 2006 – Филипповский Г.Ю. Изучение «Поучения» Владимира Мономаха в вузе и школе (мотив начал) // Ярославский педагогический вестник. 2006. № 2. С. 83-87.

References

Bagdasarova, 2004 – Bagdasarova, A.B. (2004). Natsional'naya ideya: sushchnost' i ee transformatsiya v russkoi sotsial'no-filosofskoi mysli [National idea: essence and its transformation in Russian socio-philosophical thought]. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (36): 55-62. [in Russian]

Belinskii, 1979 – Belinskii, V.G. (1979). Stat'i o narodnoi poezii [Articles about folk poetry]. *Sobranie sochinenii v 9 tomakh*. T. 4. Stat'i, retsenzii i zametki. Mart 1841 – mart 1842 [Collected works. In 9 vols. Vol. 4. Articles, reviews and notes. March 1841 – March 1842]. М.: Khudozhestvennaya literatura, 1979 [Electronic resource]. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0420.shtml (accessed on: April 15, 2021). [in Russian]

Berdyayev, 2016 – Berdyayev, N.A. (2016). Russkaya ideya. Mirosozertsanie Dostoevskogo [Russian idea. Dostoevsky's worldview]. М.: Izdatel'stvo «E», 512 p. [in Russian]

Dmitriev, 1980 – Dmitriev, L.A. (1980). Slovo o polku Igoreve [The Tale of Igor's Campaign]. *Istoriya russkoi literatury v 4 tomakh*. T. 1. [History of Russian literature in 4 volumes. Vol. 1]. L.: Nauka, pp. 74-86. [in Russian]

Dostoevskii, 1973 – Dostoevskii, F.M. (1973). Ob iskusstve. Stat'i i retsenzii. Otryvki iz «Dnevnik pisatelya». Pis'ma. Iz zapisnykh tetradei i zapisnykh knizhek. Iz khudozhestvennykh proizvedenii. Iz vospominanii o F.M. Dostoevskom. (Sostavlenie, vstupitel'naya stat'ya i primechaniya V.A. Bogdanova) [About art. Articles and reviews. Excerpts from the “Writer's Diary”. Letters. From notebooks and notebooks. From works of art. From the memoirs of Dostoevsky. (Compilation, introductory article and notes by V.A. Bogdanov)]. М.: Iskusstvo, 632 p. [in Russian]

Filippovskii, 2006 – Filippovskii, G.Yu. (2006). Izuchenie «Poucheniya» Vladimira Monomakha v vuze i shkole (motiv nachal) [Studying the “Teachings” of Vladimir Monomakh at the university and school (the motive of the beginning)]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik*. 2: 83-87. [in Russian]

Il'in, 2000 – Il'in, I.A. (2000). O russkoi idee [On the Russian idea]. *Sobranie sochinenii v 10 tomakh*. T. 2. Kn. 1 [Collected works. In 10 vols. Vol. 2. Book 1]. М.: Russkaya kniga, pp. 419-431. [in Russian]

Kuskov, 1998 – Kuskov, V.V. (1998). *Istoriya drevnerusskoi literatury* [History of Old Russian literature]. М.: Vysshaya shkola, 275 p. [in Russian]

Larionova, Tishchenko, 2019 – Larionova, M.Ch., Tishchenko, A.S. (2019). Tema «russkogo mira» v drevnerusskoi literature [Theme of “The Russian World” in the Old Russian literature]. *Russkaya starina*. 10 (2): 86-94. [in Russian]

Likhachev, 1979 – Likhachev, D.S. (1979). Velikoe nasledie [Great heritage]. М.: Sovremennik, 412 p. [in Russian]

Men'shikov, 2009 – Men'shikov, T.V. (2009). Russkaya natsional'naya ideya v proizvedeniyakh otechestvennykh pisatelei i myslitelei [Russian national idea in the works of Russian writers and thinkers]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*. 2: 118-124. [in Russian]

Orlov, 2010 – Orlov, I.B. (2010). Natsional'naya ideya Rossii kak mekhanizm dukhovnoi mobilizatsii i tsivilizatsionnoi identichnosti [The national idea of Russia as a mechanism of spiritual mobilization and civilizational identity]. *Mir i politika*. 7: 79-85. [in Russian]

Pouchenie Vladimira Monomakha – Pouchenie Vladimira Monomakha [The Teachings of Vladimir Monomakh]. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi: v 20 tomakh*. T. 1. XI–XII veka [The library of literature of ancient Russia. In 20 vols. Vol. 1. XI–XII c.]. SPb.: Nauka, 2000 [Electronic resource]. URL: <http://lib2.pushkinskiydom.ru/tabid-4874> (accessed on: April 30, 2021). [in Russian]

Povest' o razorenii Ryazani Batyem – Povest' o razorenii Ryazani Batyem [The Tale of the Destruction of Ryazan by Batu]. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi: v 20 tomakh*. T. 5. XIII vek [The library of literature of ancient Russia. In 20 vols. Vol. 5. XIII c.]. SPb.: Nauka, 2000

[Electronic resource]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4956> (accessed on: April 28, 2021). [in Russian]

[Povest' vremennykh let](#) – Povest' vremennykh let [The Tale of Bygone Years.]. Biblioteka literatury Drevnei Rusi: v 20 tomakh. T. 1. XI–XII veka [The library of literature of ancient Russia. In 20 vols. Vol. 1. XI–XII c.]. SPb.: Nauka, 2000 [Electronic resource]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869> (date of access: 30.04.2021). [in Russian]

[Slovo o polku Igoreve](#) – Slovo o polku Igoreve [The Tale of Igor's Campaign]. Biblioteka literatury Drevnei Rusi: v 20 tomakh. T. 4. XII vek [The library of literature of ancient Russia. In 20 vols. Vol. 4. XII c.]. SPb.: Nauka, 2000 [Electronic resource]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4941> (accessed on: April 29, 2021). [in Russian]

[Slovo o zakone i blagodati mitropolita Ilariona](#) – Slovo o zakone i blagodati mitropolita Ilariona [The Sermon on Law and Grace by Metropolitan Bishop Hilarion]. Biblioteka literatury Drevnei Rusi: v 20 tomakh. T. 1. XI–XII veka [The library of literature of ancient Russia. In 20 vols. Vol. 1. XI–XII c.]. SPb.: Nauka, 2000 [Electronic resource]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4868> (accessed on: April 29, 2021). [in Russian]

[Sokhryakov, 2000](#) – *Sokhryakov, Yu.I.* (2000). Natsional'naya ideya v otechestvennoi publitsistike XIX – nachala XX vv. [The national idea in Russian journalism of the 19th – early 20th centuries]. M.: Nasledie, 254 p. [in Russian]

[Solov'ev, 1999](#) – *Solov'ev, V.S.* (1999). Russkaya ideya [Russian idea]. Spor o spravedlivosti [Fairness dispute]. M.–Khar'kov: Eksmo-Press, Folio, pp. 622-648. [in Russian]

[Vititnev, Shmeleva, 2020](#) – *Vititnev, S.F., Shmeleva, A.V.* (2020). Evpatii Kolovrat: khudozhestvennoe voploshchenie istoricheskogo obraza [Evpatiy Kolovrat: artistic embodiment of the historical image]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo*. 3 (28): 4-8. [in Russian]

Генезис русской национальной идеи в отечественной литературе

Алексей Сергеевич Тищенко ^{a, *}

^a Южный федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Понятие «национальная идея» появилось в XIX в. и стало предметом множества обсуждений. Сама же национальная идея возникла гораздо раньше: ее истоки можно обнаружить в фольклоре и ранних текстах древнерусской литературы. В художественной литературе национальная идея выражается в следующих аспектах: геополитическом, религиозном, философском, историческом. В настоящей статье мы анализируем генезис этого понятия в древнерусских памятниках – «Слове о законе и благодати», «Повести временных лет», «Слове о полку Игореве», «Поучении Владимира Мономаха», «Повести о разорении Рязани Батыем». Национальная идея «Слова о законе и благодати» связана с вопросами независимости Руси от Византии, преемственности Русью православной традиции, веры в высшее назначение России и русского народа. «Повесть временных лет» отражает национальную идею в связи со строительством и укреплением Русского государства и пророчеством об исторической судьбе Отечества. В центре «Слова о полку Игореве» и «Повести о разорении Рязани Батыем» – идея объединения русских земель и сил народа в борьбе с внешними врагами. Содержанием «Поучения Владимира Мономаха» являются наставления князя, в которых выделяются духовно-нравственные принципы, связывающие православный народ. Памятники древнерусской литературы во многом закладывают прочную основу для дальнейшего развития и осмысления этого вопроса в художественной, публицистической, философской литературе.

Ключевые слова: национальная идея, генезис, фольклор, древнерусская литература, православие, государство, национальное самосознание.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alex.tishenko97@mail.ru (А.С. Тищенко)

Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2021. 12(1): 29-38

DOI: 10.13187/rs.2021.1.29
www.ejournal15.com

National Movements of the People of Russia in Early 20th Century Through the Eyes of the Ukrainian Publicists (Based on the Materials of the Newspaper “Rada”)

Oleg A. Grom ^{a, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the publications of the daily newspaper *Rada* dedicated to the national movements on the borderlands of the Russian Empire. The newspaper was published in Kiev from 1906 until the outbreak of the First World War. It was the most influential Ukrainian-language newspaper in Russia. The most interesting are the publications of 1913–1914, when the newspaper had a separate regular column “From the life of non-Russian nations”, which described the cultural life of most noticeable ethnic groups of the Russian Empire: Belarusians, Moldovans, the peoples of the Transcaucasia, Siberia, the Baltic and Volga regions. At the same time, such large national movements as Polish and Finnish became the object of attention of Ukrainian publicists relatively rarely, which emphasized their special position in the ethno-social hierarchy of the non-Russian peoples of the Empire. The articles of the column were usually based on the reprints from other, as a rule, Russian, newspapers, as well as on the reports from the own *Rada*’s correspondents. The newspaper publicists tried to look for the features that united the Ukrainian national movement and the movements of other peoples of Russia, as well as examples of the successful implementation of the cultural and educational undertakings. Comparison of the *Rada*’s materials with other sources allows us to determine the degree of completeness of the description of a particular non-Russian question, as well as to reveal distortions, inaccuracies and factual errors.

Keywords: Russian Empire, non-Russians, national movements, periodicals, *Rada*, journalism.

1. Введение

Для исследователей национальная проблематика в Российской империи начала XX в. часто представляется как механическая сумма различных национальных вопросов, поставленных отдельными национальными движениями. Однако важно понимать, что такого рода движения не существовали сами по себе, а находились в процессе постоянного взаимодействия не только с разнообразными имперскими акторами, но и друг с другом. Задача исследователя состоит в том, чтоб определить, каким образом осуществлялось это взаимодействие, что национальные движения знали друг о друге, как заимствовали идеологемы, формы деятельности и стратегии взаимодействия с властью.

Между национальными движениями позднеимперской России существовало несколько каналов трансфера идей. Первыми выступали университеты и другие крупные

* Corresponding author

E-mail addresses: gromescu@gmail.com (O.A. Grom)

учебные заведения, среди которых особо важное значение имели заведения, расположенные на окраинах – Юрьевский университет, Киевский университет, Рижский политехникум и др. Именно здесь формируются студенческие землячества, часто по этническому принципу, из которых затем складываются целые течения национальных движений. Так, члены бессарабского землячества при Юрьевском университете, существовавшего на рубеже веков, составили в 1905–1907 гг. костяк левого крыла молдавского национального движения. При этом контакты с представителями других этнических землячеств являлись важным фактором осознания себя в качестве представителей молдавской нации и борцов за ее будущее (Chicu, 1936: 434-435). Другой формой взаимодействия выступали прямые контакты через отдельных представителей того или иного движения, вольно или невольно оказавшихся на «чужой» окраине. И, наконец, в эпоху публичности доминирующее значение приобретает печать. Причем огромная роль здесь принадлежала русской прессе, как центральной, так и крупным региональным изданиям, агрегировавшей новости с различных окраин и доступной для представителей интеллигенции разных народов империи.

До начала 1910-х гг. правая публицистика добилась большего успеха в «познании» национальных движений России. К примеру, газета «Окраины России», выходящая с 1906 по 1912 гг., целиком была посвящена изучению окраин и продвижению там «русского дела» (Гром, Дмитриева, 2020: 484-530). Леволлиберальные публицисты, претендовавшие на роль защитников «угнетенных наций», крайне неохотно переходили от обращения к частным случаям к попыткам общего осознания феномена инородческих движений. Наиболее значимой попыткой описать национальный вопрос в России стал вышедший в 1910 г. сборник статей «Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия» (Формы национального движения..., 1910). Здесь национальные движения рассматривались сквозь призму «прогрессистского» дискурса и фактически игнорировались те течения в рамках национальных движений, которые можно было бы назвать «консервативными». Кроме того, некоторые из статей были написаны самими представителями инородческих движений и представляли собой в большей степени апологетику, а не анализ. В 1909 г. в Москве было основано «Общество единения народностей России», объединившее преимущественно представителей прокадетского лагеря (Московские ведомости. 1909. № 260. 10 ноября). Лишь в 1914 г. общество обзавелось собственным печатным органом, журналом «Народы и области». В рецензии на первый номер журнала, напечатанной в черносотенной (sic!) газете «Друг», отмечалось, что «журнал появляется в момент, когда настает время справедливого учета национального элемента в культурной и общественной жизни. Начинают отрешаться от взгляда на него, как на нежелательное ответвление от общечеловеческих задач, как на помеху политическим и культурным достижениям» (Друг. 1914. № 132. С. 3). Примерно половину каждого номера «Народов и областей» составляли новости с окраин, в которых описывались различные события из жизни российских инородцев, что стилистически сближало журнал с газетами вроде «Окраин России» и «Рады», о которой речь пойдет ниже. Всего было выпущено 8 номеров журнала.

2. Материалы и методы

Источником для написания данной статьи послужили публикации газеты «Рада», главного рупора «прогрессивных» украинских националистов, единственной выходящей в Российской империи с 1906 по август 1914 гг. ежедневной украинской газеты. В отличие от большинства других изданий на национальных языках, например, молдавских и белорусских, «Рада» активно интересовалась не только «своим» движением, но и движениями других народов. В этом интересе можно выделить 2 этапа: 1) 1906–1912 гг., когда сообщения о других национальных движениях появлялись от случая к случаю и 2) 1913–1914 гг., когда на страницах газеты выделилась отдельная постоянная рубрика «З життя недержавних націй» («Из жизни недержавных наций»). Наибольший интерес представляют публикации, выходящие именно в 1913–1914 гг., т.к. они охватывают почти все крупные народы империи и позволяют составить относительно полную картину жизни нерусских подданных России.

3. Обсуждение и результаты

На первом этапе «Рада» мало чем отличалась от большинства других национальных изданий дореволюционной России. Наибольший интерес украинские публицисты проявляли к белорусскому вопросу, как наиболее похожему на украинский. Белорусы воспринимались как «младшие братья», едва вступившие на путь национального возрождения. Также «Рада» вела полемику с другими газетами по общим вопросам национальной политики. При этом и правая, и левая пресса одинаково критиковались. Со временем тематика статей по национальному вопросу расширяется, все чаще появляются статьи с заголовками вида «Национальное движение среди бурятов» (Рада. 1907. № 175. С. 2), «Юбилей эстонской прессы» (Рада. 1908. № 23. С. 3), «На Кавказе» (Рада. 1908. № 114. С. 2) и т.п.

В статье «Возрождение чувашей», подписанной псевдонимом М.Л. (вероятно, украинский общественно-политический деятель и публицист М.М. Лозинский), рассказывалась краткая история культурно-просветительского движения среди этого поволжского народа от появления первых религиозных книг благодаря стараниям «покойного реакционера Ильминского» до перехода первой чувашской газеты «Хыпар» («Весть») из рук «патриотов-миссионеров» в руки «прогрессивных чувашей» в конце 1906 – начале 1907 гг., что в итоге и привело к закрытию газеты властями. Автор статьи подчеркивал, что Ильминский, будучи агентом обрусительной политики, «несознательно» оказал услугу освободительному движению, т.к. его деятельность по переводу богослужебных книг на инородческие языки способствовала формированию национальных интеллигенций у чувашей и других народов Поволжья и Сибири. Непосредственным поводом для написания статьи стали слухи о намерении интеллигентов-чувашей вновь издавать собственную газету, что «должно порадовать всех сторонников возрождения недержавных народностей». В заключении статьи была высказана мысль, что «для российского государства будет гораздо полезнее, когда каждая недержавная народность в полной мере разовьет свои национально-культурные черты и внесет в общегосударственный прогресс свой собственный вклад» (Рада. 1909. № 216. С. 2).

В 1910–1911 гг. наблюдался всплеск интереса к грузинской тематике, и Кавказу вообще. На старницах «Рады» появляется серия публикаций, посвященных грузинам и украинско-грузинским связям: «Грузины об украинцах», «Культурно-просветительское дело у грузин», «Грузины о Шевченко» и т.д. Возможно, это было связано с выступлениями ряда грузинских депутатов в защиту интересов инородцев в Государственной думе. Кроме того, кавказские города, такие как Баку и Тифлис, имели крупные украинские общины; в Баку с 1906 г. действовало украинское общество «Просвіта», а в Тифлисе в 1910 г. появился украинский театральный кружок, выполнявший задачи, схожие с задачами просвита (Рада. 1911. № 65. С. 2).

В 1913 г. интерес украинских публицистов к национальным движениям в России выходит на новый уровень, когда рубрика «3 життя недержавних націй» становится постоянной. В определенные моменты редкий номер газеты обходился без новостей и заметок о разных народах и окраинах империи. Первое появление рубрики приходится на январь 1913 г., в рубрике было напечатано несколько заметок о якутах, где наряду с ожидаемыми сведениями о росте числа якутских спектаклей и переводах на якутский язык произведений Гоголя и Толстого, говорилось, например, о росте потребления якутами одеколона в связи с запретом на ввоз в область спирта. В этом же номере была напечатана заметка про преподавание закона божьего среди белорусов-католиков. Автор ее выступил резко против желания властей учить белорусов «по-московски», вместо польского, настаивая, что только использование в школах белорусского языка может служить действенным средством охранения белорусов от полонизации (Рада. 1913. № 22. С. 2).

Вопрос об источниках информации для наполнения рубрики «Из жизни недержавных наций» остается открытым. Большинство публикаций подобного рода не содержат ни ссылок на источники, ни указаний на авторство. Однако, анализируя содержание и редкие отсылки, можно предположить, что материал брался преимущественно из других газет, как правило общеимперских. Наиболее часто встречается упоминание газеты «Речь». Иногда цепочки заимствований были достаточно длинными. Например, «Речь» ссылалась на публикации в «Одесском листке» или «Бессарабской жизни», а те газеты в свою очередь

могли ссылаться на другие периодические издания. Нередко это приводило к эффекту испорченного телефона, исковерканным названиям, неточным переводам и т.д. Другим источником служили письма украинцев, живущих на различных окраинах империи.

Украинские публицисты наиболее часто обращались к событиям из жизни следующих народов: литовцы и латыши; народы Кавказа (в первую очередь, грузины, азербайджанцы, армяне, однако появлялись и публикации про начало возрождения народов Северного Кавказа – чеченцев, осетин, черкесов и т.д.); белорусы; народы Поволжья и Средней Азии; молдаване. Довольно высокий процент публикаций был посвящен народам Сибири: бурятам и якутам. На первый взгляд такое распределение, не всегда соответствовавшее численности народов и развитости их общественной жизни, может показаться странным. Но если проанализировать географию таких постоянных рубрик газеты как «Заметки» и «Письма в редакцию», особенно касательно корреспонденций из-за пределов этнографической Украины, то такой набор народов и процент их появления становится понятным – преимущественно в этих регионах существовали крупные украинские «колонии» и недостатка в корреспондентах, обладающих информацией о местных событиях, не было. Исключение в этом ряду, пожалуй, составляют молдаване. Однако можно предположить, что информация о них поступала либо через одесских корреспондентов «Рады», либо через существовавшее при Киевском университете молдавское землячество, активность которого пришлась как раз на начало 1910-х гг. Впрочем, как будет показано ниже, статьи о молдаванах изобиловали неточностями и едва ли их авторами были люди, глубоко погруженные в тему.

Следует отметить сравнительно малый интерес «Рады» к финляндскому и польскому вопросам, в то время как едва ли какой номер общероссийской, региональной, или городской русской газеты обходился без упоминаний этих наиболее проблемных окраин. Польский вопрос освещался преимущественно в контексте отношений поляков с соседними народами – евреями, литовцами, украинцами и белорусами. Лишь в 1914 г. собственно польское национальное движение стало все чаще появляться в рубрике «Из жизни недержавных наций», однако и здесь в процентном отношении заметки про поляков уступали, например, заметкам об армянах, грузинах и молдаванах. В этом факте, вероятно, нашло отражение особое положение финнов и поляков в этнических иерархиях Российской империи, что затрудняло их символическое включение в категории «иностранцев», или «недержавных наций». Другое возможное объяснение может состоять в том, что публицисты «Рады» не видели смысла тратить время на освещение тех сюжетов, которые и так были на слуху у любого жителя России, читавшего газеты. Так, в одной из немногочисленных публикаций про Финляндию можно встретить достаточно характерную оговорку: «Про современную борьбу финляндцев за свою автономию говорить не приходится, почти каждый день газеты подают все новые заметки про это» (Рада. 1913. № 206. С. 2).

В тематическом отношении в рубрике «Из жизни недержавных наций» освещались вопросы развития национальных языков, школьного дела, театра; взаимоотношение народов и власти, политика русификации на окраинах, просветительское движение. Также нередко описывались случайные факты и курьезы, как, например, упомянутый выше случай с употреблением одеколona якутами или несколько сообщений о призывах некоего князя Багартида к восстановлению Грузинского царства под патронатом «Всероссийского Сюзерена Государя Императора» (Рада. 1913. № 32. С. 3). Еще одним примером из серии полукурьезов можно назвать заметку о том, как осетинский съезд решил ограничить размер калыма 200 рублями за девицу или вдову и 100 рублями за разведенную, т.к. этот обычай подрывал благосостояние народа. Также съезд предложил налагать штраф в размере 100 рублей за кражу невесты (Рада. 1913. № 228. С. 2). У читателей могло сложиться представление о событиях этого съезда как о единичном явлении. Однако съезд был лишь частью большой дискуссии по поводу борьбы «с вредными обычаями» среди осетин и далеко не положил конец калыму и похищению невест (Периодическая печать Кавказа, 2016: 543-690).

В качестве отдельного сюжета рубрики можно выделить межнациональные отношения. Чаще всего публицисты «Рады» обращались к польско-еврейским (Рада. 1913. № 163. С. 2; 1914. № 11. С. 2; № 29. С. 2), польско-литовским (Рада. 1913. № 32. С. 3; № 219. С. 2; 1914. № 147. С. 3) и грузино-армянским отношениям (Рада. 1913. № 169. С. 3-4; 1914.

№ 25. С. 2; № 44. С. 2). Польско-литовские (как и польско-белорусские) противоречия строились на проблеме языка преподавания закона божьего для католиков, а грузино-армянский «конфликт» возник на почве учреждения на Кавказе политехнического института, который грузинская и армянская общественность считали потенциально «своим». При этом газета «Рада» продвигала мысль, что национальные движения недержавных народов не должны враждовать между собой, т.к., несмотря на противоречия, их цели схожи (Рада. 1913. № 41. С. 3).

Цели публикаций «Рады» по теме национальных движений народов России, помимо сугубо информационных, также лежали в плоскости поиска примеров для украинцев (а также и для других «недержавных наций») и выявления общих черт и точек соприкосновения. Определенный интерес в этом отношении представляет статья С. Порубаймиха «Татарское культурное движение на Кавказе», посвященная азербайджанцам, или, в терминологии начала XX в., бакинским татарам. Автор сравнивает быт, обычаи и развитость национального движения у азербайджанцев и украинцев и приходит к выводу, что культура азербайджанских крестьян «нисколько не ниже украинской крестьянской культуры, а что касается крестьян-москвитов, то она даже много ее превосходит». Особенно импонировало Порубаймиху отношение бакинских татар к алкоголю. Те деньги, которые украинские крестьяне «пропивали», у азербайджанцев «шли на дело», что вело к росту национального капитала (Рада. 1913. № 36. С. 2).

Много внимания автор уделяет деятельности татарской интеллигенции в Баку, которая вся «демократическая, недавнего происхождения». Здесь подчеркивалось сходство с «прогрессивной» украинской интеллигенцией, прежде всего той, которая группировалась вокруг «Рады». В татарском обществе, так же, как и в украинском, существовали нарекания на деятельность интеллигенции: «сетуют, что газеты пишутся интеллигентским языком, не совсем понятным широким народным массам» (Рада. 1913. № 36. С. 2). Дебаты на тему языка «Рады» и других украинских изданий не прекращались вплоть до закрытия газеты. Нужно отметить, что дискуссии о языке, а также об орфографии инородческих изданий были в той или иной степени характерны для большинства окраинных национальных движений. Так, например, издателей молдавских газет, журналов и книг периодически упрекали в использовании «слишком румынского» языка, противопоставленного народному говору бессарабских крестьян (Гром, 2014а: 5-24). Один из рецензентов осетинского клерикального журнала «Чырыстон цард» («Христианская жизнь»), подчеркивая с одной стороны «звучность, гибкость и гармоничность» языка издания, предупреждал издателей от излишнего «отдаления» его от народного говора: «Не надо скрывать, что осетинская интеллигенция, несколько оторвавшись от народа, не может похвалиться чистотой своего говора на родном языке, а потому ей, чтобы быть понятной, нужно ближе прислушиваться к народному говору и более внимательно изучать его на местах» (К.-в. Н., 1910: 268).

Во второй части статьи Порубаймих рассказывает, что в Баку выходят две ежедневных газеты «национально-прогрессистский и демократический» «Икбал» («Благоденствие») и «бульварный» «Садай Хак» («Колос истины»). Тиражи этих газет постепенно выросли с 500–700 до 2000–4000 тыс. экземпляров. В целом у читателя «Рады» должно было сложиться впечатление о большей развитости азербайджанской прессы, чем украинской. Однако Порубаймих невысоко оценивал содержательную сторону татарских периодических изданий: «Что касается техники и содержания... то она еще далеко не высокого качества. Авторы гонятся за примерами европейских популярных газет, ударяются в высокую политику, а на свои болячки мало обращают внимания; национальными вопросами не интересуются, а поэтому этот вопрос никогда не обговаривается в полной мере на страницах прессы кавказских татар» (Рада. 1913. № 51. С. 2).

В публикациях «Рады» постоянно подчеркивалась важность для развития «недержавных наций» кооперативного движения и просветительских организаций, а также широкого участия в национальном движении народных масс. Наиболее привлекательными в этом отношении выглядели народы Прибалтики – литовцы, латыши и эстонцы. В литовцах украинских публицистов притягивала преданность крестьян «национальному делу». Так, в одной из статей рассказывалось о том, что среди литовских крестьян существует традиция одного сына оставлять «при земле», другого отдавать в учение, чтобы

он вернулся в село агрономом, инженером, врачом или учителем, а третьего отправлять в духовную семинарию, чтобы он стал ксендзом (Рада. 1913. № 41. С. 2-3).

В статье «Культурное движение латышей» сообщалось о том, что на 1,5 млн латышей приходится 40 периодических изданий, из которых 7 были представлены ежедневными газетами, а также 150 обществ с 15 тыс. членов (Рада. 1912. № 114. С. 2). Все это подавалось как голый факт, однако любой читатель, знакомый с содержанием газеты, прекрасно понимал, что речь шла о сравнении с Украиной, имевшей население более 20 млн человек, где число более или менее живых украинских периодических изданий можно было пересчитать по пальцам одной руки, а число «национальных» обществ, переживших волну репрессий начала 1910-х гг., едва ли превышало десяток.

В № 270 за 1913 г. была опубликована заметка, проливающая свет на цели публикаций в рубрике «Из жизни недержавных наций» и показывающая, как следовало «правильно» читать публикуемые в ней материалы. Автор отсылает читателей к заметке, напечатанной в одном из предыдущих номеров, и говорит, что многие, возможно, оставят ее без внимания («Что мне грузины?»), но он подчеркивает, что так делать нельзя. Надо обратить внимание на опубликованные цифры по деятельности в Петербурге грузинского и украинского издательств за 1912 год. Членские взносы за год у грузин составили 4877 рублей, в то время как «у нас» – 392 рубля. В итоге за 9 лет деятельности грузины издали 480 тыс. экземпляров книг, а украинцы – около 180 тыс. «Не ответил бы кто из читателей, – задавался риторическим вопросом автор заметки, – чем это можно объяснить?» (Рада. 1913. № 270. С. 3).

Даже относительно редко упоминавшаяся Финляндия была примером развития национальной жизни, которому можно и нужно было следовать. Так, в 1910 г. в газете была напечатана обширная рецензия на журнал «Финляндия», издававшийся в Петербурге на русском языке. «Журнал, – писала газета, – имеет целью знакомить русское общество с Финляндией, с желаниями и стремлениями финляндцев, с социальной, экономической и политической жизнью Финляндии... давать новости про посягательства на самостоятельность Финляндии, доказывать всю безосновательность обвинений финляндцев в “сепаратизме” и враждебном отношении к России». Особенно подчеркивалось, что финляндцы поняли, насколько важен подобный орган, издающийся именно на русском языке. Идея признавалась полезной для украинцев и других «недержавных народов». Конечной целью подобной инородческой агитации на русском языке должна была стать «борьба с теми элементами, которые, пользуясь недостатком знаний о недержавных народах, выдумывают всякую околесицу и осмеливаются, например, доказывать, что украинцам свой язык не нужен, что они русский язык знают лучше своего, что украинцы хотят, чтобы и в школе, и в церкви, и в суде господствовал чужой язык» (Рада. 1910. № 52. С. 2-3). Позднее деятели украинского движения смогут реализовать подобный проект, когда в 1912 г. начнет выходить русскоязычный журнал «Украинская жизнь». Однако еще в 1906 г. у украинских национальных активистов имелся подобный опыт – журнал «Украинский вестник». Кроме того, украинские интеллектуалы активно использовали полосы газет, выходявших в пределах «этнографической Украины» (Федевич).

Отдельный интерес у украинских публицистов вызывала национальная пресса как одно из наиболее эффективных средств трансляции национальной идеи в массы. Например, в 1913 г. «Рада» сообщала о выходе белорусского журнала «Лучынка», третьего после газеты «Наша ніва» (1906–1915), и журнала «Саха» (1913–1915) белорусского периодического издания. Это событие должно было «убедить всех неверующих, что дело возрождения Белоруссии – это не что-то искусственное, а естественное следствие истории XX века». Это дело стоит «на надежном основании, поскольку известно, что первые два органа... пользуются значительным, все возрастающим моральным успехом» (Рада. 1913. № 254. С. 2).

Отдельно следует остановиться на освещении на страницах «Рады» молдавского вопроса. Публикации на эту тему были достаточно регулярными в период с 1910 по 1914 гг. Они в общих чертах достаточно точно описывают основные вехи развития молдавского движения накануне Первой мировой войны, за исключением эпизода с празднованием столетнего юбилея присоединения Бессарабии к России, о котором «Рада» не сообщает ничего. Впервые молдаване становятся героями публикаций «Рады» в 1910 г. В заметке «Разряжение молдаван» рассказывалось об удалении с должности и переводе в Бердянск

инспектора народных училищ Иона Халиппы, брата известного молдавского националиста Пантелеймона Халиппы. Также сообщалось об увольнении других молдаван. В этом «Рада» вслед за «Речью», откуда почерпнула этот материал, видела элемент политики денационализации в Бессарабии (Рада. 1910. №. 152. С. 2).

В том же году «Рада» освещала обсуждение вопроса о введении молдавского языка в начальных школах Бессарабии, в связи с демаршем бессарабского депутата государственной думы Д.П. Гулькина. Гулькин предложил дополнить октябристский список народностей, которым разрешалось преподавание в школе на родном языке, молдаванами, заявив, что бессарабские молдаване, «обрусели духом уже давно», но язык у них никто отнять не в состоянии (Государственная дума, 1910: Стб. 1086). Сепаратизм, по мысли Гулькина, порождает русификация, а поддержка молдавского языка в народной школе должна стать гарантией от его распространения (Государственная дума, 1910: Стб. 1087). Предложение Гулькина встретило сопротивление со стороны других бессарабских депутатов, стоявших на позиции крайних правых. Отец Гепецкий попросил Думу освободить «в высокой степени благородную окраину» от действия октябристской поправки. Его аргументация строилась на том, что молдаване благодаря стараниям духовенства уже пользуются молдавским языком, а принятие октябристской поправки будет означать, что только на «верноподданнических» окраинах, вроде Бессарабии, сохранилась русская государственность (Государственная дума, 1910: Стб. 1239–1240). Иностранческая школа для Гепецкого – это ужасное оружие в руках левых, которое может вызвать в сознании молдаван переворот, а исключение русского языка как языка преподавания приведет к тому, что молдаване не будут владеть государственным языком, единственным средством истинного просвещения (Государственная дума, 1910: Стб. 1241–1242).

В защиту поправки Гулькина выступил грузинский депутат-меньшевик Е.П. Гегечкори, которому накануне киевские студенты-молдаване послали телеграмму с просьбой отстаивать в Думе права молдавской народности (Бессарабская жизнь. 1910. № 264. С. 3). В результате голосования поправка Гулькина была отклонена 141 голосом против 125 (Государственная дума, 1910: Стб. 1279).

В отличие от бессарабских либеральных газет «Рада» отнеслась к демаршу Гулькина скептически: «Г. Гулькин, – писал автор статьи, – “первобытен” в своей наивности, но его нытье про “горе-депутатов”, призванных законом 3 июня быть защитниками своего бессарабского населения, тем резче подчеркивает истинную трагедию окраин, обреченных иметь своими избранниками Пуришкевичей, а ходатаями – Гулькиных» (Рада. 1910. №. 270. С. 2). Однако неделей ранее газета освещала подобный же демарш подольского священника Сендерко, выступившего в Думе в защиту преподавания на украинском языке. Но в данном случае газета отнеслась к подобному выступлению с полным пониманием и сочувствием (Рада. 1910. № 260. С. 1).

В 1912–1913 гг. в «Раде» вернулись к обсуждению молдавского вопроса в связи с распространением в Бессарабской и Подольской губерниях сектантского религиозного учения, названного по имени основателя «иннокентиевщиной»¹. Публицистам «Рады» казалось логичным, что сектантство стало следствием пренебрежения властями молдавским языком, в то время как иеромонах Иннокентий разговаривал со своей паствой на родном языке. Однако они не симпатизируют ни Иннокентию, ни его наивным последователям (Рада. 1913. № 45. С. 2-3; № 49. С. 2-3; № 90. С. 2; 1914. № 67. С. 2). Иннокентиевское движение вызвало дебаты о расширении применения молдавского языка в религиозной и образовательной сферах. В статье «Победа сепаратистов» публицист «Рады» комментировал статью из «Одесского Листка» (Одесский Листок. 1913. № 66. С. 5), сообщавшую о решении светских и духовных властей Бессарабии использовать молдавский язык для борьбы с иннокентиевщиной. Он утверждал, что власти «сами сделали в критическую минуту сторонниками молдавского сепаратизма», и «сама жизнь выступила против не в меру горячих русских “патриотов” и посмеялась над ними. Грустная трагедия тех тысяч несчастных крестьян, что пошли за Иннокентием, вынудила “охранителей” прозреть и взяться за ум» (Рада. 1913. № 68. С. 2). Эта же идея превращения

¹ Подробнее об иннокентиевщине см.: (Гром, 2014b: 86-106).

«охранителей» в «сепаратистов» проводилась и в статье «Сепаратисты поневоле», написанной по случаю принятия съездом бессарабских церковно-школьных деятелей резолюции о необходимости преподавания закона божьего на молдавском языке. Однако ее автор, скрывавшийся за псевдонимом Педагог, приветствуя «уважаемых сепаратистов поневоле», выразил сомнения относительно претворения резолюций в жизнь, поскольку «у нас еще живы в памяти подобные резолюции подольского духовенства относительно украинского языка и их последствия» (Рада. 1913. № 190. С. 3).

Украинские публицисты также проявили интерес к «возродившейся» не без влияния иннокентиевщины и борьбы с ней молдавской периодической печати. В № 123 за 1913 г. была опубликована заметка о выходе журнала «Кувинт молдовенеск» (в тексте – «Кувинт Молдованеск») (Рада. 1913. № 123. С. 2), который назван первым в России молдавским журналом, что было неверным, т.к. еще с 1908 г. выходил церковный журнал «Луминэторул», а в 1906–1908 гг. издавалось несколько молдавских газет. Немного позже в «Раде» появилась и более пространная рецензия на журнал (уже названный правильно). Ее автор писал, что молдаване хоть и учились в русской школе, но русского языка не знают, максимум успевая освоить русскую азбуку. Этим воспользовались молдавские интеллигенты, начав издание журнала русскими буквами, но «хорошим молдавским языком». Он призывал и другие «недержавные нации», которые вынуждены посылать своих детей в государственные школы, последовать примеру молдаван в деле использования русской азбуки в целях национального возрождения. Интересно, что он упрекал издателей в том, что те половину журнала печатают не на народном молдавском, а на литературном румынском языке. Такой способ подачи он считал неудачным при обращении к молдавским крестьянам (Рада. 1913. № 144. С. 2). При этом саму «Раду», равно как и другие украинские издания, постоянно обвиняли в излишней «литературности» языка и нежелании писать «языком Шевченки».

Определенный интерес представляет небольшая заметка о молдаванах «Национальное возрождение». Ее автор говорит, что национальное возрождение среди молдаван «недавно началось», ежедневная газета «Гласул Басарабией» (в тексте – «Гласул Бесарабией») выходит только одна, а ранее выходил еще и клерикальный орган «Луминэторул» («Просветитель») (в тексте название журнала передано как «Луминэторіол» и переведено как «Свет»), но он был приостановлен (Рада. 1913. № 214. С. 2). В действительности же молдавское национальное движение имело более раннюю историю, а в 1913 г. наблюдалась его активизация, газета «Гласул Басарабией» выходила еженедельно, а не ежедневно, а церковный журнал «Луминэторул» издавался без перерывов с 1908 по 1941 гг. Анализ этой заметки показывает, что иногда сведения публицистов «Рады» о других национальных движениях могли быть весьма поверхностными, а конкретные сообщаемые ими факты – ошибочными.

4. Заключение

Таким образом, украинская газета «Рада» является важным источником по истории национальных движений на окраинах Российской империи в начале XX в. Материалы рубрики «Из жизни недержавных наций» позволяют взглянуть на национальный вопрос в России глазами представителей одного из таких движений. В этом и состоит несомненная ценность источника. Целями обращения украинских публицистов к положению дел на других окраинах были поиск примеров для подражания и выявление общих черт в деле развития национальной культуры, просвещения, печати, способов коммуникации национальной интеллигенции и народных масс. Одним из наиболее важных сюжетов, интересовавших украинских публицистов, был вопрос о развитии прессы и печатного дела. Однако материалы, публиковавшиеся в газете, зачастую страдали от эффекта вторых и третьих рук, в них встречаются неточности и ошибки.

5. Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли» (проект № 17-78-20117).

Литература

Бессарабская Жизнь – *Бессарабская Жизнь*, газета. Кишинев, 1910.

Государственная дума, 1910 – Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. 1910 г. Сессия IV. СПб.: Государственная типография, 1910. Ч. I. 3368 стб.

Гром, 2014a – *Гром О.А.* Алфавит, язык и идентичность в Бессарабии второй половины XIX – начала XX вв. // *Plural*. 2014. Vol. II. Nr. 1–2. P. 5–24.

Гром, 2014b – *Гром О.А.* Иннокентиевское движение и «молдавский вопрос» в Бессарабии в начале XX века // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2014. Т. 32. № 4. С. 86–106.

Гром, Дмитриева, 2020 – *Гром О.А., Дмитриева Н.В.* Газета «Окраины России» и национальный вопрос // *Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли*. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2020. С. 484–530.

Друг – *Друг*, газета. Кишинев, 1914.

К.-в. Н., 1911 – *К.-в. Н.* Чырыстон цард // *Владикавказские епархиальные ведомости*. 1911. № 7. С. 267–268.

Московские ведомости – *Московские ведомости*, газета. 1909.

Одесский Листок – *Одесский Листок*, газета. 1913.

Периодическая печать Кавказа, 2016 – Периодическая печать Кавказа об Осетии и Осетинах: в 3-х т. Т. 2. Владикавказ: Проект-Пресс, 2016. 1224 с.

Рада – *Рада*, газета. Киев, 1906–1914.

Федевич – *Федевич К.* Украинский национализм на «чужом» русском языке. 1905–1914. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.historians.in.ua/index.php/en/statti/2679-klimentij-fedevich-ukrainskij-natsionalizm-na-chuzhom-russkom-yazyke-1905-1914> (дата обращения: 07. 04.2021).

Формы национального движения..., 1910 – *Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия / под ред. А.И. Кастелянского*. СПб.: Изд. т-ва «Общественная польза», 1910. 821 с.

Chicu, 1936 – *Chicu Gh.* Pământenia basarabeana din Dorpat // *Viața Basarabiei*. 1936. Nr. 7–8. Pp. 429–447.

References

Bessarabskaja Zhizn' – *Bessarabskaja Zhizn'*, gazeta [Bessarabskaja Zhizn', newspaper]. Kishinev, 1910.

Chicu, 1936 – *Chicu Gh.* (1936). Pământenia basarabeana din Dorpat [Bessarabian student community of Dorpat]. *Viața Basarabiei*. 7–8: 429–447. [in Romanian]

Drug – *Drug*, gazeta [Drug, newspaper]. Kishinev, 1914.

Fedevich – *Fedevich, K.* Ukrainskij nacionalizm na «chuzhom» russkom yazyke. 1905–1914. [The Ukrainian Nationalism in “Foreign” Russian Language]. [Electronic resource]. URL: <http://www.historians.in.ua/index.php/en/statti/2679-klimentij-fedevich-ukrainskij-natsionalizm-na-chuzhom-russkom-yazyke-1905-1914> (date of access: 12.04.2021). [in Russian]

Formy nacional'nogo dvizhenija..., 1910 – *Formy nacional'nogo dvizhenija v sovremennyh gosudarstvah. Avstro-Vengrija. Rossiya. Germaniya* [Forms of National Movement in Modern States. Austria-Hungary. Russia. Germany]. SPb.: Izd. t-va «Obshhestvennaja pol'za», 1910. 821 p. [in Russian]

Gosudarstvennaja дума, 1910 – Gosudarstvennaja дума. Tretij sozyv: Stenograficheskie otchety. 1910 g. Sessija IV. [The State Duma. Third convocation: Verbatim records. 1910 Session IV]. SPb.: Gosudarstvennaya Tipografija, 1910. Part I. 3368 col. [in Russian]

Grom, 2014a – *Grom, O.A.* (2014). Alfavit, jazyk i identichnost' v Bessarabii vtoroj poloviny XIX - nachala XX vv. [Alphabet, Language and Identity in Bessarabia of the Second Half of 19th and Early 20th Centuries]. *Plural*. Vol. II. 1-2: 5–24. [in Russian]

Grom, 2014b – *Grom, O.A.* (2014). Innokentievskoe dvizhenie i «moldavskij vopros» v Bessarabii v nachale XX veka [The Inochentist Movement and the “Moldavian Question” in the Early 20th Century Bessarabia]. *Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom*. 32. 4: 86–106. [in Russian]

Grom, Dmitrieva, 2020 – Grom, O.A., Dmitrieva, N.V. (2020). Gazeta «Okrainy Rossii» i nacional'nyj vopros [The “Okrainy Rossii” Newspaper and National Question]. Nacional'nye okrainy v politike Rossijskoj imperii i russkoj obshhestvennoj mysli [National outskirts in the policy of the Russian Empire and Russian social thought]. Rostov-na-Donu: Izd-vo JuNC RAN, pp. 484-530. [in Russian]

K.-v. N., 1911 – K.-v., N. (1910). Chyryston card [Journal “Chyryston card” (“Christian life”)]. Vladikavkazskie eparhial'nye vedomosti. 7: 267-268. [in Russian]

Moskovskie vedomosti – Moskovskie vedomosti, gazeta [Moskovskie vedomosti, newspaper]. 1909.

Odesskij Listok – Odesskij Listok, gazeta [Odesskij Listok, newspaper]. 1913.

Periodicheskaja pechat' Kavkaza, 2016 – Periodicheskaja pechat' Kavkaza ob Osetii i Osetinah: v 3-h t. [Caucasian Periodicals about Ossetia and Ossetians: in 3 vols]. Vol. 2. Vladikavkaz: Proekt-Press, 2016. 1224 p. [in Russian]

Rada – Rada, gazeta [Rada, newspaper]. Kiev, 1906–1914.

Национальные движения народов России начала XX в. глазами украинских публицистов (по материалам газеты «Рада»)

Олег Андреевич Гром ^{a, *}

^a Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются публикации ежедневной газеты «Рада», посвященные национальным движениям на окраинах Российской империи. Газета выходила в Киеве с 1906 г. до начала Первой мировой войны и была наиболее влиятельным изданием на украинском языке в России. Наибольший интерес представляют публикации 1913–1914 гг., когда в газете велась отдельная регулярная рубрика «Из жизни недержавных наций», в которой описывалась культурная жизнь большинства крупных этнических групп Российской империи – белорусов, молдаван, народов Закавказья, Прибалтики, Сибири и Поволжья. При этом такие крупные национальные движения, как польское и финское, становились объектом внимания украинских публицистов относительно редко, что подчеркивало их особое положение в этно-социальной иерархии нерусских народов России. При написании статей рубрики использовались как перепечатки из других газет, как правило, русских, так и сообщения от собственных корреспондентов «Рады». Публицисты «Рады» пытались искать черты, объединявшие украинское национальное движение и движения других народов России, а также примеры удачной реализации культурно-просветительских начинаний. Сравнение материалов «Рады» с другими источниками позволяет определить степень полноты описания того или иного инородческого вопроса, а также выявить искажения, неточности и фактологические ошибки.

Ключевые слова: Российская империя, инородцы, национальные движения, периодика, «Рада», публицистика.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: gromescu@gmail.com (О.А. Гром)

Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2021. 12(1): 39-46

DOI: 10.13187/rs.2021.1.39
www.ejournal15.com

Social Consequences of the September 1927 Earthquake in Crimea

Diana D. Chelpanova ^{a,*}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article presents the analysis of the social consequences of earthquakes in the Crimea (southern coast) that occurred in June and September 1927 and the elimination measures taken by the Soviet leadership. The September earthquake had disastrous social and economic consequences. The total damage from the destruction was estimated at 44 million rubles. The Yalta and Sevastopol regions of Crimea suffered the greatest damage. The local peasants, who lost their homes, as a result of a natural disaster, found themselves in a disastrous situation. The situation was exacerbated by an increase in infectious diseases and a lack of medical care, which led to an epidemic that killed hundreds of people. Medical, educational, sanatoria and health resorts and housing resources suffered significant damage. The situation in Crimea was complicated by crop failure. The measures taken by the Soviet leadership to eliminate the consequences of the disaster were of an all-Union character. Humanitarian aid came from various regions, including through the media covering the tragedy.

Keywords: social consequences, earthquake, dangerous natural phenomena, natural disaster, Crimea, 1927, southern coast of Crimea, liquidation acts.

1. Введение

В России более трети всех чрезвычайных ситуаций природного характера происходят на юге страны, что обуславливает актуальность исследования социальных последствий стихийных бедствий. Ретроспективный анализ и обращение к архивным источникам позволяет глубже исследовать взаимовлияние опасных природных явлений и социальных процессов в границах прибрежной зоны Азово-Черноморского региона, выявить новые знания о событиях прошлого и изучить советский опыт борьбы с последствиями природной стихии, в частности землетрясений.

2. Материалы и методы

В статье были использованы общенаучные методы, метод анализа документов (научные работы, архивные материалы, воспоминания очевидцев, документы официальных государственных структур и ведомств), кейс-стади (анализ социальных последствий природного стихийного бедствия). О катастрофических последствиях землетрясений в Крыму в июне и сентябре 1927 г. свидетельствуют материалы, опубликованные в отечественной научной литературе (Лебедев, 1927; Двойченко, 1928; Кельин, 1928;

* Corresponding author

E-mail addresses: chelpanova@ssc-ras.ru (D.D. Chelpanova)

Пустовитенко и др., 1989; Никонов, 2003) и выявленные во время работы в Государственном архиве Республики Крым (далее – ГАРК). В первую очередь это секретный документ «Положение крестьянства на Южном берегу Крыма», подписанный председателем Крымского ЦИК и Правительственной комиссии В. Ибрагимовым.

3. Обсуждение и результаты

Крымское землетрясение 11–12 сентября 1927 г. имело катастрофические социально-экономические последствия. Ему предшествовало другое землетрясение магнитудой 6 баллов, произошедшее 26 июня 1927 г., с эпицентром, находившимся на дне Черного моря между Ялтой и Алуштой (Пустовитенко и др., 1989: 42-55). По свидетельствам очевидцев, собранным в ходе работ сейсмолога А.А. Никонова, при первом землетрясении серьезных разрушений и жертв не было, в основном пострадали стены зданий, треснувшие в некоторых местах, штукатурка и предметы, упавшие с полок (Никонов, 2003). Опубликованные воспоминания позволяют представить, как начиналось июньское землетрясение и какими были его последствия: «Шел второй час дня. Город Ялта был почти пуст, т.к. все жители попрятались от жары в домах. Вдруг пустынные улицы ожили и переполнились перепуганными жителями. Сонное безмолвие резко сменилось шумным говором. Все спрашивали друг друга, что случилось. Все слышали какой-то сильный удар, от которого затряслись дома... Многие думали, что это стреляют где-то из пушки. Прошло 7–8... секунд, и только тогда догадались, что произошло землетрясение. Все ждали второго толчка, но второго толчка не было. Только в горах спустя несколько часов в некоторых местах ощущались повторные удары, но значительно меньшей силы, чем первый. Вечером все боялись войти в дома, так как ждали еще подземных ударов и боялись быть раздавленными в домах. Всю ночь провели на улицах. Во время землетрясения в Крыму многие горы осыпались, но серьезных разрушений не было» (Лебедев, 1927: 36-37).

Июньское землетрясение вызвало лишь небольшие повреждения на южном побережье Крымского полуострова, в основном в районе Фороса – Кикенеиза. Оно оказало главным образом эмоциональное воздействие на жителей и туристов Крыма, которых охватила паника. Приезжие, испугавшись повторных подземных толчков, поспешили вернуться домой (Двойченко, 1928: 77-99; Никонов, 2003: 72-81).

К значительно большим разрушениям привело сентябрьское землетрясение, магнитуда которого составила в среднем 6,8 баллов. Максимальной разрушительной силы, которая составила 8 баллов, оно достигло в районе Большой Ялты. В Севастополе, Симферополе и Алуште – 7 баллов, в Феодосии и Евпатории – 6 баллов, в Керчи – 5 баллов, в Новороссийске и Ростове-на-Дону – 4 балла, в Одессе и Киеве – 3 балла (Никонов, 2003: 74).

Н.В. Кельин утверждал, что землетрясение в Ялте, которое он наблюдал лично, началось во время грозы, а первый толчок силой в 2 балла был зафиксирован 11 сентября в 21:21. По его мнению, главный толчок произошел в 00:14–00:15, после него раздался страшный гул, уходивший в сторону гор. Здание гостиницы «Марино» совершило несколько мелких колебаний в сторону моря. Во всем городе отключилось электричество. На фоне подземного гула был слышен треск зданий, похожий на звук ломающихся гигантских сухих костей. Волнение моря неожиданно стихло. Спустя 10–15 сек. (по другим данным, до 40 сек. и более 1 мин.), все успокоилось и вновь включилось электричество. Спустя 1–2 мин., в 00:16–00:17, произошел еще один толчок, который сопровождался сильным, но непродолжительным гулом. Городское электричество снова погасло. После первого же толчка испуганные полураздетые люди в панике стали покидать здания (Кельин, 1928: 18-23).

Один из очевидцев свидетельствовал: «Испуг населения был так велик, что уже во время первого толчка начали раскрываться окна, из которых доносились... вопли... между первым и вторым толчками начали выбегать босые, раздетые, в одном белье, с накинутыми на плечи простынями и одеялами люди, которые жались испуганной толпой подальше от зданий и стремились найти пристанище на узком бечевнике... Начались истерики и стоны... люди боялись возвращаться в здания» (Кельин, 1928: 18-23). Сильным подземным толчкам предшествовало беспокойное поведение животных, чувствовавших приближение природного бедствия. «Собаки, собравшись со всего города в стаи, особенно перед

наступлением сильных толчков, с жалобным воем вылетали из темноты, и их вой усиливал зловещее впечатление, примешиваясь к разноголосым звукам отчаяния, раздававшимся из человеческой толпы» (Кельин, 1928: 18-23).

Общий ущерб от крушения и повреждения зданий первоначально был оценен в 34 млн рублей, впоследствии – в 44 млн рублей (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 5). Потери распределялись по отдельным отраслям следующим образом: ущерб коммунальному фонду составил 20 млн рублей, лечебной сети – 1,2 млн рублей, учебной сети – 800 тыс. рублей, местным трестам – 2 млн рублей, местным курортам – 2,6 млн рублей, крестьянским хозяйствам – 5 млн рублей, фонду Главного курортного управления Народного комиссариата здравоохранения РСФСР (Главкуруп) – 5,6 млн рублей, учреждениям федеративного и союзного значения – 2,7 млн рублей, кооперациям – 1,2 млн рублей, частным владениям – 3 млн рублей.

Землетрясение негативно отразилось не только на крымских курортных учреждениях, но и на положении местного крестьянства, о катастрофичности проблем которого стало известно после правительственного обследования в декабре 1927 г. В результате был подготовлен документ «Положение крестьянства на Южном берегу Крыма», имевший секретный гриф (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 4-7). Как указано в документе, обследование было вызвано многочисленными непрерывными обращениями пострадавшего населения в Крымский ЦИК и Правительственную комиссию по ликвидации последствий землетрясения. По подсчетам декабрьской комиссии, табаководству Ялтинского, Севастопольского и Бахчисарайского районов был нанесен ущерб (разрушения и повреждения сараев, парниковых рам и т.п.) в размере 366 355 рублей. Данная сумма производственных убытков крестьянства не фиксировалась в предварительных подсчетах ущерба от землетрясения (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 4-7).

Наибольший урон землетрясение нанесло Ялтинскому и Севастопольскому районам Крыма. В результате сентябрьского землетрясения пострадало 830 человек, из них 16 человек погибло, 34 человека получили тяжелые ранения, 128 человек – ранения средней тяжести, 652 человек – легкие ранения.

В Ялтинском районе пострадали все 29 населенных пунктов. Из 7515 жилых строений пострадали 3529 (47 %), в том числе совершенно разрушены были 629 (9 %). Около 30 % населения (до 9 тыс. человек) не смогли вернуться в свои дома, 1,5 тыс. местных жителей покинули район (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 5).

С начала землетрясения был построен 421 временный барак (213 общественных и 208 индивидуальных). Однако некачественно построенное временное жилье оказалось совершенно непригодным для проживания в зимний период. В документах комиссии, проводившей оценку положения крестьянства южного побережья Крыма, временные бараки характеризуются следующим образом: «Набитые в землю стояком бревна, забранные с боков изредка досками, а в громадном большинстве – фанерой в однорядку. Крыши тоже не везде жестяные, очень часто материалом для них служила та же фанера. Местами целые стены сделаны из стеклянных рам табачных парников, представляя большую площадь охлаждения» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 5). В тех же материалах отмечались плохие условия проживания во временных постройках: «В морозы (в этом году они достигают небывалой величины) крыши [бараков] промерзают... под действием тепла от жестяных печей они [промерзшие крыши] начинают оттаивать и течь. Во время ливней (а они здесь постоянно чередуются с морозами) сырость набирается в барак снизу» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 5).

В бараках было очень тесно, площадь проживания на одного человека в среднем составляла всего около 0,5 кв. м. В таких условиях, как сообщалось в документе, жильцы в одном помещении «спят, едят, справляют другие физиологические особенности, здесь же занимаются папушкой (связывание листьев табака в пачки, папуши) табачных листьев, отравляя детей табачной пылью» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 6). В материалах комиссии даны образные описания бараков и землянок, в которых ютилось местное население: «Полы в бараках земляные. Бараки представляют из себя зрелище, повергающее в ужас, они кажутся жилищами каких-то полудиких племен. Особенно производят жуткое впечатление землянки – норы в земле, кое-как прикрытые сверху фанерой» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 6). Об ужасах нищеты, убогости и страданиях местных жителей

свидетельствуют следующие описания: «...обитатели барачков окружают нового человека в надежде на какую-нибудь помощь или желая поделиться своим горем... Полуодетые женщины мусолят без мыла в деревянных корытах какое-то отрепье. Подростки волокут на себе вязанки валежника, за которым... нужно идти за 10 верст... По снегу или полузамерзшей декабрьской слякоти шлепают босыми ногами дети» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 6).

Положение пострадавшего населения усугублялось высоким уровнем инфекционных заболеваний (брюшного тифа, паратифа) и нехваткой медицинской помощи: «Из каждой двери несутся бухающие звуки коклюша... прячут в... землянках скарлатинозных детей... Довольно часто можно встретить в бараке вместе с держащимися еще на ногах сородичами давно уже валяющегося под тулупом татарина, больного, как здесь говорят “простудой”» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 6).

Приработки крестьянства, связанные с курортным промыслом, прекратились. Взрослое мужское население вследствие этого постоянно находилось в жилищах. Из-за разрушений школ «51 % детей школьного возраста... не посещают занятия... эти дети либо бегают по стуже, либо ютятся в бараках, которые и без того перегружены жильцами сверх всякой меры» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 6). Специалисты, обследовавшие бараки, представили свои отзывы об этих жилищах: «Очень низкие и холодные» (Алупка); «Жители живут в полуразрушенных домах ввиду непригодности фанерных построек для зимнего жилья» (Аутка); «С наступлением холодов наличие барачков равносильно тому, что пострадавшие без крова» (Кизил-Таш); «В связи с наступившими холодами жить в бараках совершенно невозможно. Население устраивается в уголках разрушенных комнат» (Кучук-Ламбат)» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 6).

В документе отмечалось, что имелся значительный и совершенно пустовавший в зимнее время курортный фонд в Алуште, Гурзуфе, Гаспре, Кореизе, Алупке, Кунук-Ламбате, Аутке, Мисхоре, Симеизе, Никите. Между тем только в Гурзуфе более 500 детей содержались в бараках, непригодных для проживания. Хотя в этом же месте военно-курортная станция и Главкурпул имели «около 15 больших зданий, нижние этажи которых исправны или незначительно пострадали в результате землетрясения. Первые этажи зданий могли бы вместить всех пострадавших, проживающих в некачественных временных постройках, ютящихся в настоящее время в звериных условиях барачков» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 6). Наличие пустовавшего курортного фонда, который мог принять всех проживавших в ветхих бараках, вызывало резкое возмущение среди крестьян, «выражающих свое недовольство посредством обращений в КрымЦИК и ВЦИК» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 6).

В Алуште, Гурзуфе, Гаспре, Кореизе, Алупке, Кунук-Ламбате, Аутке, Мисхоре, Симеизе, Никите, где имелся местный и государственный курортный фонд, в жилье нуждались 3500 человек. При условии предоставления каждому из них по 4 кв. м требовалась площадь размером в 14 000 кв. м или 400 комнат средней площадью в 35 кв. м в имеющемся курортном жилищном фонде, что являлось «величиной совершенно незначительной» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 6).

Крестьянство выражало недовольство местными органами власти, которые, по их мнению, «не хотят вырвать его из барачных могил, когда кругом пустуют дворцы» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 6). Переговоры о предоставлении крестьянам части пустовавших курортных зданий до весны не увенчались успехом. Представители курортных учреждений отказались предоставить помещения крестьянам, обосновывая это тем, что нуждающиеся в жилье были нечистоплотны и могли испортить, «загадить» санатории и дома отдыха, на восстановление которых потребовались бы большие финансовые средства, что могло повлиять на срыв очередного курортного сезона. Подобная точка зрения, согласно документу, «могла навредить советской власти, пошатнув свой авторитет в глазах крестьянства» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 6). В документе утверждается, что «татарский крестьянин очень чистоплотен, что даже в полупещерной землянке он поддерживает чистоту и порядок и нет оснований бояться, что он навредит санаториям в период временного проживания в них. К сезону в этих зданиях потребуется дезинфекция, побелка... местами покраска. Если... предположить, что на каждую комнату пришлось бы истратить 50 руб., это даст при 400 комнатах всего 20 тыс. руб... Одновременно нужно...

развернуть работы... по восстановлению... и по новой стройке крестьянских жилищ» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 6).

Пострадавшая от землетрясения лечебная сеть также нуждалась в восстановлении. Медицинская помощь не удовлетворяла потребностей населения. Если до катастрофы в Ялтинском районе было 7 больниц на 144 койки, то после землетрясения сохранилась только одна больница на 8 коек. Из разрушенных зданий в менее пострадавшие были перенесены 99 коек, но условия работы в них все равно не отвечали самым скромным требованиям. О Кизил-Ташской больнице в документе говорилось, что «временное помещение больницы ужасное. Сквозь фанерную необмазанную стену дует. Топлива нет. В небольшом помещении расположено 15 больных, из которых один с подозрением на тиф» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 6). В подобном положении находились другие больницы и амбулатории. Из шести амбулаторий сохранились только три, одна из которых закрылась, а две были развернуты в неподходящих местах. В Гурзуфе амбулатория была расположена на летней террасе сельского совета, отапливалась она жестяной печью. Больные мерзли, ожидая своей очереди под открытым небом. Ежедневная пропускная способность амбулатории составляла 30–40 больных. На террасе также располагался зубной кабинет.

В указанный обстановке обострились простудные заболевания, из которых на первом месте был грипп. Увеличилась детская заболеваемость корью, коклюшем, скарлатиной. Так, в деревне Лименах 45 из 60 детей заболели коклюшем. В двух других деревнях Ялтинского района в течение одного месяца умерло от скарлатины больше 100 детей. В Бахчисарайском районе из-за скарлатинозной эпидемии закрылись 5 школ. Эпидемия скарлатины в пострадавших от землетрясения районах быстро распространилась и приняла такие масштабы, что Севастопольский бактериологический институт оказался не в состоянии удовлетворить заказы районов на вакцину.

В результате землетрясения сильно пострадала учебная сеть. В Ялтинском районе вместо прежних 38 школ с 4162 учащимися осталось 15 школ с 1842 учащимися, 1118 детей обучались в непригодных условиях – в бараках, сараях, в холодных полутемных помещениях. Но так как и этих помещений не хватало, то часть школьников из Кикенеиза занималась прямо под открытым небом. При страшной нищете крестьянства многие школьники были разуты, девочки осенью ходили в ситцевых платьях. В подобных условиях более половины детей школьного возраста – 2320 школьников – остались вообще за рамками учебного процесса. Это обстоятельство, как утверждает в документе, особо болезненно переживалось крестьянством: «Органы народного образования заваливаются ходатайствами об открытии школ. О том же говорят многочисленные ходоки» (ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 14. Д. 20. Л. 7).

Пострадавшее от землетрясения местное крестьянство испытывало острую нужду во всем, начиная с жилища и заканчивая продовольствием. Нарастание бедности, недостаточность медицинской помощи, угроза эпидемий, высокий уровень детской смертности – это общие негативные последствия, с которыми столкнулось местное крестьянство, проживавшее на южном побережье Крыма.

Ситуация в Крыму усугубилась недородом – стихийным бедствием, постигшим в 1927 г. несколько районов Крыма (Керченский, Феодосийский, Евпаторийский, Джанкойский и др.). Площадь погибших (полностью или частично) посевов продовольственных культур составила около 75 тыс. десятин, или 22,7 % всего озимого клина. Погибли все посевы на площади около 40 тыс. десятин. Всего было поражено недородом свыше 10,5 тыс. крестьянских хозяйств, главным образом маломощных бедняцких и середняцких, составлявших 14 % от общего количества хозяйств. Из пострадавших от недорода (в общей сложности 46,5 тыс. человек) около 21 тыс. человек нуждались в неотложной продовольственной помощи. Еще хуже обстояли дела с кормом для скота. Дефицит фуража определялся в количестве не менее 5 млн пудов, между тем ассигнования на оказание пострадавшему населению фуражной помощи были незначительны.

Сразу после сентябрьского землетрясения средства массовой информации широко поддержали кампанию за помощь Крыму – как своевременным информированием, так и специальными статьями. Центральные газеты «Известия», «Правда» и ряд провинциальных изданий открыли прием пожертвований в пользу пострадавших

от землетрясения в Крыму, публикуя воззвания и обращения. Местная газета «Красный Крым» выпустила специальное приложение о землетрясении. В Москве под редакцией Н.А. Семашко вышел иллюстрированный журнал «Помогите Крыму», в котором приняли участие не только государственные и общественные деятели, но и представители научной сферы: Н.К. Крупская, Е.М. Ярославский, А.В. Луначарский. Все собранные этим изданием средства поступили в распоряжение Комитета по оказанию помощи пострадавшим от землетрясения в Крыму. Впоследствии интерес к крымскому землетрясению на страницах центральной печати снизился. Недостаточно освещались последствия стихийного бедствия, в результате которого пострадавшие крестьяне южного побережья Крыма находились в ужасающем положении (ГАРК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 332. Л. 267).

Широкую кампанию по оказанию помощи пострадавшим от землетрясения развернула Украинская ССР (далее – УССР). Всего «мелкими пожертвованиями» из УССР было получено 75 тыс. рублей. При всех окружных исполкомах УССР были образованы аналогичные комитеты, оказывавшие поддержку Крыму.

Финансовую помощь также оказал ряд органов государственной власти: Московский городской Совет депутатов трудящихся выделил 30 тыс. рублей, Ленинградский городской Совет депутатов трудящихся – 15 тыс. рублей, Наркомат социального обеспечения РСФСР – 5 тыс. рублей, Центральный исполнительный комитет Белорусской ССР – 5 тыс. рублей, Бакинский Совет депутатов трудящихся – 5 тыс. рублей, Центральный исполнительный комитет Казахской АССР – 5 тыс. рублей. Центральный исполнительный комитет Дагестанской АССР выслал 3 вагона оконного стекла. Всего поступило от всесоюзных организаций порядка 150 тыс. рублей (ГАРК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 332. Л. 266).

Значительную роль в получении гуманитарной и финансовой помощи для пострадавших сыграло Крымское представительство при Президиуме ВЦИК. Оно информировало средства массовой информации и центральные учреждения о положении в Крыму, договаривалось о мероприятиях по оказанию помощи организациям. Центральный комитет Российского общества Красного Креста организовал в Москве недельный кружечный сбор в фонд помощи пострадавшим от землетрясения.

Вследствие землетрясения многие местные жители перенесли сильное нервное потрясение, проявились и психические заболевания. Паническими настроениями были охвачены пострадавшие в Ялтинском районе, в результате чего в первые дни после землетрясения порядка 40 тыс. человек покинули его (ГАРК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 332. Л. 259). Среди них были отдыхающие, лица, находившиеся на лечении, служащие, батраки и местные крестьяне. Согласно данным Крымского статистического управления, численность гражданского населения за 1927–1928 гг. сократилась на 4,7 тыс. человек в г. Ялте и увеличилась на 1,2 тыс. человек в Ялтинском районе.

В архивном деле «Материалы по восстановлению в Крыму зданий, пострадавших от землетрясения» содержится документ, в котором были указаны меры по борьбе с паникой, в частности в Ялтинском районе. Среди населения распространилось чувство неуверенности, тревожности и подавленности: «Даже среди крестьянского населения имели место случаи, когда пострадавшие крестьяне бросали свои хозяйства и выезжали из Ялтинского района» (ГАРК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 332. Л. 259).

Панические настроения среди населения усилились после появления в центральных газетах сообщений о вероятных оползнях и провалах, которые могли случиться в ближайшее время на Крымском полуострове вследствие землетрясения. Для успокоения населения и снижения панических настроений было опубликовано официальное сообщение Крымского ЦИК, в котором указывалось, что «мерами Крымского правительства произведено обследование землетрясения, как крупными научными авторитетными силами Центра, так и силами представителей науки в Крыму; имеется определенное заключение о том, что каких-либо катастрофических явлений в виде провалов, затопления морем или вулканических извержений в Крыму быть не может» (ГАРК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 332. Л. 259). Дополнительно Крымский ЦИК созвал научное совещание для обсуждения вопроса о характере и последствиях землетрясения и о применении антисейсмического строительства, что позволило значительно снизить панические настроения местного населения. По итогам совещания было признано, что Академии наук СССР необходимо организовать сейсмологическое научное исследование Крыма. В заключении заседания был

сделан вывод: «сентябрьское землетрясение, хотя и является наиболее сильным за последнее столетие, но никаких серьезных нарушений на земной поверхности в пределах всего Крыма и его берегов – в виде провалов, глубоких трещин, затопления берегов, возникновения вулканов и вулканических взрывов и прочее – нет оснований ожидать ни в настоящем, ни в ближайшем будущем» (ГАРК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 332. Л. 259-260).

4. Заключение

В 1927 г. в Крыму произошло два землетрясения – в июне и сентябре. Июньское землетрясение в основном оказало эмоциональное воздействие на население, вселив страх и панику, но не имело серьезных разрушительных последствий. Катастрофическим было сентябрьское землетрясение, в результате которого погибли люди, были разрушены и повреждены школы, больницы, санаторно-курортные учреждения, здания предприятий, жилые дома. Общий ущерб от сентябрьского землетрясения составил порядка 44 млн. рублей. Наибольший урон был отмечен в Ялтинском и Севастопольском районах.

Предпринятые советским руководством меры по ликвидации последствий природной стихии имели всесоюзный характер, гуманитарная помощь доставлялась из разных уголков страны, в том числе благодаря средствам массовой информации, которые освещали последствия крымской трагедии. С другой стороны, решения по ликвидации последствий землетрясения были не всегда эффективны, а временные постройки для пострадавших оказались не пригодны для проживания в наступивший зимний период, в результате чего обострились инфекционные заболевания, приведшие к эпидемии, от которой умерли сотни людей.

5. Благодарности

Публикация подготовлена при финансовой поддержке проекта РФФИ № 18-05-80043 «Опасные природные явления и социальные процессы в Причерноморье, Приазовье и Прикаспии: проблемы взаимозависимости и взаимной обусловленности».

Литература

ГАРК – Государственный архив Республики Крым

Двойченко, 1928 – Двойченко П.А. Черноморские землетрясения 1927 года в Крыму // Черноморские землетрясения 1927 года и судьбы Крыма. Симферополь: Крымское государственное издательство, 1928. С. 77-98.

Кельин, 1928 – Кельин Н.В. Некоторые данные о последнем землетрясении в Крыму // Землеведение. 1928. Т. 30. Ч. 1, 2. С. 18-23.

Лебедев, 1927 – Лебедев Н.К. Почему бывают землетрясения. М.–Л.: Гос. изд-во, 1927. 47 с.

Никонов, 2003 – Никонов А.А. Раненый Крым. По следам разрушений крупнейшего на полуострове в XX веке природного бедствия // Крымский альбом: Историко-краеведческий литературно-художественный альманах. Феодосия; М.: Коктебель, 2003. С. 72-81. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krimoved-library.ru/books/krimskiy-albom-2002-7.html> (дата обращения: 12.03.2021).

Пустовитенко и др., 1989 – Пустовитенко Б.Г., Кульчицкий В.Е., Горячун А.В. Землетрясения Крымско-Черноморского региона. Киев: Наукова думка, 1989. 187 с.

References

GARK – Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym [State Archives of the Republic of Crimea].

Dvoichenko, 1928 – Dvoichenko, P.A. (1928). Chernomorskie zemletryaseniya 1927 goda v Krymu [Black Sea earthquake of 1927 in the Crimea]. Chernomorskie zemletryaseniya 1927 goda i sud'by Kryma [Black Sea earthquakes of 1927 and the fate of the Crimea]. Simferopol': Krymskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 77-98. [in Russian]

Kel'in, 1928 – Kel'in, N.V. (1928). Nekotorye dannye o poslednem zemletryasении v Krymu [Some data on the last earthquake in Crimea]. *Zemlevedenie*. 30: 1, 2: 18-23. [in Russian]

Lebedev, 1927 – Lebedev, N.K. (1927). Pochemu byvayut zemletryaseniya [Why do earthquakes happen]. M.–L.: Gos. izd-vo, 47 p. [in Russian]

Nikonov, 2003 – *Nikonov, A.A.* (2003). Ranenyi Krym. Po sledam razrushenii krupneishego na poluostrove v XX veke prirodno bedstviya [Wounded Crimea. In the wake of the destruction of the largest natural disaster on the peninsula in the 20th century]. Krymskii al'bom: Istoriko-kraevedcheskii literaturno-khudozhestvennyi al'manakh [Crimean Album: Historical and Local Lore Literary and Artistic Almanac]. Feodosiya; M.: Koktebel', pp. 72-81. [Electronic resource]. URL: <http://www.krimoved-library.ru/books/krimskiy-albom-2002-7.html> (date of access: 12.03. 2021). [in Russian]

Pustovitenko i dr., 1989 – *Pustovitenko, B.G., Kul'chitskiĭ, V.E., Goryachun, A.V.* (1989). Zemletryaseniya Krymsko-Chernomorskogo regiona [Earthquakes of the Crimean-Black Sea region]. Kiev: Naukova dumka, 187 p. [in Russian]

Социальные последствия сентябрьского землетрясения в Крыму в 1927 г.

Диана Дмитриевна Челпанова ^{а,*}

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлен анализ социальных последствий землетрясений в Крыму (южное побережье), произошедших в июне и сентябре 1927 г., и ликвидационных мер, предпринятых советским руководством. Сентябрьское землетрясение имело катастрофические социально-экономические последствия. Общий ущерб от разрушений был оценен в 44 млн рублей. Наибольший урон был нанесен Ялтинскому и Севастопольскому районам Крыма. В бедственном положении оказалось местное крестьянство, потерявшее свое жилье вследствие природной катастрофы. Ситуация усугубилась ростом инфекционных заболеваний и недостаточностью медицинской помощи, что привело к эпидемии, от которой умерли сотни людей. Значительные разрушения получили медицинские, образовательные, санаторно-курортные учреждения и здания жилищного фонда. Положение в Крыму усложнилось недородом. Меры, предпринятые советским руководством по ликвидации последствий бедствия, имели всесоюзный характер. Гуманитарная помощь поступала из различных регионов, в том числе благодаря средствам массовой информации, освещавшим трагедию.

Ключевые слова: социальные последствия, землетрясение, опасное природное явление, природное стихийное бедствие, Крым, 1927 г., южное побережье Крыма, ликвидационные меры.

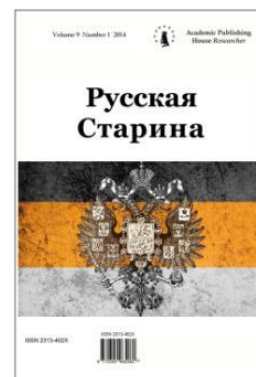
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: chelpanova@ssc-ras.ru (Д.Д. Челпанова)

Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2021. 12(1): 47-53

DOI: 10.13187/rs.2021.1.47
www.ejournal15.com

The Fleet of the “Udmurtles” Churovsky Logging Enterprise

Nicholas W. Mitiukov ^{a, b, c, *}, Svetlana L. Bautina ^d

^aCherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^bUdmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^cMoscow Psychoanalyze Institute, Russian Federation

^dKama’s Institute of Humanitarian and Engineering Technologies, Russian Federation

Abstract

Thy publication continues a series of works by the authors devoted to the fleets of small enterprises in Udmurtia. The purpose of this article is to study the composition and evolution of the fleet of the “Udmurtles” Churovskiy logging enterprise. On the basis of a critical comparison of the logging enterprise’s own documentation, currently stored in the archive sector of the Yakshur-Bodya village administration, and Udmurtles’ documentation from the Central State Archive of the Udmurt Republic it is shown that from 1952 to 1957 the enterprise had two vessels: the boat “Lesnik” (type T-63) and the self-propelled passenger barge “Otvazhny” (type T-81 P). The other vessels mentioned in the documentation were probably only formally listed at the timber company. Most likely the “Lesnik” later became the boat “Moryak” of the Izhevsk exploitation office.

Keywords: logging enterprise, navigation, water transport, Udmurtia, Izhevsky pond, Churovsky logging enterprise.

1. Введение

Чуровское лесное промышленное хозяйство было создано в составе предприятия «Удмуртлес» в 1931 г. После реорганизации в 1941 г. в мехлесопункт оно вошло в «Ижлес», где находилось вплоть до 1949 г., когда в ходе очередной реорганизации уже на правах леспромхоза вошло в состав Удмуртского комбината по лесозаготовкам, сплаву, лесопилению и деревообработке «Удмуртлес». Небольшой период своей истории с 1952 по 1957 гг. Чуровский леспромхоз имел свой флот на Ижевском пруду. Задачей данного исследования является реконструкция эволюции и состава флота на основе имеющейся архивной делопроизводственной документации леспромхоза.

2. Материалы и методы

В настоящее время делопроизводственная документация Чуровского леспромхоза оказалась разделенной между двумя архивами. Те отчеты, которые писались и сдавались в дирекцию комбината «Удмуртлес», вместе с другими документами оказались в составе фонда предприятия в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики

* Corresponding author

E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov)

(ЦГА УР). Копии отчетов, оставшиеся на месте, с остальными документами леспромхоза попали в фонды Архивного сектора Администрации Якшур-Бодьинского района (ЯБА). Это дало уникальную возможность сверить обе версии отчетов и на основе исправлений выдвинуть ряд гипотез. Большую ценность оказали также приказы по личному составу хозяйства, позволившие уточнить информацию по выявленным судам (ЯБА), а также ежегодные отчеты Центрального статистического управления (далее – ЦСУ), подаваемые «Удмуртлесом» (ЦГА УР). Поскольку катер «Лесник», по-видимому, вошел во флот Ижевской эксплуатационной конторы, весьма полезным оказалась документация по ней, хранящаяся в Управлении по делам архивов Администрации города Сарапула (СГА).

В качестве главного используемого метода выступил метод историзма, когда факты по разным источникам увязывались между собой исключительно по хронологическому принципу. Это дало возможность установить, что флот Чуровского леспромхоза состоял всего из двух катеров, тогда как остальные упоминающийся суда, вероятно, числились на балансе лишь формально.

3. Обсуждение и результаты

К 1949 г., когда множество небольших лесных хозяйств Удмуртии вошли в состав комбината «Удмуртлес», свой флот на Ижевском пруду имел лишь Сельчинский леспромхоз. В его составе были пароход «Красный сплавщик» и катер типа НКЛ. Приказом № 296 комбината «Удмуртлес» от 11 ноября 1952 г. Сельчинский и Чуровский леспромхозы объединялись в один – Чуровский. При этом сплавной участок на Воложке оставался в Сельчинском участке (ЯБА. Ф. 34. Оп. 2. Д. 181. Л. 88). Так формально флот бывшего Сельчинского леспромхоза оказался в Чуровском, но к этому времени «Красный сплавщик» передали в Ижевскую эксплуатационную контору Удмуртского управления малых рек, а катер типа НКЛ – в Сарапульский леспромхоз. В итоге флот Чуровского леспромхоза начался с нуля.

В отчете Чуровского леспромхоза за 1952 г. в ведомости движения основных средств в графе «приход» значится: по пункту баланса 1-17 приход: «теплоход», принят от Техснаба стоимостью 229,9 тыс. руб. Эта же сумма идет в увеличение баланса (ЦГА УР. Ф. Р-1108. Оп. 1. Д. 524. Л. 31). По уменьшению баланса имеется запись: «пароход», переданный, как значится в ведомости, «малым рекам», стоимостью 7,5 тыс. руб. Эта же сумма идет на уменьшение баланса, как «переданная на сторону» (ЦГА УР. Ф. Р-1108. Оп. 1. Д. 524. Л. 33). В итоговой ведомости по форме № 26-вод за этот год в хозяйстве числится одно буксирное судно с мощностью машин 110 л.с., перевезшее за год 14,8 т груза (все – дрова) (ЦГА УР. Ф. Р-1108. Оп. 1. Д. 524. Л. 46). Вполне очевидно, что в качестве парохода тут упомянут «Красный сплавщик», у которого произведена передача какого-то оставшегося еще у леспромхоза имущества, например ЗИПа, поскольку 7,5 тыс. руб. по курсу 1952 г. – это цена небольшой деревянной лодки, но никак не парохода. А вот буксирный теплоход, поскольку он получен от отдела технического снабжения, явно новый, только что переданный с завода.

В отчете Чуровского леспромхоза за 1953 г. в форме № 26-вод, на балансе хозяйства на 1 января 1954 г. числится одно буксирное судно с мощностью двигателя 110 л.с., перевезшее за год 12,8 т дров (ЯБА. Ф. 34. Оп. 1. Д. 1. Л. 129). Поскольку других судов в хозяйстве нет, ясно, что это все тот же катер, приобретенный в прошлом году.

Отчет 1954 г. показывает по графе 1-5 прихода катер, принятый от Техснаба, стоимостью 117,7 тыс. руб. Эта же сумма зачислена в графу увеличения баланса предприятия (ЦГА УР. Ф. Р-1108. Оп. 1. Д. 736. Л. 114). Однако в графе имеющегося оборудования на этот год у предприятия числятся «катер буксирный» 1 шт. и «самоходные баржи» 2 шт. (ЦГА УР. Ф. Р-1108. Оп. 1. Д. 736. Л. 127), из чего можно заключить, что 117,7 тыс. руб. – это стоимость двух судов. Формы № 26-вод в отчете этого года нет, так что проверить это предположение невозможно. Но под буксирным катером явно имеется в виду все тот же катер мощностью 110 л.с.

В ведомости движения основных средств Чуровского леспромхоза за 1955 г. имеется запись, что в этом году из состава хозяйства на баланс «Марилеса» передана одна баржа стоимостью 56,2 тыс. руб. Эта сумма записана в уменьшение баланса по графе 1-6 (ЯБА. Ф. 34. Оп. 1. Д. 5. Л. 46). При этом в соответствии с тем же отчетом на начало 1956 г. среди

«прочего оборудования» в хозяйстве числились «катер буксирный» 1 шт. и «баржа самоходная» 1 шт. (ЯБА. Ф. 34. Оп. 1. Д. 5. Л. 84об.). Это подтверждает предположение о том, что в 1954 г. в сумму 117,7 тыс. руб. в состав средств леспромхоза вошло две баржи. Если одна стоила 56,2 тыс., то у хозяйства осталась еще одна стоимостью в 61,5 тыс. руб. Форма № 26-вод в отчете хозяйства за этот год снова отсутствует.

Из отчета ЦСУ объединения «Удмуртлес» известно, что в 1955 г. тресту «Марилес» по распоряжению Минлеспрома РСФСР от 7.05.1955 № Г-1379, подтвержденного телеграммой от 13.02.1956 г., переданы баржа (балансовая стоимость 56,2 тыс. руб.) и катер (стоимость 55,5 тыс. руб., износ 2,6 тыс. руб.) (ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 4. Д. 4016. Л. 107). Судя по стоимости, 56,2 тыс. руб., как раз имеется в виду самоходная баржа Чуровского леспромхоза.

Судя по отчету Чуровского леспромхоза за 1956 г., в этом году от Глазовской сплавной конторы в хозяйство поступил «пассажирский катер» стоимостью 61,9 тыс. руб., увеличение на эту сумму произошло по графе 1-6 балансового отчета. В ведомости изначально была указана сумма 65,3 тыс. руб., но ее зачеркнули. Скорее всего, имеется в виду, что на момент приемки судно имело небольшой физический износ, объясняющий разницу в суммах (ЯБА. Ф. 34. Оп. 1. Д. 7. Л. 34). Цифра в 65,3 тыс. руб. очень близка к стоимости баржи, полученной в 1954 г. Но в этой связи любопытна опись оборудования, где в разделе «прочее оборудование» числятся: «катер буксирный» 1 шт., «баржа самоходная» 1 шт. и «катер пассажирский» 1 шт. Что интересно, все записи зачеркнуты и поверх них имеются другие («Бульдозер» и «Токарные станки») (ЦГА УР. Ф. Р-1108. Оп. 1. Д. 863. Л. 228об.). В том же отчете, в копии, оставшейся в Чуровском леспромхозе, формы по детализации оборудования в «прочем оборудовании» хозяйства указано на 1 января 1957 г.: «катер буксирный» 1 шт., «баржа самоходная» 1 шт. и «катер пассажирский» 1 шт. (ЯБА. Ф. 34. Оп. 1. Д. 7. Л. 190об.). Здесь записи уже не зачеркнуты. Это доказывает, что баржа, полученная в 1955 г., и баржа, полученная в 1956 г. от Глазовской сплавной конторы, – разные суда.

Из отчета за 1956 г. Глазовской сплавной конторы известно, что в этот год хозяйство приняло от Техснаба катер типа Т-81л (так в документе, вероятно, имеется в виду Т-81п – пассажирская версия самоходной баржи типа Т-81) с балансовой стоимостью 61 907 руб. 25 коп. Эта же сумма прошла в увеличение баланса предприятия (ЦГА УР. Ф. Р-1108. Оп. 1. Д. 864. Л. 139). Однако в ведомости за тот же год в графе «расход» имеется запись «катер Т-81», переданный Чуровскому леспромхозу с балансовой стоимостью 61 907 руб. 25 коп., и эта же сумма записана в уменьшение баланса хозяйства (ЦГА УР. Ф. Р-1108. Оп. 1. Д. 864. Л. 140об.). Приобретение катера подтверждается также расшифровкой строки баланса 01 «Законченные работы и приобретения основных средств, предусмотренных государственным планом» на 1 января 1957 г. Здесь пунктом 6 значится «катер Т-81л» (снова так в документе, следует читать Т-81п), полученный от Техснаба в июле этого года. В ведомость впечатана балансовая стоимость судна 61 907 руб. 25 коп., но она зачеркнута и выше синими чернилами написано 62 087 руб. 25 коп. (ЦГА УР. Ф. Р-1108. Оп. 1. Д. 864. Л. 218). Совпадение сумм однозначно указывает, что пассажирский катер – это полученный в июле 1956 г. Глазовской сплавной конторой катер типа Т-81 П, который до конца года был передан в Чуровский леспромхоз.

Частично информация по барже конкретизируется имеющейся документацией Управления делами Совета Министров УАССР, в которой есть переписка относительно этого судна. 6 октября 1956 г. заместитель председателя Совета министров УАССР В. Ворончихин, очевидно, по предложению Управления по освоению малых рек обратился к заместителю министра лесной промышленности РСФСР И.И. Радчуку с письмом № 901/5: «Из-за отсутствия постоянного моста через р. Чепца предприятия местной промышленности, колхозы и МТС северных районов Удмуртской республики в весенний период лишены возможности иметь постоянную связь с Глазовскими базами и железной дорогой, что отрицательно сказывается на развитии колхозов и предприятий северных районов республики. Совет Министров Удмуртской АССР просит Вас разрешить произвести передачу вновь полученного Глазовской сплавной конторой комбината «Удмуртлес» пассажирского катера на баланс отдела речного транспорта при Совете Министров Удмуртской АССР для эксплуатации на реке Чепца по обслуживанию колхозов и МТС. Вышеуказанный катер по заявлению директора Глазовской сплавной конторы тов. Белова И.И. для эксплуатации не

нужен» (ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 2207. Л. 79). В ответ было получено письмо № 408 от 5 ноября 1956 г.: «Министерство не считает возможным передать отделу речного транспорта при Совете Министров Удмуртской АССР пассажирский катер, принадлежащий комбинату Удмуртлес, так как по сообщению комбината катер нужен комбинату на Ижевском пруду для производственных нужд» (ЦГА УР. Ф. Р-551. Оп. 2. Д. 2207. Л. 80).

Указанная переписка говорит о том, что, скорее всего, было какое-то более раннее решение по получению Глазовской сплавной конторой катера, к 1956 г. утратившее актуальность. Именно поэтому директор конторы и согласился передать судно. Но руководство комбината уже решило передать его Чуровскому леспромхозу.

В форме № 26-вод Чуровского леспромхоза за 1956 г. показаны два судна суммарной мощностью 142 л.с. Но при составлении формы допустили опisku, и в детализации указано лишь одно буксирное судно мощностью 110 л.с. По логике, второе должно быть указано как грузопассажирское мощностью 32 л.с. Суда перевезли за год 5,7 т дров и 0,7 т прочих грузов (ЯБА. Ф. 34. Оп. 1. Д. 7. Л. 117). В форме отсутствует какое-либо упоминание о второй самоходной барже, что позволяет сделать вывод, что эта баржа числится на балансе предприятия лишь формально, по факту находясь где-то еще. Форма № 26-вод Глазовской сплавной конторы дает прочерки по всем пунктам за этот год (ЦГА УР. Ф. Р-1108. Оп. 1. Д. 864. Л. 155), что может указывать на отсутствие каких-либо работ судна в этом хозяйстве: баржу передали сразу после получения.

По отчету 1957 г., на 1 сентября этого года на балансе Чуровского леспромхоза числился «катер (баржа самоходная)» 1 шт. (ЯБА. Ф. 34. Оп. 1. Д. 10. Л. 34). В этом году флот хозяйства ликвидировали. В ведомости уменьшения баланса по пункту 1-6 имеется две записи: «теплоход», переданный «обкому союза» с балансовой стоимостью 61,9 тыс. руб. и «теплоход», переданный «стройуправлению» в 229,2 тыс. руб. Обе суммы идут в уменьшение баланса предприятия (ЦГА УР. Ф. Р-1108. Оп. 1. Д. 956. Л. 324).

25 сентября 1957 г. главный механик Чуровского леспромхоза М.Е. Копотев передал по акту механику Сельчичинского лесоучастка К.К. Чиркову находящееся на участках Сельчка, Красное и Воложка оборудование, среди которого под № 16 числился «катер (баржа самоходная)» 1 шт. (ЯБА. Ф. 34. Оп. 1. Д. 10. Л. 35-35об.).

6 июля 1957 г. на основании приказа по комбинату «Удмуртлес» № 64/к от 5 июля 1957 г. был составлен акт по передаче от Чуровского леспромхоза комбината «Удмуртлес» Чуровскому леспромхозу материальных ценностей. Среди раздела IV «Средства производства, механизмы» имелись следующие позиции: «катер исправный» 1 шт. и «теплоход исправный» 1 шт. (ЯБА. Ф. 34. Оп. 1. Д. 10. Л. 64).

Таким образом, обобщая все отчеты можно сказать, что в 1952 г. в Чуровском леспромхозе появился буксирный катер в 229,9 тыс. руб. Очевидно, катер был новый, только что построенный, поэтому хозяйство его получило от Техснаба. В 1957 г. его передали стройуправлению за 229,2 тыс. руб. Получающаяся разница в 700 руб., вероятнее всего, – амортизационные отчисления.

В 1954 г. также от Техснаба предприятие приняло две самоходные баржи, которые, по-видимому, числились за ним лишь на бумаге. В 1955 г. одну из них передали в «Марилес», судьба второй, исходя только из документации хозяйства, не понятна.

В 1956 г. от Глазовской сплавной конторы леспромхоз принял самоходную пассажирскую баржу стоимостью 61,9 тыс. руб. Ее под этой же стоимостью в 1957 г. передал на баланс обкома.

Частично дополняют информацию о катерах приказы по Чуровскому леспромхозу.

В 1953 г. в составе хозяйства появился катер «Лесник». Первое упоминание о судне содержится в докладной механика И.А. Новоселова, из которой можно узнать, что 21 июня 1953 г. механик катера не явился на работу и его перевели в должность рабочего (ЯБА. Ф. 34. Оп. 2. Д. 198. Л. 74). Приказом № 327 от 21 октября 1953 г. в связи с окончанием навигации команда катера расформировывалась и переводилась на другие работы. Капитан катера Серебряков (до этого работавший капитаном парохода «Красный сплавщик») передавал судно по акту механику И.А. Новоселову (ЯБА. Ф. 34. Оп. 2. Д. 198. Л. 110).

Поскольку лесосплавной участок Воложка получил «задание на буксировку кошелей по водному бассейну пруда Иж», приказом по леспромхозу № 178 от 7 мая 1954 г. в команду катера Т-63 мощностью 120 л.с. назначались капитан (старший рулевой) Н.В. Жуйков,

механик (моторист) В.Г. Климов, помощник механика (помощник моториста) В. Новоселов и два матроса.

Исходя из формулировки «команда катера принимает материальную часть по акту и несет полную ответственность за ее хранение», можно заключить, что в прошлые годы имелись какие-то прецеденты, заставившие этот пункт прямо прописать. Приказ также содержит информацию об оплате труда команды «согласно указаний, изложенных в справочнике по оплате труда на лесосплаве издания 1952 года, стр. 201». Это также, возможно, указывает на какие-то проблемы, которые в этот раз решались в соответствии с руководящими документами (ЯБА. Ф. 34. Оп. 2. Д. 227. Л. 54).

24 июня 1954 г. при вывозке кошелей из гавани Старая Воложка у катера Т-63 был сломан гребной винт. Служебное расследование признало виновным капитана судна, который «не соблюдая правил вождения катера, проходил по фарватеру Ижевского пруда, где находилось большое наличие топляков. Имеющаяся на катере лебедка не использовалась. Меры предохранения винта от поломки не приняты, несмотря на то, что случаи поломки винта происходили не впервые». Кроме наказания виновных (у капитана удержали для ремонта треть месячной зарплаты, а механику объявили выговор), в соответствии с приказом от 20 августа 1954 г. последовали и организационные меры. В срок до 15 сентября предполагалось расчистить фарватер гавани от топляка, а при выводе кошелей было предписано использовать лебедку. Механику В.Г. Климову для сохранения гребного винта от аналогичных поломок надлежало «оградить турбину вращения винта соответствующим приспособлением» (ЯБА. Ф. 34. Оп. 2. Д. 227. Л. 222).

Навигация 1955 г. прошла без инцидентов, которые нашли бы отражение в приказах, а вот приказ от 27 марта 1956 г. гласил: «В навигацию 1956 г. на буксировке кошелей древесины в город Ижевск назначаю в составе команды катера механиком катера Жуйкова Н.... капитаном катера Серебрякова А.» Из дальнейшего текста понятно, что на момент издания приказа катер находится в ремонте и подготовке к навигации. Главному механику надлежало подготовить дефектационную ведомость и наряд на ремонтные работы (ЯБА. Ф. 34. Оп. 2. Д. 253. Л. 186). Из этого приказа следует, что в это время леспромхоз располагал единственным катером, очевидно, что речь идет о Т-63.

Приказ от 16 мая 1957 г. на период навигации с 10 мая назначал команду катера с капитаном А.П. Серебряковым, механиком Н.В. Жуйковым и одним матросом (ЯБА. Ф. 34. Оп. 2. Д. 265. Л. 143). Из приказа ясно, что речь снова идет об одном судне – Т-63. Каких-либо упоминаний о пассажирской барже документы не содержат.

Далее, уже из документации Ижевской эксплуатационной конторы известно, что 28 октября 1957 г., когда на катере «Ярославль» пытались произвести пуск двигателя от аккумуляторов катера «Лесник», из-за короткого замыкания там возник пожар (СГА. Ф. Р-82, Оп. 26. Д. 36. Л. 390б.). Поскольку «Лесник» в документации Ижевской эксплуатационной конторы не упоминается, получается, что речь идет все о том же судне леспромхоза.

По-видимому, далее «Лесник» все-таки стал катером Ижевской эксплуатационной конторы. Так, 21 октября 1961 г. в приказах по ней впервые упомянут катер «Моряк» (СГА. Ф. Р-82. Оп. 2. Д. 57). Судя по отсутствию информации о его транспортировке, можно сделать вывод, что до этого судно принадлежало какому-то местному хозяйству.

При ликвидации Ижевской эксплуатационной конторы в апреле 1962 г. и передаче ее имущества Камскому речному пароходству среди передаваемых судов фигурировал и катер «Моряк». На нем стоял двигатель 3Д6 мощностью 150 л.с. Судно винтовое, может перевозить до пяти пассажиров, год постройки и номер паспорта неизвестны. Регистровый номер судна МР-2033, а балансовая стоимость – 4598 руб. 35 коп. Состояние его указано как «не готов, не покр[ашен]» (ЦГА УР. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 778. Л. 54). На 1962 г. судну запланирована перевозка 109,2 тыс. пассажиро-километров (ЦГА УР. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 778. Л. 67), что вряд ли было выполнимо. В самом передаточном акте при стоимости 4598 руб. 35 коп. износ судна составил 2832 руб. 00 коп. (ЦГА УР. Ф. Р-905. Оп. 1. Д. 778. Л. 93). Как видно, степень износа составляет 61%. Изначальная стоимость приобретения судна Чуровским леспромхозом составляла 229,9 тыс. руб., или 22,99 тыс. руб. после денежной реформы.

С одной стороны, расхождение в стоимости достаточно велико, но, скорее всего, судно пришло в Ижевскую эксплуатационную контору уже сильно изношенным и 4598 руб. – это остаточная или передаточная балансовая стоимость, по которой оно было принято в контору. Доказательством этого может служить то, что уже 14 июня 1962 г. был издан приказ о разукomплектовании судна и подготовке его к списанию.

Таким образом, можно практически однозначно утверждать, что «Лесник», катер типа Т-63, – это впоследствии судно «Моряк» Ижевской эксплуатационной конторы. По крайней мере, на это указывает двигатель ЗДб, поскольку столь мощный мотор для относительно небольшого судна в те времена на Ижевском пруду был довольно редок. Кроме того, следует принять к рассмотрению и высокий износ и быстрое списание катера. Если его получили в 1960 г., год первого упоминания в конторе, то списание спустя два года выглядит более чем странным. И наоборот, если судно активно эксплуатировалось Чуровским леспрохозом, да еще и не раз терпело аварии, списание выглядит вполне логичным.

Ранее нами были опубликованы фотографии этого судна и сделано ошибочное предположение, что это мог быть катер НКВД типа КМ-4 (Митюков и др., 2019). В этой же работе нами было сделано предположение, что судно на фотографии из коллекции Л. Стерховой «Отважный» мог относиться к типу «Такелажница» Т-89 (Митюков и др., 2019). Но на опубликованной фотографии судно видно не полностью, поэтому вполне вероятно, что это мог быть и тип Т-81 П, как указано в документации. Это также объясняет факт, что «Отважный» был на балансе Ижевского мебельного комбината, также входившего в структуру «Удмуртлеса».

4. Заключение

На основе делопроизводственной документации Чуровского леспрохоза (ЯБА), (ЦГА УР), показано, что за период существования там своего флота он насчитывал лишь два судна – катер «Лесник» (тип Т-63) и самоходную пассажирскую баржу «Отважный» (тип Т-81 П). Остальные упоминаемые в документации суда, по всей вероятности, числились в леспрохозе лишь формально. При этом катер «Лесник» – лучшая «кандидатура» для катера «Моряк» Ижевской эксплуатационной конторы, ранняя биография которого неизвестна.

Литература

СГА – Управление по делам архивов Администрации города Сарапула.

ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики.

ЯБА – Архивный сектор Администрации Якшур-Бодьинского района.

Митюков и др., 2019 – Митюков Н.В., Лошкарев А.Н., Баутина С.Л. Фотографии судов Ижевского и Воткинского пруда частных коллекций как источник по истории речных перевозок // *Русский архив*. 2019. № 7 (1). С. 10-20.

References

Mityukov i dr., 2019 – Mityukov, N.V., Loshkarev, A.N., Bautina, S.L. (2019). Fotografii sudov Izhevskogo i Votkinskogo pruda chastnykh kollektzii kak istochnik po istorii rechnykh perevozok [Photographs of the ships of the Izhevsk and Votkinsk ponds of private collections as a source on the history of river transportation]. *Russkii arkhiv*. 7(1): 10-20. [in Russian]

SGA – Upravlenie po delam arkhivov Administratsii goroda Sarapul [Department for Archives of the Administration of the city of Sarapul].

TsGA UR – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki [Central State Archive of the Udmurt Republic].

YaBA – Arkhivnyi sektor Administratsii Yakshur-Bod'inskogo raiona [Archival sector of the Administration of the Yakshur-Bodya region].

Флот Чуровского леспромхоза предприятия «Удмуртлес»

Николай Витальевич Митюков ^{a, b, c, *}, Светлана Леонидовна Баутина ^d

^a Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^b Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Российская Федерация

^c Московский институт психоанализа, Российская Федерация

^d Камский институт гуманитарных и инженерных технологий, Российская Федерация

Аннотация. Данная публикация продолжает собой цикл работ авторов, посвященных флотам небольших хозяйств Удмуртии. Цель данной статьи – проследить состав и эволюцию флота Чуровского леспромхоза предприятия «Удмуртлес». На основе критического сравнения собственной документации леспромхоза, в настоящее время хранящейся в архивном секторе администрации села Якшур-Бодья, а также документации «Удмуртлеса» из Центрального государственного архива Удмуртской республики показано, что в период с 1952 по 1957 гг. леспромхоз имел у себя два судна: катер «Лесник» (тип Т-63) и самоходную пассажирскую баржу «Отважный» (тип Т-81 П). Остальные упоминаемые в документации суда, по всей вероятности, числились в леспромхозе лишь формально. При этом «Лесник», скорее всего, впоследствии стал катером «Моряк» Ижевской эксплуатационной конторы.

Ключевые слова: леспромхоз, навигация, водный транспорт, Удмуртия, Ижевский пруд, Чуровский леспромхоз.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков)

Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2021. 12(1): 54-65

DOI: 10.13187/rs.2021.1.54
www.ejournal15.com

Three Years in a Cossack Khutor during the “Stagnation” Period: Ethnographer’s Notes in the Fields of Memoirs of a Rural Teacher. Part 1. Life Support Practices and Authorities

Marina A. Ryblova ^{a, *}

^a Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The publication is based on the author’s memories of three years spent in a Cossack khutor in 1979–1982 and turned into a kind of ethnographic “field”, which provided extensive material for the subsequent understanding of how the Cossack population organized their daily life in the era of the so-called Soviet “stagnation”. The peculiarity of the publication, which conventionally fits into the genre of “notes”, is that the author appears in it simultaneously in two hypostases: a person recalling and commenting. The first part of the publication presents two main topics: the life support practices of the inhabitants of the Cossack khutor during the “stagnation” and the authorities (official and unofficial) in the structure of everyday life. The analysis of his own memories led the author to the conclusion that there are two kinds of authorities in the minds of the farmers: “not their own” (which they write complaints-claims, and also express claims in an open form) and “ours”, in relation to which there was a kind of code of honor and a special behavior model. A clear division of the inhabitants of the settlement into “us”, “strangers” and “not friends” was also decisive in the formation of the life support practices of its inhabitants, which assumed different models of behavior in relation to these groups. The inhabitants of the settlement behaved differently in its different zones of its space: “not their own” territory could be plundered, and “own” was carefully guarded from strangers. At the same time, products, in the production or extraction of which their own labor was invested (even if it was the state collective farm sphere), as in the previous Cossack tradition, was recognized as “common” and was freely redistributed among “our own”. All these ideas and practices persisted during the long Soviet period of the country’s history, having survived safely until the collapse of the USSR.

Keywords: field ethnography, the era of Soviet “stagnation”, the culture of everyday life, life support practices, ideas about authorities.

1. Введение

Жанр этой публикации трудно определить, исходя из имеющихся в настоящее время классификаций, хотя, скорее всего, он приближен к так называемой «признательной этнографии», в основе которой лежат саморефлексии исследователей текста (Щепанская, 2005) или которой эти исследователи пользуются (Олсен, Адоньева, 2016). И специфика этой статьи определяется именно особенностями моей профессии – этнографа-полевика,

* Corresponding author
 E-mail addresses: ryblova@mail.ru (M.A. Ryblova)

т.е. человека, работающего преимущественно в условиях этнографической экспедиции – того, что принято называть в наших профессиональных кругах «полем». В соответствии с устоявшейся традицией, работая в экспедиции, этнограф-полевик должен всегда иметь две тетрадки, одна из которых называется «Полевая тетрадь», а другая «Полевой дневник». Первая должна быть в руках исследователя в момент осуществления записи рассказов информантов, вне зависимости от того, используются при этом технические средства (магнитофон, диктофон). Вторая заполняется по окончании рабочего дня и представляет собой комментарии к ранее осуществленным работам. В дневнике обычно фиксируются самые разные сведения, а также мысли его автора, которые нередко впоследствии становятся частью будущих научных публикаций. Так, в дневнике могут быть отражены некие рефлексии исследователя по поводу сделанных ранее записей, наблюдения, осуществленные вне записей интервью, а также намечены планы будущих полевых работ. В научных публикациях, осуществленных по итогам экспедиций, этнографы используют материалы из обеих тетрадей. При этом материалы из полевых тетрадей обычно используются в качестве иллюстрации готовых научных построений. Возможна, впрочем, и публикация полных, записанных в поле, интервью. Особенность же этой статьи заключается в том, что автор выступает в ней одновременно в двух ипостасях: рассказчика и исследователя, соединяя тексты из воспоминаний с тем, что в большей степени относится к содержанию дневника.

2. Материалы и методы

Так сложилось, что трехлетнее пребывание в 1979–1982 гг. в казачьем хуторе в качестве учительницы восьмилетней школы оказалось моим первым этнографическим полем. Тогда я еще не предполагала, что стану со временем ученым-этнографом, всю свою профессиональную жизнь занимающимся традиционной культурой донских казаков. Но для того чтобы преодолеть все невероятные трудности жизни в забытом властями и, кажется, самим Богом хуторе – классическом провинциальном захолустье времен расцвета советского «застоя», – мне нужна была именно эта позиция: внимательного наблюдателя и исследователя. Таким образом, сейчас я вполне могу определить положенные в основу статьи материалы в качестве полевых этнографических, а главным методом назвать метод включенного наблюдения, который еще иногда называют наблюдением «изнутри» традиции.

В то же время представленные в этой публикации воспоминания «сельской учительницы» (именно такую пометку делала на конвертах со своими письмами моя не лишняя юмора подруга-горожанка) отличаются от записываемых в поле интервью, так как они пропущены через почти 40-летний исследовательский опыт автора, осложнены его последующими рефлексиями, а научные комментарии к ним, в свою очередь, отягощены субъективными переживаниями, а также попытками осмыслить характерные черты того периода в жизни страны, который разными людьми определяется то в качестве презренного «совка», то как лучшего, что было в нашем общем прошлом.

В первой части публикации я предполагаю ограничиться двумя темами: представить основные практики жизнеобеспечения жителей казачьего хутора времен «застоя» и рассмотреть власть (официальную и неофициальную) в структуре повседневности этого поселения.

3. Обсуждение и результаты

В два последних десятилетия в отечественных гуманитарных кругах получило широкое распространение сформировавшееся на Западе научное направление, связанное с исследованиями истории и культуры повседневности. Некоторые ученые стали широко применять наработки этого направления для изучения не только современных, но и традиционных и близких к ним сообществ. В рамках казачьей истории и этнографии изучается, например, культура повседневности крестьян и казаков XIX в., эпохи нэпа и пр. (Годовова, 2020; Багдасарян, 2015). При этом, согласно выработанной этим направлением методике, авторы нередко начинают свои исследования с анализа такого элемента повседневности, как пища и продовольственное потребление, переходя далее к характеристикам жилищ и одежды, исходя из того, что витальные потребности являются

первичными в процессе поддержания функциональной целостности и работоспособности как отдельного человека, так и всего социума.

Такой перенос представлений современного человека (как члена «общества потребления») на традиционные сообщества не представляется мне обоснованным. Для человека традиционной культуры практики жизнеобеспечения начинались не с употребления пищи, а с длительного и многотрудного процесса ее добычи и производства. Именно поэтому классические труды этнографов по традиционной культуре отдельных народов всегда начинались с описания их хозяйственной деятельности (по другой терминологии – систем первичного производства). Для меня и моих коллег-учительниц, оказавшихся в казачьем хуторе в качестве людей, занимавшихся исключительно умственным трудом и не имевших подсобных хозяйств, стала большой жизненной проблемой именно необходимость ежедневной добычи «хлеба насущного». Время (и усилия), затрачивавшиеся нами на это, не шли ни в какое сравнение со временем, необходимым для приема пищи или той же профессиональной деятельности.

Практики жизнеобеспечения. Вспоминаю, как для меня, родившейся в сельской местности, было радостным открытием то, что в период обучения в пединституте¹ я могла закупить в студенческом буфете или в ближайшем магазине множество вкусностей, затратив на это минимум времени. Это был лишь вопрос денег. В казачьем хуторе наличие денег не обеспечивало той же легкости в практиках нашего тогдашнего жизнеобеспечения. В хуторском магазине набор продуктов был очень скромным и постоянным. Он состоял из хлеба, яблочного повидла (жестяные трехлитровые банки с ним занимали большую часть полок), вермишели, постного масла и небогатого набора рыбных и овощных консервов. Здесь не продавались ни мясо, ни молоко, ни овощи, производимые, кстати, в совхозном хозяйстве.

В первое время вопросы нашего питания решались просто: нас определили на постой к местным жителям. Две девушки-«математички» жили в доме семейной пары пенсионеров; нас – трех «гуманитариев» – поселили у школьной уборщицы (она с мужем жила в другом доме, расположенном на том же подворье). За постой платила местная власть. А за наши деньги хозяева кормили нас, используя для приготовления пищи отнюдь не магазинное продовольствие, а продукты со своих подсобных хозяйств. Кормили сытно и вкусно, предлагая постоянный и нехитрый набор блюд, исключавший мясо: постные щи, картошка с домашними соленьями, пирожки, блины и оладьи. Мы были довольны, так как не тратили время ни на поиски продуктов, ни на «готовку». Все наше время уходило на обустройство школы, которая с нашим приездом из начальной была превращена в восьмилетку.

Собственно, с этим и был связан приезд в хутор нашего «педдесанта»: хуторяне долгое время добивались, чтобы их дети по окончании начальной школы не отправлялись для дальнейшего обучения в соседний хутор, где подолгу проживали в интернате. Группа студенток-добровольцев последнего года обучения в пединституте по призыву районного отдела образования перешла на обучение экстерном и приехала в хутор, получив статус сельских учительниц, не имеющих еще дипломов, но готовых посвятить себя благому делу. Директором школы стала моя подруга, с которой до этого мы жили в одной комнате в студенческом общежитии, и которая совершала поистине чудеса героизма, воюя с местными властями и обустривая одновременно и школу, и наш учительский быт. Помогало ей в немалой степени то, что сама она была казачка, хотя и родом из других мест. Нравы казаков и особенности всей казачьей жизни были известны ей с малолетства. Меня же удивляло в хуторе абсолютно все. Но, может быть, именно поэтому мой взгляд цепко фиксировал то, на что взгляд моей подруги был «замылен» – хуторскую обыденность. Феномен «чистого взгляда» хорошо известен профессиональным этнографам, считающим его наличие обязательным условием для успешной полевой работы.

Школа располагалась в деревянном здании бывшей церковно-приходской школы. Местные власти взяли на себя труд по незначительному благоустройству пустующих помещений, ограничившемся ремонтом печей и навешиванием в дверных проемах смежных классов вместо дверей байковых одеял. Никто из родителей школьников помощи не предложил. Мы сами заклеивали щели в оконных рамах, белили печки. Объяснение

¹ Волгоградский государственный педагогический институт им. А.С. Серафимовича.

такому равнодушию нашлось позже: все, что признавалось хуторянами «казенным», в плане благоустройства их не интересовало. Мы быстро поняли, что были для них частью этого «казенного мира».

Видимо, по этой же причине на месте нашего нового обитания (нас вскоре переселили в заброшенный домик, стоявший на отшибе хутора) мы оказались без забора: соседи стали активно разбирать его на дрова. На наше возмущение отвечали: «А вам он зачем? Поживете – уедете, а нам топить нечем». На вопрос, почему раньше не разбирали, также немногословно поясняли: «Раньше тут жили наши, хуторские».

Наши попытки обустроить примыкавшую к школе территорию потерпели фиаско по той же причине. В один из весенних дней учителя вместе с немногочисленными школьниками (в самом большом классе было 7 человек) вышли на субботник и в течение дня засадили пустырь у школы молодыми деревцами. Утром следующего дня обнаружили, что половина из них исчезла: их выкопали и перенесли на свои подворья хуторяне. На наши слезные возмущения ответа не было, но мы уже знали: для них эта территория была все той же «казенкой», несмотря на то, что школу открыли для их собственных детей.

Также не увенчались успехом попытки как-то обустроить наше подворье на очередном месте обитания. К началу следующего учебного года нам выделили «учительские квартиры». «Математичкам» и нам, «гуманитариям», досталось по половине вновь отстроенных совхозных домов. Каждая половина состояла из трех комнат, и мы блаженствовали – каждая в своей. «Обставлялись» мы также сами: наши ученики помогли принести из школы старые парты, которые служили рабочими столами.

С обустройством двора было сложнее. Сажать деревья не было возможности из-за отсутствия системы полива (воду для личных нужд мы носили из колодца, расположенного далеко от наших домов). Еще одна причина – быстрое превращение нашего двора в общую территорию. Наличие у нас двух калиток (уличной и задней) дало основание обитателям соседних домов ходить «напрямки» через наш двор. На наши возражения по этому поводу и предложения пользоваться расположенным рядом переулком, они недоуменно отвечали: «Так ведь удобнее». Мы в очередной раз поняли: казенная территория – всегда общая и при этом благоустройству самими хуторянами не подлежит. По этой же причине, видимо, зияла огромная яма с водой в центре хутора – между клубом и магазином.

Много позже я буду записывать в поле рассказы о том, как в дореволюционное время казачьи общины активно занимались благоустройством своих поселений и юртов (Рыблова, 2019).

Главные проблемы обитания в новом «учительском доме» были те же: его отопление в зимнее время и добыча продуктов в течение всего года, кроме лета, когда мы разъезжались на время отпусков. Печной котел в новой квартире нещадно дымил, дров не было. С наступлением морозов нам привезли огромные глыбы угля, которые нужно было каждое утро колоть, и дрова в виде непиленых стволов деревьев. Часть этих бревен нам распилили мальчишки-школьники, выпросив у родителей бензопилу. Другая часть дров в виде сырых тополей весной пустила буйную листву. Хуторяне похихатывали: «Видали, у училок дрова зазеленели? Глядишь, скоро зацветут».

Мерзли мы нещадно. Печной дымоход прочищали сами. Чтобы залить воду в систему отопления (для этого нужно было лезть на чердак по огромной, позаимствованной на время у соседней лестнице), звали все тех же мальчишек. Позже это стали делать знакомые хуторские парни, взявшие наше учительское сообщество под некое покровительство. Семейные хуторяне в наши бытовые проблемы особо не вникали.

Мой рассказ, начавшись с питания, не случайно переместился на проблему отопления. Замерзнуть от холода или отравиться угарным газом было гораздо страшнее, чем сидеть перед полупустым обеденным столом с постоянным набором блюд: вермишель с луком, обжаренным на смальце, чай и хлеб с яблочным повидлом – на десерт. Умереть с голоду здесь было нельзя. И мы не худели, а, наоборот, набирали в весе. Проблема заключалась в том, что при отсутствии молока и овощей можно было не на шутку разболеться. А лечится, кстати, было негде, так как в хуторе не было даже фельдшерского пункта. Привозить продукты из города было затруднительно из-за того, что ровно полгода в хутор не ходил городской автобус из-за отсутствия дороги с асфальтовым покрытием. Осенью и весной грунтовка превращалась в непролазную грязь, зимой ее заносило снегом.

Еще осенью нас особенно волновало отсутствие возможности купить картошку. В студенческом общежитии мы питались в основном ею. А здесь – даже в суп бросить нечего. Стали активно интересоваться, как эту проблему решают хуторяне. Оказалось, практически все сажают картошку в большом количестве: и на подворьях, и за хутором на бахчах. Но не продают: «самим едва хватает». Стали искать советов у знакомых женщин («теток», как мы их называли). Тетки очень удивились, узнав о нашей проблеме: «Так вон же на полях ее – завались». Совхоз, действительно, выращивал картофель, и мы знали, что часть его так и оставалась не убранной. На наше испуганное: «Что же, воровать идти?» – тетки удивлялись еще больше: «Зачем воровать? Идите и берите. Мы все туда ходим. Только ночью идите. Оно, конечно, ловить особо некому, но все же... И мешки не забудьте прихватить». Предлагали присоединиться к их компании, но мы отказались. Решили: если уж пойдем, то сами.

Вопрос об участии в расхищении социалистической собственности обсуждался нами долго. Было и стыдно, и страшно. Но голод, говорят, не тетка... В одну из темных и холодных ночей начали собираться, как тати перед разбоем: надели все самое темненькое, головы замотали платками – не узнать. Страшно было до ужаса. Вот поймают учительниц на воровстве – как говорят, «стыду́ до глаз» и век не отмоемся. Но все прошло гладко. Набрали по полмешка каждая и, охая и причитая, дотащили до дома. Утром я не смогла встать с постели – разбил радикулит. Бог, говорят, шельму метит...

Еще говорят, что стоит только встать на скользкую дорожку, дальше само покатит. Следующим этапом нашего приобщения к расхищению социалистической собственности стало получение молока. В совхозе было большое молочное хозяйство, многие тетки (в том числе и матери наших школьников) работали на ферме доярками. Говорили: «Работа чертова, платят мало, но мы всегда при молоке». Каждая, отправляясь на дойку, прихватывала с собой бидончик: по окончании дойки наливала туда молоко и несла домой. Нам тут ничего не светило. Но вскоре мы узнали еще об одном способе получить совхозное молоко на свой стол. У нашей учительницы начальных классов (местной жительницы) муж работал шофером, возил молоко с фермы на молокозавод. Перед отправкой в рейс он подъезжал к своему дому и отливал из цистерны ровно одно ведро: для нужд семьи хватало. Учительница предложила: «Приходите, я и вам буду отливать». Согласились с радостью. Приходили раз в неделю с 3-литровой банкой, при этом всегда вечером, когда было темно. Татями мы себя уже не чувствовали, но огласки опасались. Хотя зря: в хуторе все про всех всё знали, как не таись.

Вскоре мы обнаружили и другие (более безопасные, а главное – по-настоящему интересные и радостные) способы решения «продовольственной проблемы». Этнографы определили бы эту сферу нашей деятельности как собирательство, но я почему-то использовала другой термин – старательство. На вопрос подружек-коллег, видевших, как я обуваю резиновые сапоги: «Куда собираешься?» – отвечала: «Иду в старатели». Моей страстью и моей «продуктовой ответственностью» стали грибы. За лесными грибами (в пойму Дона) ходила только в сопровождении соседских мальчишек (моих учеников), так как могла заблудиться буквально в трех соснах: родилась и выросла в степных краях. А вот за огромными шампиньонами, которые росли в изобилии на старых навозных кучах у совхозного свинарника, ходила одна: местные такие грибы за еду не считали. Мои подружки солили и мариновали лесные грибы, а шампиньоны я заготавливала на зиму опять же сама: обжаривала их в большом количестве смальца и раскладывала по банкам. Хранились они в таком виде долго.

Вопрос хранения продуктов стоял также остро из-за отсутствия у нас холодильника. Но из скисшего молока получались отличные оладьи. А для того, чтобы сохранить брусок сливочного масла (иногда по случаю привозимого из города), помещали его в кастрюлю с холодной водой и выносили в коридор. Летом воду нужно было регулярно освежать (чтобы всегда была холодной). Поздней осенью и зимой складывали продукты в авоську и вешивали за форточку. Но тут нужно было следить, чтобы их не расклевали птицы.

Очень любили мы ходить в конце лета – начале осени в пойму, где собирали дикий терн, яблоки и груши. Терн мочили, яблоки и груши сушили. Набивая сухофруктами наволочку, радовались: ну, цинги точно не будет.

Однажды, сидя на старой яблоне (довольно далеко от хутора) и обирая спелые плоды, услышали снизу старческий скрипучий голос: «А вить это наша алевада, родовая...». Под деревом стояла древняя старуха с бадиком¹, явно пришедшая сюда по нашим следам. Смотрела осуждающе, но больше ничего не сказала. Я недоуменно посмотрела на подружку-казачку: «Какая алевада? Чего она хочет?». Подружка разъяснила не без смущения: «Левада – это по-казачьи место, где раньше, до революции, были семейные посадки деревьев – не в хуторе, а за его пределами». Когда старуха неспешно удалилась, продолжила: «Подишь ты, сколько лет прошло, а она все помнит свою алеваду. Тоже мне, собственница выискалась». Я огляделась по сторонам – просто пролесок с изредка растущими плодовыми (давно одичавшими) деревьями. Ни изгородей, ни каких-то других меток. Но обрывать далее «старухины» яблоки мы не стали.

Как-то поздней осенью нашу директрису-казачку соседи пригласили на «щипанки». Я навострила ухо: «Что такое щипанки?». Подруга попеняла: «Ведь у тебя ж в роду казаки были, а ничего не знаешь. Щипанки – это когда зовут соседей и знакомых ощипывать и потрошить домашнюю птицу. Если птицы много – самим не управиться. По-казачьи это еще помочами называется».

Соседи наши, действительно, в большем количестве разводили домашних уток. После забоя часть увозили продавать в город, другую оставляли себе на пропитание. Впрочем, подруга, надеявшаяся принести нам уточку (в качестве платы за работу), пришла разочарованная: уточки, жадюги, не дали. Правда, накормили всех участниц «щипанок» щедро, еще и водочкой угостили. И песни попели. Старая традиция... А по традиции, кстати, (как узнаю позже) на помочах никакой платы и не было (ни деньгами, ни продуктами). На то они и помочи – вид коллективных работ, связанных с понятием соседской взаимопомощи, а не подработка на стороне.

Время от времени местная «холостежь» (в лице неженатых парней) приносила нам рыбу, чаще – сырую, изредка – вяленую чехонь. Последняя здесь очень ценилась, но на наши предложения купить ее в большом количестве парни отнекивались. Позже мы узнали, что чехонь ценилась за отменные вкусовые качества и к тому же была местной «валютой». Вылавливали ее в Дону браконьерски, заготавливали в большом количестве и тщательно прятали (в деревянных ящиках) где-нибудь в укромных местах. Чехонью расплачивались «на стороне» в разных нелегких житейских ситуациях: дочь поступает в городе в техникум, сын попал под суд...

В последнюю нашу хуторскую осень, узнав, что больше мы не пойдем воровать картошку на совхозные поля, парни притащили ее целый мешок. Поставили аккуратно в коридорчике и молча топтались. Поняв, что нужно что-то заплатить, и зная, что есть еще одна местная «валюта» – водка (в варианте – самогон), мы пообещали, что на днях купим и отдадим. Один из парней («главный»), глядя куда-то в сторону, сказал: «Не надо водки, вот это возьмем». Проследив за его взглядом, я увидела пылившиеся на подоконнике пять больших аптечных пузырьков с эфиром. Их оставил мой отчим, когда приезжал вместе с моей мамой еще весной проведать меня. Отчим – стоматолог, купил эфир для работы и забыл выгрузить пузырьки из машины перед отъездом. Предложил оставить у нас: не трясти же склянки по ухабам российского бездорожья (конечный пункт их поездки был далеко от нашего хутора). С тех пор пузырьки и пылились в коридорчике, напрочь нами позабытые за совершенной их бесполезностью. Как мы ошибались! Я все же попыталась объяснить парням, что в пузырьках не спирт. Они отмахнулись и, молча собрав их в сумку, удалились. По виду были очень довольны. Я же в растерянности пошла за разъяснениями, как всегда в таких случаях, к подружке-казачке. Ее ответ был коротким: «Да нюхать они его будут». Так эфир пополнил мой список местной «продуктовой валюты».

Случай с эфиром был единичным и, в моем понимании, абсолютно экзотичным. Что касается самогона, то иногда мне казалось, что именно он был у местных жителей главным продуктом потребления. Пили в хуторе практически все, начиная от некоторых наших школьников и заканчивая старухами. Многие из последних еще и подвизались на почве самогонварения. Хуторяне знали их поименно и в любое время суток могли постучать

¹ В донских говорах бадиком называют палку, посох или трость.

в окошко на предмет покупки зелья. В выходные и праздничные дни мы предпочитали отсиживаться дома: хутор «гудел» и появляться на улицах было небезопасно. Иногда казалось, что за пару праздничных дней хуторяне выпивали водки и самогона больше, чем воды за неделю.

А упомянутый выше визит моей мамы имел неожиданные последствия в решении нашей «продуктовой проблемы». Правда, узнали мы о ее роли не сразу. Осенью нам неожиданно предложили «выписать» мясо из местных совхозных запасов. Такая выписка производилась всего трижды, но мы были поражены щедростью местных властей. Еще больше удивились, когда нас «прикрепили» к детскому садiku для получения молока. Ходили мы туда дважды в неделю, отказавшись от услуг мужа нашей учительницы. Правда, этот канал снабжения тоже продержался недолго. Но загадка осталась: что это вдруг местные власти про нас вспомнили и озаботились нашим питанием? Позже открылось: моя мама (в прошлом учительница и жена директора совхоза – моего отца) написала гневное письмо директору нашего совхоза (жившему в соседнем хуторе – в так называемой «центральной усадьбе»), в котором высказала свою возмущение равнодушием местной власти к нуждам учительниц, которые, по сути, создали в хуторе восьмилетку. Впрочем, этот сюжет относится в большей степени к вопросу о власти, который будет рассмотрен далее.

Власть в пространстве казачьего хутора. В заволжском совхозе, в котором я выросла, вся местная власть была на виду. Даже будучи детьми, мы прекрасно знали лично и по имени-отчеству председателя сельсовета, милиционера, совхозного парторга (хотя и не очень понимали, что это за должность). Моего отца, разумеется, тоже знали все. Относиться ко всем этим людям могли по-разному, но с ними постоянно общались по самым разным поводам. Когда я ехала учительствовать в казачий хутор и чувствовала себя немножко героиней, я, конечно же, не ожидала, что нас там встретят с фанфарами, а проводят с медалями. Но того, что нас не встретит никто из местной власти и более того – за все три года нашей там жизни ни разу к нам не приедет – не ожидала. К нам ни разу не приехал никто и из районного отдела образования! Это, конечно, создавало невиданные условия для свободного творчества в нашей работе: никаких предписаний и проверок. Но вместе с тем давало и опасливое и непривычное ощущение оторванности от жизни. Жить в ситуации полного безвластия нам еще не приходилось...

В хуторе не было ни милиционера, ни сельского совета (равно как и бани, и библиотеки). Все это было на центральной усадьбе, но, если у нас и появлялись какие-то представители власти, то это как-то прошло мимо меня. Единственным начальником у нас был управляющий отделением совхоза, но это была власть производственная, и с нами она тоже никогда не пересекалась. Наша школьная директриса периодически названивала с почты в сельский совет, в районный отдел образования, чтобы получить хоть какую-то помощь в обустройстве школы. Обещали. И забывали. Вы не поверите, но даже за электроэнергию в своих «учительских квартирах» мы не платили, и счетчиков у нас в домах не было. Интересно также и то, что хуторяне (при мне, во всяком случае) никогда не вели разговоров на политические темы. Услышать хоть что-то о последнем партийном съезде или пленуме было здесь делом невозможным в принципе: всем хватало местных проблем и сплетен. Газет хуторяне не читали и не выписывали. Не рассказывали здесь и политических анекдотов, которые были в большом ходу в нашей прежней городской жизни.

Однако при физическом отсутствии власти в пространстве и повседневной жизни хутора она присутствовала ментально. И диалог хуторян с властью происходил, но осуществлялся в виде периодически направляемых в район или чаще – «в центр» писем с жалобами и требованиями: открыть восьмилетку, наладить клубную работу, организовать молодежный досуг, починить дорогу и пр. Местной (совхозной и поселковой) власти жалоб не писали, давно махнув на нее (как и она на них) рукой. Власть сверху иногда реагировала на жалобы. Нашу школу, например, открыли. По жалобе молодежи о развале клубной работы и отсутствии в хуторе молодежного досуга приехала корреспондентка московской газеты. Поговорив с жалобщиками, она потом высказывала нам свое недоумение: «А что же молодежь сама ничего не делает? Кто за них будет кружки да концерты организовывать? И лужу у клуба давно бы сами засыпали». Мы с ней соглашались и тоже недоумевали.

Много лет спустя я писала в своих публикациях о том, что в 1960–1970-х гг. в стране наблюдался поток жалоб в различные органы власти и газеты со стороны жителей сел

и деревень, связанных с организацией сельской культурной жизни. Жаловались всё на то же: клуб работает плохо, кружков нет, агитбригады не работают и пр. Мой комментарий к этим материалам сводился к тому, что с уничтожением прежней (традиционной, общинной) системы организации культурной жизни в сельской местности население заняло потребительскую позицию и ожидало, что новая власть теперь сама будет решать все эти насущные вопросы. Власти решали их не всегда в должной мере, а население строчило письма-жалобы (Рыблова, 2013).

Сейчас, вспоминая детально свою жизнь в казачьем хуторе, я могу добавить к прежним суждениям и нечто новое. Патерналистские настроения, конечно же, имели место, но в позиции жалобщиков из нашего хутора было и другое: злорадная констатация беспомощности власти, почти радостный подсчет ее просчетов и ошибок. Власти как бы подспудно говорили: «Ну, что, не справляешься? А мы и не надеялись...». И даже если власти исправляли свои ошибки, хуторяне оставались неудовлетворенными, выискивая новые поводы для критики. Ведь восьмилетку в хуторе по жалобе все-таки открыли. Но только одна-единственная родительница приходила периодически в школу и предлагала нам помощь. По ее инициативе устроили в клубе грандиозный спектакль с участием детей и учителей. Никто (кроме этой родительницы, задействованной, кстати, в спектакле) на это мероприятие не пришел. Не пришли на спектакль с участием собственных детей! И посаженные у школы деревца тоже выкопали не приезжие-чужие. И лужу не засыпали, несмотря на увещевания московской журналистки.

Сейчас я думаю, что это было своеобразным выражением протеста местных жителей против власти, которая, разрушив старые устои казачьей жизни, в чем-то самом главном и важном не удовлетворила какие-то их чаяния. Этот протест не был четко сформулирован, может быть, не вполне и осознан, а скорее проживался эмоционально.

Впрочем, это справедливо лишь по отношению к поголовному большинству хуторян, которое заливало водкой, в том числе, и эту свою не сформулированную ясно социальную разочарованность. Были, однако, в хуторе и такие люди, которые свои претензии к власти высказывали вполне осознанно и открыто. Их было мало, может быть, несколько человек. Но я лично знала только одного такого оппозиционера. В хуторе все называли ее – Настя Прокурор. Она была в оппозиции властям всех уровней всегда. Это было ее жизненное кредо. Позволять же себе оппозиционность она, видимо, могла по причине полной независимости от властей (никаких привилегий от них она не имела), а уволить с работы ее было нельзя в силу пенсионерского статуса.

Жалоб Настя Прокурор не писала, она выступала всегда устно, всегда страстно и с открытым забралом. Ее пламенные речи, щедро перемежавшиеся ненормативной лексикой, можно было услышать у магазина, у колодца, просто на улице. Начинались они всегда одинаково: «Власть эта ваша! Куда смотрят? Ни черта не делают...». Далее развивалась конкретная тема: у училок зацвели дрова, в детсаде холодно, у доярок маленькая зарплата, а управляющий пьет, не просыхая... Может быть, кто-то над Настей Прокурором и посмеивался, но в целом в хуторе ее очень уважали. По сути, она была символическим общественным рупором хуторян, высказывая то, что они сами думали и чувствовали, но при этом безмолвствовали.

Как-то с подругой-казачкой мы разговорились о Насте Прокуроре и в целом об отношении казаков к советской власти. Она поведала мне интереснейшую историю: «Настя – это так, цветочек. Вот у нас рассказывали о казаках из хутора Грачи – вот это ягодки! Я еще в школе училась, а столько рассказов про них наслушалась. Там было много казаков-мужчин и, говорят, они все в черной одежде ходили, и кони у них были черные. И этих грачевских все боялись. Рассказывали, что они хотели выбрать председателем колхоза своего человека, а им прислали чужого. Они с ним не ладили, а потом и вовсе повесили. Он жил в другом хуторе. Они ночью прискакали на своих черных конях и повесили его в сарае. И никто ничего не мог доказать». Для меня – историка по образованию – этот рассказ выглядел абсолютно неправдоподобно: легенда какая-то. Но подруга стояла на своем: «Так все и было!».

Наконец, в хуторе была и еще одна – незримая, но очень эффективно работавшая власть. Правда, действовала она в сфере хуторской морали и нравственности. Эта власть, по сути, заменила собой официальную советскую идеологию, в которую, впрочем, тут никто

и не вникал. Называлась она «бюро ОБС» – «одна бабка сказала». Ее членами, соответственно, были бабки – женщины преклонных лет и старухи, которые пристально следили за всеми перипетиями повседневной жизни хуторян, а также за обстоятельствами их семейной и личной жизни. Бюро знало все и про всех. Его приговоры не подлежали обсуждению и обжалованию. Если бюро провозгласило, что Катерина загуляла с Ванькой Бугаем (клички здесь имели многие), значит, так оно и было. Все свежие вести от грозного и невидимого для нас бюро приносила в школу наша учительница начальных классов. В учительской перед уроками весело сообщала: «Внимание, новости от бюро ОБС! К Наталье Сергеевне (нашей подруге-учительнице) приходил свататься Колька Е. Он ей сказал... А она ему ответила...». Мы возмущенно кричали: «Ну, не приходил он вовсе! И откуда они могут знать, что он сказал и что она ответила? Под столом что ли сидели?». Ответ всегда был один: «Бюро ОБС все знает!».

У бюро ОБС были очень четкие понятия о нормах социальной и семейной жизни. Например, оно порицало излишнее потребительство и не одобряло тех немногих, кто копил на машину, с комментариями: «Зажрались! Еще бы ладно, мотоцикл...». Бюро считало, что нам – училкам – всем давно пора замуж («Но воротят носы от наших парней»). В политику бюро также никогда не лезло, но своеобразной идеологической властью в хуторе было однозначно.

Я помню, как нас угнетало это непривычное отсутствие границ между общественной и приватной сферами жизни. Можно было сколько угодно скрытничать, отмалчиваться и заператься, но спрятаться от всевидящего ока хуторского бюро было невозможно.

В постсоветское время появятся специальные исследования, посвященные институту деревенских сплетен. Ученые будут отмечать такие его функции, как налаживание и поддержание общественных и межгрупповых коммуникаций и формирование идентичностей, выявлять роль в социализации членов сельских сообществ, исследовать психологическую составляющую сплетен и слухов. Соглашаясь с мнением исследователей, считающих, что «характер бытования сплетен должен быть определен как “эзотерический” по преимуществу» (Кушкова) (для меня бюро ОБС было органом почти мистическим), отмечу, что, по моему мнению, в нашем хуторе бюро ОБС выполняло также и своеобразные судебные функции. Получив однажды его безжалостный приговор, приговоренный (и припечатанный соответствующей кличкой: Ванька Бугай, Лизуха Аэропорт и пр.) не мог рассчитывать даже на срок давности и носил печать однажды содеянного пожизненно. Укрыться можно было, только покинув территорию хутора. Но бюро ОБС могло настичнуть своими приговорами и тех, кто уезжал: «Видели Настену в городе, ходит намазанная-раскрашенная. Поди, по-прежнему гуляет...».

Сказав выше о том, что мне лично не приходилось общаться в хуторе с представителями советской власти, я не могу не вспомнить тот случай, когда нам пришлось с ними увидеться. Речь пойдет об открытом судебном заседании (проходившем в клубе), на котором судили за воровство двух хуторских доярок и местного парня – за злостное хулиганство. Мы на этом заседании присутствовали по той причине, что тоже немного пострадали от этого хулигана. Он принадлежал ко второй категории молодой мужской части населения хутора, которая по классификации самих хуторян, делилась на тех, кто «до армии» и тех, кто «после заключения» (с добавлением: «а других у нас и нету»).

Я не буду вдаваться в подробности приключений вышедшего на волю после очередной отсидки Вована, а расскажу про то, как в поле зрения правосудия попали доярки. Началось все с того, что в хутор нагрянула районная милиция и произвела обыски. Искали «донскую валюту» – чехонь. И в нескольких домах нашли спрятанные на чердаках ящики с рыбой. Рыбу конфисковали, их владельцы отделались штрафами. Но в двух домах помимо чехони милиционеры обнаружили новорожденных телят. При отсутствии у хозяев коров. Стали разбираться, и выяснили, что телята украдены с фермы работающими там доярками. Дело дошло до суда, на котором мы и присутствовали. Женщинам дали условные сроки. На наш вопрос, адресованный знакомым парням: «Кто ж донес на рыбаков?» – ответ был четкий: «Городские бракоши. Че-то с нашими не поделили, вот и стуканули ментам». На мои сомнения, что «может, все-таки свои», возмутились: «Ты чё, девка, чтоб наши на своих ментам стучали?! Не в жисть такого не бывает. Наши, если чё, друг другу морды поразбивают, могут и пришить, но чтоб ментам писать...».

Как-то, сидя у нас в гостях, один из местных парней (с опытом отсидки) стал задавать вопросы «на проверку»: «Вот ты ж не побежишь к ментам, если кто-то из наших бузить начнет?». Я въедливо поинтересовалась, что значит – «бузить»? И добавила, что если кто-то будет угрожать моей жизни или моему здоровью, конечно же, обращусь в милицию. Собеседник был поражен таким ответом. Быстро засобирился и ушел. Проверку я, видимо, не прошла. Кстати, на Вована мы никаких жалоб не подавали; сел он за то, что угрожал ножом беременной женщине. Она и подала заявление в милицию. Мы, пострадавшие в гораздо меньшей степени, тем не менее, были вполне удовлетворены решением суда о его заключении. Правда, озвучивать свое удовлетворение не стали.

Знали мы и о том, что хуторские парни из категории «до армии» собирали для своих молодых земляков, находящихся в заключении, посылки с продуктами и теплыми вещами. Но здесь я уже выхожу за рамки выше обозначенных тем и вторгаюсь в проблему половозрастного состава населения хутора, в котором, как и в традиционной общине, отдельные группы четко разделялись по статусам, ролям и функциям. Об этом речь пойдет во второй части публикации.

4. Заключение

В заключение резюмирую: в смутных и эмоциональных высказываниях наших хуторян, по сути, было сформулировано представление о двух, существующих параллельно в пространстве заброшенного казачьего хутора, властях: «не своей» (невидимой, которой пишут жалобы-претензии, а также высказывают претензии в открытой форме) и «своей», по отношению к которой существовали и своеобразный кодекс чести, и модели поведения («своих не бросаем и не сдаем»).

Четкое деление жителей хутора на «своих», «чужих» и «не своих» (к которым относились молодые учительницы, так и не ставшие в полной мере «своими»), а хуторской территории на «свою» и «казенную» было определяющим и в формировании практик жизнеобеспечения хуторян, предполагавших разные модели поведения по отношению к этим группам и в разных зонах пространства поселения: «казенное» («не свое») могло подвергнуться разграблению, а свое оберегалось от поползновений на него чужаков. В то же время продукция, в производство или добычу которой был вложен собственный труд (даже если это была совхозная сфера), как и в прежней казачьей традиции, признавалась «общей» и свободно перераспределялась между «своими». Все эти представления и практики сохранялись в течение длительного советского периода истории страны, дожив благополучно до времени распада СССР.

Что касается молодых учительниц, оказавшихся неподготовленными к экстремальным условиям жизни в маленьком казачьем хуторе, то для них наиболее успешными оказались практики частичной инкорпорации в казачью обществу, основанной на поиске и определении «своих» в среде «чужих» и опорой на них, осуществляемой нередко при отказе от некоторых ранее исповедуемых ими принципов и норм жизни или, по крайней мере, при их серьезной ревизии. Впрочем, тема «своих» и «чужих», поиска опорных групп и новых базовых ценностей будет также продолжена во второй части публикации.

5. Благодарности

Исследование практик жизнеобеспечения жителей казачьего хутора выполнено в рамках проекта РФФИ № 21-09-43097 «Донские казаки в СССР»; исследование особенностей функционирования власти в пространстве хутора – в рамках реализации гос. задания ЮНЦ РАН на 2021 г., № гр. АААА-А20-120122990111-9.

Литература

Багдасарян, 2015 – Багдасарян С.Д. Быт, труд и семья крестьян эпохи нэпа: историческая повседневность южно-российской деревни в 1920-е годы. Новочеркасск: Лик, 2015. 312 с.

Годовова, 2020 – Годовова Е.В. Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX–начале XX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 382 с.

Кушкова – *Кушкова А.Н.* Деревенская сплетня: некоторые особенности бытования и функционирования. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/kushkova1.htm> (дата обращения: 24.02.2021).

Олсон, Адоньева, 2016 – *Олсон Л., Адоньева С.* Традиция, трансгрессия, компромисс. Миры русской деревенской женщины. М.: НЛО, 2016. 444 с.

Рыблова, 2013 – *Рыблова М.А.* Традиционная культура донских казаков в период социалистической модернизации // *Стрежень: научный ежегодник.* 2013. № 11. С. 165-177.

Рыблова, 2019 – *Рыблова М.А.* Между буднями и праздником: коллективные работы и общественные повинности в традиционной общине донских казаков // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения.* 2019. № 4. С. 202-214.

Щепанская, 2005 – *Щепанская Т.Б.* Экспедиционные традиции: к топографии «поля» в неформальном дискурсе полевых исследователей (этнографов, археологов, антропологов) // *Проблемы исторического регионоведения/* отв. ред. Ю.В. Кривошеев. СПб: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 76-100.

References

Bagdasarjan, 2015 – *Bagdasarjan, S.D.* (2015). Byt, trud i sem'ja krest'jan jepohi njepa: istoricheskaja povsednevnost' juzhno-rossijskoj derevni v 1920-e gody [Life, work and family of peasants of the NEP era: the historical everyday life of the southern Russian village in the 1920s]. Novoчеркассk: Lik, 312 p. [in Russian]

Godovova, 2020 – *Godovova, E.V.* (2020). Povsednevnaia zhizn' rossijskogo kazachestva vo vtoroj polovine XIX–nachale XX v. [Everyday life of the Russian Cossacks in the second half of the XIX – early XX century]. SPb.: Dmitrij Bulanin, 382 p. [in Russian]

Kushkova – *Kushkova, A.N.* Derevenskaja spletnja: nekotorye osobennosti bytovaniia i funkcionirovaniia. [Electronic resource]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/kushkova1.htm> (date of access: 24.02.2021). [in Russian]

Olson, Adon'eva, 2016 – *Olson, L., Adon'eva, S.* (2016). Tradicija, transgressija, kompromiss. Miry russkoj derevenskoj zhenshhiny [Tradition, transgression, compromise. The worlds of a Russian country woman]. M.: NLO, 444 p. [in Russian]

Ryblova, 2013 – *Ryblova, M.A.* (2013). Tradicijonnaja kul'tura donskih kazakov v period socialisticheskoj modernizacii [Traditional culture of the Don Cossacks during the period of socialist modernization]. *Strezen': nauchnyj ezhegodnik.* 11: 165-177. [in Russian]

Ryblova, 2019 – *Ryblova, M.A.* (2019). Mezhdubudnjami i prazdnikom: kollektivnye raboty i obshhestvennye povinnosti v tradicijnoj obshhine donskih kazakov [Between weekdays and holidays: collective work and social obligations in the traditional community of the Don Cossacks]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija.* 4: 202-214. [in Russian]

Shhepanskaja, 2005 – *Shhepanskaja, T.B.* (2005). Jekspedicionnye tradicii: k topografii «polja» v neformal'nom diskurse polevyh issledovatelej (jetnografov, arheologov, antropologov) [Expeditionary traditions: towards the topography of the “field” in the informal discourse of field researchers (ethnographers, archaeologists, anthropologists)]. Krivosheev Ju.V. (ed.). *Problemy istoricheskogo regionovedenija* [Problems of historical regional studies]. SPb.: Izd-vo SPbGU, pp. 76-100. [in Russian]

Три года в казачьем хуторе времен «застоя»: записки этнографа на полях воспоминаний сельской учительницы. Часть 1. Практики жизнеобеспечения и власть

Марина Александровна Рыблова ^{а, *}

^а Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Основу публикации составили воспоминания автора о трех годах, проведенных в казачьем хуторе в 1979–1982 гг. и превращенных им в своеобразное этнографическое «поле», давшее обширный материал для последующего осмысления того, как казачье население организовывало свою повседневную жизнь в эпоху так называемого советского «застоя». Особенностью публикации, вписывающейся условно в жанр «записок», является то, что автор предстает в ней одновременно в двух ипостасях: человека вспоминающего и комментирующего. В первой части публикации представлены две основные темы: практики жизнеобеспечения жителей казачьего хутора времен «застоя» и власть (официальная и неофициальная) в структуре повседневности. Осуществленный анализ собственных воспоминаний привел автора к выводу о наличии в сознании хуторян двух властей: «не своей» (которой пишут жалобы-претензии, а также высказывают претензии в открытой форме) и «своей», по отношению к которой существовал своеобразный кодекс чести и особая модель поведения («своих не бросаем и не сдаем»). Четкое деление жителей хутора на «своих», «чужих» и «не своих» было определяющим и в формировании практик жизнеобеспечения его жителей, предполагавших разные модели поведения по отношению к этим группам. По-разному вели себя жители поселения и в разных зонах пространства поселения: «казенное чужое» могло подвергнуться разграблению, а свое оберегалось от поползновений на него чужих. В то же время продукция, в производство или добычу которой был вложен собственный труд (даже если это была совхозная сфера), как и в прежней казачьей традиции, признавалась «общей» и свободно перераспределялась между «своими». Все эти представления и практики сохранялись в течение длительного советского периода истории страны, дожив благополучно до времени распада СССР.

Ключевые слова: полевая этнография, эпоха советского «застоя», культура повседневности, практики жизнеобеспечения, представления о власти.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: ryblova@mail.ru (М.А. Рыблова)

Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2021. 12(1): 66-74

DOI: 10.13187/rs.2021.1.66
www.ejournal15.com

The Images of the Red Army and the Wehrmacht in the Great Patriotic War in Computer Games

Nikita S. Shubin ^{a, *}

^a Southern Federal University, Russian Federation

Abstract

Currently, computer games occupy an increasing place in the leisure of certain segments of the population. Thousands of specialists sometimes work on their creation, and there are already dozens of specializations in the gaming industry. But what are these people inspired by and what images do they put into their works? How is the collective memory of historical events reflected in games? In the search for answers to these questions, the author of the article aims to examine the images of the Red Army and the Wehrmacht that have developed in computer games about the Great Patriotic War, to determine their relationship and the sources of their formation. Games from Europe, the USA, Canada (group I) and the countries formed on the territory of the former USSR (group II) are analyzed, since in them, on the one hand, the sphere of the game industry is quite developed, and on the other hand, there is a certain demand among the population for products about the Second World War and the Great Patriotic War. It turns out that in such games as Call of Duty, Company of Heroes 2, etc., which are in group I, developers often use the image of the Red Army, where many ordinary employees are ready to defend the Motherland, are pretentious and full of hatred for the enemy. Similar features in these games are inherent in the command staff, but the latter is also able to unnecessarily sacrifice their own soldiers in the name of orders and ideology. These games can be partly contrasted with the image of the Red Army in the games of group II (Blitzkrieg, Chernye bushlaty, etc.), where the soldiers are also brave and capable of self-sacrifice, but the command has the necessary competence and a clear mind. Both movies and the works of historians during the Cold War are the sources of the formation of negative ideas about the Red Army. The study found that the image of the Wehrmacht in the games of both groups is similar. The actions of the Wehrmacht provoke a backlash from the protagonists of the products of the game industry.

Keywords: computer games, historical memory, the Great Patriotic War, World War II, game studies, gamers, media.

1. Введение

Компьютерные игры за последние 20 лет перестали быть развлечением немногих избранных, имевших ПК, и заняли свое, порой весьма значительное место в досуге отдельных слоев населения, в том числе и в России. В опубликованном в 2020 г. исследовании НИУ ВШЭ говорится о том, что в российском сегменте сети Интернет

* Corresponding author

E-mail addresses: n.shubino910@gmail.com (N.S. Shubin)

насчитывается 65 млн игроков, а стоимость российского рынка компьютерных игр достигла 129,5 млрд рублей. При этом большая часть аудитории – лица до 34 лет, которые в период пандемии COVID-19 только увеличили совокупный доход индустрии (Седых, 2020). Если же говорить о ситуации в мире, то игровая площадка Steam продолжает наращивать число игроков онлайн, которое недавно побило рекорд и составило 26 401 443 одновременно играющих пользователей (Valve объявила, 2021). И эта цифра не предел, ведь многие игроки загружают нелицензионные копии игр, тем самым ускользая из поля зрения официальных дистрибьюторов и, соответственно, их статистики.

Стоит также отметить, что интерес к изучению компьютерных игр, появившийся в конце XX в., не затухает. Исследователи анализируют роль компьютерных игр в воспитании и обучении, проблемы перевода (Морозов, 2019; Саяхова, 2020 и др.), философию игрового мира (Быльева и др., 2019) и психологию самих геймеров (Иванова, 2018). При этом с самого начала обращения к компьютерным играм проявляется тенденция изучения их как одного из инструментов педагогической деятельности (Беляков, 1999; Иванов, 2019; Савкин, Архипова, 2020 и др.). В целом исследователи сходятся в том, что использование компьютерных игр в образовательном процессе позволяет учащемуся лучше освоить материал в силу того, что он погружается в мир игры. Однако здесь же существует опасность встречи с «контрфактической информацией и выдуманной историей» (Иванов, 2019: 137), что изменяет представление учащегося об историческом событии. Также у некоторых исследователей вызывает опасение тот факт, что играющий начинает «выпадать» из реальной жизни, получать информацию о происходивших и происходящих в ней процессах только из самих игр и руководствоваться моральными оценками, предложенными их разработчиками (Чумпурова, 2014: 135). Одновременно играющий в компьютерные игры человек не только «потребляет» чужие взгляды, но и развивает их, создает собственный мир, в котором является полноценным участником, и потому гораздо острее реагирует на стимулы разработчиков. И если, как выразился Д.В. Пинчук: «Игра – это свободная деятельность, осуществляемая по собственному желанию. Игра по принуждению не является игрой. Это позволяет имитировать при помощи игры подлинную свободу» (Пинчук, 2010: 151), – то этот эффект может усиливаться.

2. Материалы и методы

Стоит задаться вопросом, как этим растущим интересом к компьютерным играм пользуются сами разработчики и что вкладывают в свои произведения. Нетрудно заметить, что некоторые из них так или иначе эксплуатируют тематику Великой Отечественной войны¹ и репрезентуют отдельные события этого конфликта в своих проектах. Цель данной статьи – проанализировать образы Красной армии и вермахта в компьютерных играх о Великой Отечественной войне. В ходе работы совокупность компьютерных игр по этой теме была разбита на две группы, представленные в таблице ниже. Стоит заметить, что в работе затронуты лишь крупные проекты разработчиков США, Канады, Европы и из стран бывших республик СССР, так как сфера гейм-индустрии достаточно многочисленна и инди-проекты требуют отдельного исследования.

Игры, выпущенные в США, Канаде и Европе (I группа)	Игры, выпущенные в республиках бывшего СССР (II группа)
Call of Duty	Серия игр «В тылу врага»
Call of Duty 2	Серия игр «Блицкриг»
Call of Duty: World at War	Чёрные бушлаты
Company of Heroes 2	Партизаны 1941
Red Orchestra 2	Смерть шпионам
Hearts of Iron 4	ИЛ-2: Штурмовик
	Серия онлайн-проектов студии Wargaming.net

¹ Зачастую в играх из I группы (см. таблицу) ее называют либо Советской компанией, либо Восточным фронтом.

	(World of Tanks, World of Warplanes, World of Warships)
--	---

3. Обсуждение и результаты

Серия шутеров (игр с упором на стрельбу от первого лица) «Call of Duty» является одной из самых известных в мире игр, в которой обыгрываются события Великой Отечественной войны. Но еще более она интересна как собрание множества штампов о Красной армии. Например, в первой части серии, выпущенной в 2003 г. американской студией Infinity Ward в миссии под названием «Сталинград» отступающих солдат расстреливают военнослужащие НКВД, а на каждых двух пехотинцев командиры дают одну винтовку и пять патронов. При этом сами командиры гонят своих солдат буквально на убой, без лишней на то необходимости¹. К пятой части серии (выпущена в 2008 г. американской студией Treyarch) повествование лишается столь явного противопоставления государственной системы и народа, но излишний пафос никуда не исчезает и даже дополняется личной историей героев, полной драмы. В повествование вводится фигура снайпера и командира отряда Виктора Резнова, являющегося средоточием всех тех черт, которые должны быть, по представлениям разработчиков игры, у красноармейца. Резнов мстителен, идет к цели несмотря ни на что и обладает, что называется, горячим сердцем и холодным разумом. При этом сам Резнов не является апологетом коммунистической идеи и даже внешне не похож на многих других комиссаров и командиров в игре (он бородат, носит ватник и шапку-ушанку), в связи с чем, скорее всего, должен воспроизводить стереотипизированный образ русского, транслируемый в американских фильмах.

Вообще излишняя пафосность и гиперболизация отдельных черт свойственны образам советским солдат и командиров в компьютерных играх. Зачастую героические речи сопровождаются торжественной музыкой, примерами самопожертвования во «имя России-матушки» и «товарища Сталина» и мотивами отщепенца за разрушенную страну. Однако и среди тех, кто «кует Победу», авторы помещают отрицательных персонажей, которые постоянно подозревают своих в измене, проявляют жестокость по отношению к мирному населению и вообще действуют крайне агрессивно и одновременно подло и хитро. В частности, такими всегда изображают служащих в органах контрразведки (см. например, образ Чуркина в «Companу of Heroes 2»). Интересно, что, по замечанию С.С. Буглак и других исследователей, обобщенный образ русского геймера в глазах международного сообщества обладает теми же чертами (Буглак и др., 2017: 247).

Однако если серия «Call of Duty» активно использует идеологические штампы о России, но все же не демонизирует ее, то в Companу of Heroes 2 (канадской студии Relic Entertainment) Красная армия (а особенно командный состав и подразделения НКВД) выглядят как сборище фанатичных убийц, которые идут к цели несмотря ни на что. Ярким примером является нашумевшая миссия в этой компьютерной игре² про оборону деревни на территории РСФСР в 1941 г. В ходе задания сначала нужно сжечь, играя за советских солдат, деревянные избы с жителями внутри, а потом, командуя уже другим отрядом под руководством чекиста, и тот первый отряд, который уничтожил гражданских лиц. Главный герой, от лица которого ведется повествование об этом, изображается честным человеком, раскаивающимся и активно противостоящим «всемогуществу НКВД», а многие его аморальные поступки объясняются выполнением приказов сверху.

Как мы можем заметить, тема «всесильных» органов внутренней безопасности и репрессий достаточно актуальна для компьютерных игр I группы. Ей находится место не

¹ Такого рода противопоставление «советская система против русского народа» было свойственно американскому кинематографу времен Холодной войны. Подробнее см.: (Фёдоров 2013: 33).

² Резонанс был настолько широк, что игру запретили к продаже в России на законодательном уровне (подробнее см.: В России из-за жалоб патриотов, 2013).

только в уже названных играх, но и даже в, казалось бы, лишенной сюжета глобальной стратегии Hearts of Iron 4 (шведской студии Paradox Interactive). В ней можно выполнить так называемый национальный фокус «Большая чистка» (см. рис. 1), который представляет из себя описанные разработчиками отдельные события в череде сталинских репрессий, в каждом из которых игрок может принять то или иное решение (в своём роде текстовый квест).

Рис. 1. «Большая чистка» в Hearts of Iron 4 ([Обсуждение Hearts of Iron 4](#))

Интересно, что игрок, в ходе его выполнения, может сделать выбор, какие именно органы власти подвергнуть репрессиям. От этого, как и от того, будут ли вообще проводиться репрессии, зависит вероятность новой Гражданской войны и даже приглашения Л.Троцкого обратно в СССР. Таким образом, прохождение квеста подталкивает игрока к мысли о том, что подвергшиеся суду партийные и военные деятели вынашивали планы свержения Сталина. Игрок в свою очередь может отказаться от дальнейшего усиления репрессий и создать в игре альтернативную историю СССР 1930-х гг.

Самой же Красной армии также уделяется внимание. Если игрок всё же решит не усиливать НКВД, то он может усилить армейские структуры. Также крайне любопытно то, что наиболее способным полководцем Красной армии в начале игры ее разработчики считают М.Тухачевского и поэтому решение отправить его под суд и расстрелять, которое должен принять игрок, если хочет реконструировать ход реальной истории, может показаться геймеру абсурдным.

Но если Hearts of Iron 4 представляет войну глазами политиков и полководцев, то «Red Orchestra 2» (американской студии «Tripwire Interactive») показывает поля сражения глазами обычного солдата. И хоть в ней нет сюжета в привычном понимании, образ Красной армии можно реконструировать из реплик самих солдат, произносимых во время сражения. Многие из них проникнуты тоской по товарищам и желанием отомстить за родную страну, что, как мы уже выяснили, одна из отличительных черт красноармейцев в играх I группы. Среди них часто встречаются фразы «В атаку, за Родину!», «Трусам и предателям пощады нет!» и «Вернем нашу родную землю!», но нередки и язвительные насмешки над врагом, что ярко выделяет Red Orchestra 2 на фоне других игр, так как солдаты выступают не только

как жертвы войны или стереотипные герои, но и как люди, стремящиеся таким образом преодолеть стрессовую ситуацию.

Отметим, в играх I группы образы Красной армии могут быть совершенно разными и, переходя к черте, разделяющей игры обеих групп, стоит заранее сказать, что достаточно «нейтральные» в изображении СССР и Красной армии Red Orchestra 2 и Hearts of Iron 4 близки к играм II группы. Особенно ярко это мы видим на примере изображения представителей органов НКВД.

Так, в играх «Партизаны 1941» и «Черные бушлаты», в которых мы можем поиграть за представителей органов НКВД, сразу бросается в глаза то, что перед нами некая военная элита страны Советов. Сравнить их можно лишь с устоявшимся в исторической памяти собирательным образом рыцаря, который и сражается лучше всех, и одновременно олицетворяет все лучшие моральные качества, присущие воину. Так и здесь представители органов госбезопасности обладают несравненно большими навыками ведения войны и часто воодушевляют остальных бойцов, возглавляя атаку. Поэтому им, по сюжету игры, даже поручают выполнение особо опасных заданий, требующих скрытности и осторожности, что мы видим в «Блицкриг 2».

Они не стреляют в спину собственным солдатам хотя бы потому, что и сами солдаты зачастую рады идти в бой и представляют из себя смелых и готовых умереть за дело освобождения Родины людей. Здесь мы наблюдаем интересное явление: насколько сильно отличаются образы НКВД в играх обеих групп, настолько сильно схожи характеры и мотивы рядовых солдат. В играх обеих групп последние мстят врагу и готовы на самопожертвование ради победы. Однако образы красноармейцев в играх первой группы отличаются тем, что они порою сами преступают законы чести и войны, исходя из принципа талиона.

Здесь стоит задаться вопросами: обоснованно ли действуют красноармейцы в компьютерных играх, поступая жестко и даже порою жестоко по отношению к солдатам вермахта, и чем сами герои объясняют своё поведение. Отметим, что образ немецких войск в кампании против СССР в играх обеих групп схож. Так, в миссиях, посвященных борьбе на территории СССР, они изображаются как жестокие и не ведающие жалости к врагу, «опухоль на теле Европы, погубившая многих мужчин и женщин». Эта цитата из пятой части «Call of Duty», где в буквально первой же сцене мы видим, как солдаты вермахта добивают раненых возле знаменитого фонтана «Бармалей». О такого рода жестокостях, по сюжету, вспоминают многие красноармейцы, как и о том, что немцы виновны в разрушении страны.

Но если о жестокости немцев говорят все игры, то причины их поражения, представленные разработчиками, различны. В Company of Heroes 2 – это мороз и количественное превосходство русских отрядов, которыми «закрывали дыры» в обороне, в Call of Duty – натиск русских и их решительность, а во многих отечественных играх – храбрость красноармейцев и их число, грамотные действия советского командования, ресурсная база союзников и их совокупная промышленная мощь. При этом во всех играх звучит мысль о том, что враг был силен, опытен и обладал современной техникой. Интересно, что в «Блицкриг 2» одной из причин поражения также указывается слабость союзников Третьего рейха (особенно, Италии), из-за действий которых немцам приходилось оттягивать силы на другие фронты.

Отдельного упоминания заслуживают факты использования в играх обеих групп видеодокументов и вообще справочных материалов. Так, и это заметно, игры II группы стараются привлечь игроков стремлением к исторической достоверности и заявить о своей просветительской функции. Поэтому в нескольких из них, например, содержатся внутриигровые базы данных, напоминающие энциклопедии (Кириченко, 2019) по различным областям истории Великой Отечественной войны, в которые игрок может зайти после прохождения заданий в игре и изучить интересующую его информацию. Также в игре активно демонстрируются игроку между миссиями газетные вырезки и хроники тех времен. Особенно заметно это на примере проектов Wargaming.net, которые материалы справочного характера приурочивают к памятным датам, сопровождая их дополнительными заданиями и акциями для пользователей, и тем самым привлекают аудиторию в свои проекты. Игры же из I группы привлекают справочные материалы непоследовательно, кратко описывая, где происходит событие, и кто в нем участвует, а хроника же включена лишь фрагментами в так

называемые брифинги – выступления к заданиям. Похожий прием был использован в Call of Duty в 2003 г. (Allison, 2010: 188)

Отметим, что несмотря на наличие созданных российскими разработчиками игр о войне, всё же на рынке большей известностью пользуются продукты западной гейм-индустрии, которые зачастую полны так называемой «клюквы», своего рода шаблонных стереотипов. Многие из них мы можем видеть как в кинематографе времён Холодной войны (Фёдоров, 2013), так и в историографии, авторы которой использовали в качестве источника мемуары немецких военнослужащих (Шубин, 2021). Однако сами разработчики могли использовать в качестве основы и другие источники. Так, разработчики Company of Heroes 2 опирались на роман «Жизнь и судьба» В.С. Гроссмана (Company of Heroes 2, 2013). Скорее всего, имеются в виду главы 39–41, описывающие лагерную жизнь глазами Абарчука, однако в изображении Сталинградской битвы произведение В.С. Гроссмана и игра Relic Entertainment разительно отличаются.

4. Заключение

Подводя итог, образ Красной армии в компьютерных играх из обеих групп имеет ряд сходств и отличий. Так в играх I группы рядовые солдаты храбры, патриотичны и пафосны, стойко сносят все невзгоды и готовы мстить врагу несмотря даже на то, что находятся под непереносимым давлением спецслужб. Последние же часто выступают в роли фанатиков и карателей, спокойно жертвующими собственными людьми. Стоит отметить, что и те и другие одинаково ненавидят врага и порою готовы сами нарушить негласные законы войны ради победы. В играх же II группы все советские части проявляют героизм и выучку, а командование – компетенцию и умение здраво мыслить. Органы же госбезопасности также участвуют в боевых операциях, но зачастую как командиры либо их помощники, а на их роли как носителей советской идеологии не делается большой упор.

Удивительно схожи при этом образы вермахта в играх обеих групп. Их представители показаны как жестокие, опасные по своей силе и аморальные убийцы, которым неведомы вообще никакие правила ведения войны. При этом их жестокость часто безосновательна. В играх, где существует сюжетная линия, такое поведение врага является спусковым крючком для многих красноармейцев в их беспощадной борьбе с захватчиками.

Литература

Беляков и др., 1999 – Беляков О.И., Мещерякова И.В. Компьютерные игры в обучении биологии // *Компьютерные инструменты в образовании*. 1999. № 5. С. 43-49.

Буглак и др., 2017 – Буглак С.С., Латыпова А.Р. и др. Образ другого в компьютерных играх // *Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология*. 2017. № 2. С. 242-253.

Быльева и др., 2019 – Быльева Д.С., Лобатюк В.В., Заморев А.С. Игры со временем // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2019. № 4. С. 72-85.

В России из-за жалоб патриотов, 2013 – В России из-за жалоб патриотов прекратили продавать Company of Heroes 2 // *Lenta.ru*, 05.08.2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2013/08/05/coh/> (дата обращения: 05.04.2021).

Иванов, 2019 – Иванов А.Г. Компьютерные игры в обучении истории // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2019. № 3. С. 134-138.

Иванова, 2018 – Иванова Н.А. Эксплицитные мотивы в повседневной жизни у мужчин, играющих в компьютерные онлайн-игры: эмпирическое исследование // *Национальный психологический журнал*. 2018. № 4 (32). С. 16-26

Кириченко, 2019 – Кириченко В.В. «Энциклопедические игры» как способ исторической рефлексии // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2019. № 4. С. 130-152.

Морозов, 2019 – Морозов М.Д. Особенности процесса локализации компьютерных игр // *Вестник Астраханского государственного технического университета*. 2019. № 2(68). С. 59-63.

Обсуждение Hearts of Iron 4 – Обсуждение Hearts of Iron 4 (День Победы IV). [Электронный ресурс]. URL: https://imtw.ru/topic/43960-obsuzhdenie-hearts-of-iron-4-den-pobedy-iv/page__st__70__p__1704312 (дата обращения: 12.05.2021)

Пинчук, 2010 – Пинчук Д.В. Мотивы обращения к компьютерной игре // *Царскосельские чтения*. 2010. №XIV. С. 149-152

Савкин, Архипова, 2020 – Савкин А.Е., Архипова М.В. Применение компьютерных игр в обучении английскому языку // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2020 № 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/54PDMN620.pdf> (дата обращения: 25.02.2021).

Саяхова, 2020 – Саяхова Д.К. Лингвокультурная адаптация текста при переводе (на материале видеоигр) // *Казанский лингвистический журнал*. 2020. № 1 (3). С. 52-63.

Седых, 2020 – Седых И.А. Индустрия компьютерных игр – 2020 / Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики [Электронный ресурс]. URL: <https://dcenter.hse.ru/data/2020/07/27/1599127653/Индустрия%20компьютерных%20игр-2020.pdf> (дата обращения: 26.02.2021).

Федоров, 2013 – Федоров А.В. Трансформации образа России на западном экране: от эпохи идеологической конфронтации (1946–1991) до современного этапа (1992–2010). М.: Изд-во МОО «Информация для всех», 2013. 230 с.

Чумпурова, 2014 – Чумпурова И.Г. Негативное влияние компьютерных игр // *Культура. Духовность. Общество*. 2014. № 15. С. 134-137

Шубин, 2021 – Шубин Н.С. Образ Сталинградской битвы в компьютерных играх и современной историографии: что есть общего у них? // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021». М.: МАКС Пресс, 2021 [Электронный ресурс] URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2021/data/22440/132320_uid569209_report.pdf (дата обращения: 25.04.2021).

Allison, 2010- Allison T. The World War II Video Game, Adaptation, and Postmodern History // *Literature / Film Quarterly*. 2010. Vol. 38. No. 3. Pp. 183-193.

Company of Heroes 2, 2013 – Company of Heroes 2. Интервью // Kanobu.ru, 28.04.2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://kanobu.ru/articles/company-of-heroes-2intervyu-365690/> (дата обращения: 15.02.2021).

Valve объявила, 2021 – Valve объявила об абсолютном рекорде Steam. 26 млн игроков одновременно // IXBT.com, 08.02.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ixbt.com/news/2021/02/08/absolutnyj-rekord-steam-bolee-26-mln-igrokov-v-seti-odnovremenno.html> (дата обращения: 05.04.2021).

References

Allison, 2010- Allison, T. (2010). The World War II Video Game, Adaptation, and Postmodern History. *Literature / Film Quarterly*. Vol. 38. 3: 183-193.

Beljakov i dr., 1999 – Beljakov, O.I., Meshherjakova, I.V. (1999). Komp'juternye igry v obuchenii biologii [Computer games in teaching biology]. *Komp'jutepnye instpumenty v obpazovanii*. 5: 43-49. [in Russian]

Buglak i dr., 2017 – Buglak, S.S., Latypova, A.R. etc. (2017). Obraz drugogo v komp'juternyh igrah [The image of the other in computer games]. *Vestnik SPbGU. Filosofija i konfliktologija*. 2: 242-253. [in Russian]

Byl'eva i dr., 2019 – Byl'eva, D.S., Lobatjuk, V.V., Zamorev, A.S. (2019). Iгры so vremenem [Games with time]. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 4: 72-85. [in Russian]

Chumpurova, 2014 – Chumpurova, I.G. (2014). Negativnoe vlijanie komp'juternyh igr [Negative influence of computer games]. *Kul'tura. Duhovnost'. Obshhestvo*. 15: 134-137. [in Russian]

Company of Heroes 2, 2013 – Company of Heroes 2. Interv'ju [Company of Heroes 2. Interview]. Kanobu.ru, 28.04.2013 [Electronic resource]. URL: <https://kanobu.ru/articles/company-of-heroes-2intervyu-365690/> (accessed on: February 15, 2021). [in Russian]

Fedorov, 2013 – Fedorov, A.V. (2013). Transformacii obraza Rossii na zapadnom jekrane: ot jepohi ideologicheskoi konfrontacii (1946–1991) do sovremennogo jetapa (1992–2010) [Transformations of the image of Russia on the Western screen: from the era of ideological confrontation (1946-1991) to the modern stage (1992-2010)]. М.: Изд-во МОО «Информация длja vseh», 230 p. [in Russian]

Ivanov, 2019 – Ivanov, A.G. (2019). Komp'juternye igry v obuchenii istorii [Computer games in teaching history]. *Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika*. 3: 134-138. [in Russian]

Ivanova, 2018 – Ivanova, N.A. (2018). Jeksplicitnye motivy v povsednevnoj zhizni u muzhchin, igrajuščih v komp'juternye onlajn-igry: jempiricheskoe issledovanie [Explicit motives in everyday life in men playing online computer games: an empirical study]. *Nacional'nyj psihologičeskij žurnal*. 4 (32): 16-26. [in Russian]

Kirichenko, 2019 – Kirichenko, V.V. (2019). «Jenciklopedičeskie igry» kak sposob istoričeskoj refleksii [“Encyclopedic games” as a way of historical reflection]. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 4: 130-152. [in Russian]

Morozov, 2019 – Morozov, M.D. (2019). Osobennosti processa lokalizacii komp'juternyh igr [Features of the localization process of computer games]. *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta*. 2 (68): 59-63. [in Russian]

Hearts of Iron 4 Discussion – Hearts of Iron 4 Discussion (Victory Day IV). URL: https://imtw.ru/topic/43960-obsuzhdenie-hearts-of-iron-4-den-pobedy-iv/page__st__70__p__1704312 (date of access: 12.05.2021). [in Russian]

Pinchuk, 2010 – Pinchuk, D.V. (2010). Motivы obrashhenija k komp'juternoj igre [Motives of the appeal to the computer game]. *Carskosel'skie chtenija*. XIV: 149-152. [in Russian]

Savkin, Arhipova, 2020 – Savkin, A.E., Arhipova, M.V. (2020). Primenenie komp'juternyh igr v obuchenii anglijskomu jazyku [Application of computer games in teaching English]. *Mir nauki. Pedagogika i psihologija*. 6 [Electronic resource]. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/54PDMN620.pdf> (date of access: 25.02.2021). [in Russian]

Sajahova, 2020 – Sajahova, D.K. (2020). Lingvokul'turnaja adaptacija teksta pri perevode (na materiale videoigr) [Linguocultural adaptation of the text in translation (based on the material of video games)]. *Kazanskij lingvističeskij žurnal*. 1(3): 52-63. [in Russian]

Sedyh, 2020 – Sedyh, I.A. (2020). Industrija komp'juternyh igr – 2020 / Nacional'nyj issledovatel'skij universitet Vysshaja shkola jekonomiki [Computer Games Industry – 2020 / National Research University Higher School of Economics] [Electronic resource]. URL: <https://dcenter.hse.ru/data/2020/07/27/1599127653/Industrija%20komp'juternyh%20igr-2020.pdf> (date of access: 26.02.2021). [in Russian]

Shubin, 2021 – Shubin, N.S. (2021). Obraz Stalingradskoj bitvy v komp'juternyh igrah i sovremennoj istoriografii: čto est' obshhego u nih? [The image of the Battle of Stalingrad in computer games and modern historiography: what do they have in common?]. *Materialy Mezhdunarodnogo molodežnogo nauchnogo foruma «LOMONOSOV-2021»* [Materials of the International Youth Scientific Forum "LOMONOSOV-2021"]. M.: MAKS Press, 2021 [Electronic resource]. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2021/data/22440/132320_uid569209_report.pdf (date of access: 25.04.2021). [in Russian]

V Rossii iz-za zhalob patriotov, 2013 – V Rossii iz-za zhalob patriotov prekratili prodavat' Company of Heroes 2 [In Russia, due to complaints of patriots, they stopped selling Company of Heroes 2]. *Lenta.ru*, 05.08.2013 [Electronic resource]. URL: <https://lenta.ru/news/2013/08/05/coh/> (accessed on: April 5, 2021). [in Russian]

Valve ob'javila, 2021 – Valve ob'javila ob absoljutnom rekorde Steam. 26 mln igrokov odnovremenno [Valve has announced an all-time record for Steam. 26 million players simultaneously]. *IXBT.com*, 08.02.2021 [Electronic resource]. URL: <https://www.ixbt.com/news/2021/02/08/absoljutnyj-rekord-steam-bolee-26-mln-igrokov-v-seti-odnovremenno.html> (date of access: 05.04.2021). [in Russian]

Образы Красной армии и вермахта в Великой Отечественной войне в компьютерных играх

Никита Сергеевич Шубин ^{а,*}

^а Южный федеральный университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: n.shubino910@gmail.com (Н.С. Шубин)

Аннотация. В настоящее время компьютерные игры занимают все большее место в досуге отдельных слоев населения. Над их созданием порою трудятся тысячи специалистов, а в игровой индустрии существуют уже десятки специализаций. Но чем вдохновляются эти люди и какие образы вкладывают в свои произведения? Каким образом коллективная память об исторических событиях отражается в играх? В поиске ответов на эти вопросы автор статьи ставит перед собой цель рассмотреть сложившиеся в компьютерных играх о Великой Отечественной войне образы Красной армии и вермахта, определить их взаимосвязь и источники их формирования. Анализу подвергнуты игры из Европы, США, Канады (I группа) и стран, образовавшихся на территории бывшего СССР (II группа), так как в них, с одной стороны, сфера гейм-индустрии достаточно развита, а с другой стороны-существует определённый спрос среди населения на продукты о Второй мировой войне и Великой Отечественной войне. Выясняется, что в таких играх как Call of Duty, Company of Heroes 2 и др., находящихся в I группе, зачастую разработчики используют тот образ Красной армии, в которой многие рядовые военнослужащие готовы защищать Родину, пафосны и полны ненависти к врагу. Схожие черты в этих играх присущи и командному составу, но последний также способен без особой нужды жертвовать собственными солдатами во имя приказа и идеологии. Этим играм можно отчасти противопоставить образ Красной армии в играх II группы (Блицкриг, Чёрные бушлаты и др.), в которых солдаты также храбры и способны на самопожертвование, но командование обладает нужной компетенцией и трезвым рассудком. Источниками формирования негативных представлений о Красной армии становятся как кинофильмы, так и работы историков времен Холодной войны. В ходе исследования установлено, что образ вермахта в играх обеих групп схож. Действия вермахта вызывают ответную реакцию главных героев продуктов гейм-индустрии.

Ключевые слова: компьютерные игры, историческая память, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, игропром, геймеры, медиа.